№ 2 (38) 2022
ISSN 2305-8838

НОПриЛ NAAL

Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики

Национальное общество прикладной лингвистики (НОПриЛ)

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ НАЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Научно-исследовательский журнал

№ 2 (38)

МОСКВА
2022

УДК 81’33(063)
ББК 81.1я431
У 91

Главный редактор:
д. филол.н., профессор С.Г. Тер-Минасова (МГУ имени М.В. Ломоносова)

Заместитель главного редактора:
д.филол.н., доцент Н.А. Ахренова (ГСГУ, г. Коломна)

Технический секретарь:
Ph.D. М.Н. Дубинина
(ГСГУ, г. Коломна)

Редакционная коллегия:
д.филол.н., профессор Л.И. Богданова (МГУ имени М.В. Ломоносова)
д.филол.н., профессор Т.Г. Добросклонская (МГУ имени М.В. Ломоносова)
к. культ., доцент О.Ю. Иванова (РосНОУ, г. Москва)
д.филол.н., доцент Т.В. Ивченко (РГГУ, г. Москва)
д.филол.н., профессор О.М. Карпова (ИГУ, г. Иваново)
д.филол.н., доцент М.И. Киосе (Институт языкознания РАН)
к.филол.н., доцент О.А. Ксензенко (МГУ имени М.В. Ломоносова)
д.филол.н., профессор А.Л. Назаренко (МГУ имени М.В. Ломоносова)
д.филол.н., профессор Л.В. Полубиченко (МГУ имени М.В. Ломоносова)
Robert Ilson (University College London)
Zhong Weihe (Guangdong University of Foreign Languages)
профессор Ян Кэ (Университет иностранных языков и внешней торговли, г. Гуанчжоу)

У 91 Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики. М.: НОПриЛ, 2022 – 147 с.
ISSN 2305-8838

Материалы журнала содержат статьи, посвященные актуальным проблемам изучения и преподавания родного и иностранного языков, межкультурной коммуникации, перевода и другим аспектам современной лингвистической и педагогической наук.

ISSN 2305-8838
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
(Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор))
ПИ № ФС77-52630 от 25 января 2013 г.
Учредитель Национальное общество прикладной лингвистики. Адрес учредителя: 127572, Москва, ул. Новгородская, д. 22, к. 3, Председатель редакционной коллегии проф. Тер-Минасова С.Г. Подписано в печать 23.05.22. Формат 60х90/16. Усл.печ.л. 20,8. Тираж 1000 экз. Цена свободная.

© Национальное общество прикладной лингвистики (НОПриЛ)
© Авторы статей

СОДЕРЖАНИЕ

ЛЕКСИКОЛОГИЯ И ЛЕКСИКОГРАФИЯ

Жирова И.Г.
Словарное «портретирование» эмотиологического концепта «гордость / pride» 7

Карпова О.М.
Цифровая лексикография как новая научная парадигма (на материале английских словарей) 22

ОСНОВЫ ОБУЧЕНИЯ БИЛИНГВИЗМА

Епифанцева Н.Г., Хассан А.У.
Особенности билингвизма франкоговорящего населения республики Нигер 40

ПЕРЕВОД И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

Кузнецова Т.Я.
Французский импрессионизм в русском варианте (по материалам новеллы Ги де Мопассана Le Retour и её перевода) 49

Миньяр-Белоручева А.П., Сергиенко П.И.
Вопросы постредактирования машинного перевода PR-текстов в эпоху цифровизации 57

Новикова М.Г., Лебедева А.А.
Переводческие манипуляции в юридическом дискурсе 68

СТИЛИСТИКА И АНАЛИЗ ДИСКУРСА

Маник С.А., Халикулова К.В.
Интонация как ключевой компонент звучащей речи: экспериментальное исследование 79

Миндрул О.С.
Кинотекст как поликодовое и мультимодальное явление: диалектика вербального и невербального в кинодокументалистике (на материале британских сми) 93
Попугаева М.В.
Категория цвета в контексте (на материале произведений английской художественной литературы) 111
Сергиенко П.И.
Полифункциональность грамматических единиц в текстах англоязычного PR-дискурса 127
Список авторов 141

CONTENTS

LEXICOLOGY AND LEXICOGRAPHY

Irina Zhirova
Dictionary portraying of the emotiological concept " gordost`/ pride" 7
Olga Karpova
Digital lexicography as a new scientific paradigm (with special reference to english dictionaries) 22

THE BASICS OF BILINGUAL EDUCATION

Natalia Epifantseva, Ali Hussainy Hassany
Features of bilingualism of the french-speaking population of the republic of Niger 40

TRANSLATION AND TRANSLATION STUDIES

Tatiana Kuznetzova
French impressionism in the Russian version (based on “The Return” by Guy de Maupassant and its translation) 49
Alla Minyar-Beloroucheva, Polina Sergienko
PR texts machine translation post-editing in the digital age 57
Marina Novikova, Anna Lebedeva
Translation manipulations in legal discourse 68

STYLISTICS AND DISCOURSE ANALYSIS

Svetlana Manik, Karina Khalikulova
Intonation as a key component of sounding speech: experimental research 79
Olga Mindrul 93

Film discourse as a polycode and multimodal phenomenon: the dialectics of verbal and non-verbal means of communication in documentaries (a case study of British mass media)
Maria Popugaeva
The category of colour in context (based on fiction in English) 111
Polina Sergienko
Polyfunctional grammar units in English PR discourse texts 127
List of authors 141

ЛЕКСИКОЛОГИЯ И ЛЕКСИКОГРАФИЯ

УДК 81’25 (038)

Жирова Ирина Григорьевна
Irina Zhirova

СЛОВАРНОЕ «ПОРТРЕТИРОВАНИЕ» ЭМОТИОЛОГИЧЕСКОГО КОНЦЕПТА «ГОРДОСТЬ / PRIDE»

DICTIONARY PORTRAYING OF THE EMOTIOLOGICAL CONCEPT " GORDOST`/ PRIDE"

Аннотация. *Актуальность статьи обусловлена необходимостью словарного «портретирования» лингвокультурных концептов. Основной целью статьи является выявление основных элементов (параметров), необходимых для лексико-семантического «портретирования» эмотиологических социо-культурных концептов. Лингвокультурологические словари-активаторы, обладая своей собственной идентичностью, представляют наиболее полную информацию о концептах как общих рече-языковых понятиях. В статье представлена авторская методика лексико-семантического «изображения» эмотиологического социо-культурного концепта «гордость» в словарях-активаторах. Словарная статья характеризуется уникальной архитектоникой расположения языкового материала, объемом вводной информации. Научная новизна статьи состоит в разработке и применении нового алгоритма представления знаний о концепте «гордость», включающего такие параметры его семантизации, как когнитивные, социокультурные, семантические и синтаксические элементы. Материалом исследования послужил конкретный лингвокультурологический эмотиологический концепт «гордость / pride». В выводах подчеркивается настоятельная необходимость появления специальных словарей, в которых предметно-понятийное значение дополнено расширенной коммуникативно-прагматической и эмотивной информацией.*

Abstract. *The relevance of the article is due to the need for the dictionary semantic portraying of linguo-cultural concepts. The aim of the paper is to identify the main elements (parameters) necessary for lexico-semantic "portraying" of emotiological socio-cultural concepts. Linguo-culturological activator dictionaries, having their own identity, provide the most complete information about concepts as general speech-language notions. The article presents the author's method of lexico-semantic "image" of the emotiological socio-cultural concept "gordost / pride" in activator dictionaries. The dictionary entry is characterized by the unique architectonics of the location of the language material, the volume of introductory information. The scientific novelty of the paper consists in the development and application of a new algorithm for the representation of knowledge about the concept of " gordost / pride", including such parameters of its semantics as cognitive, socio-cultural, semantic and syntactic elements. The research material was a specific linguo-culturological emotiological concept " gordost / pride". The conclusions emphasize the urgent need for the emergence of special “active” dictionaries in which the subject-conceptual meaning is supplemented with expanded communicative, pragmatic and emotive information.*

Ключевые слова: *лингвокультурология, словарное портретирование, эмотиология, концепт гордость, семантический конструкт, самосознание, самооценка*
Keywords: *linguoculturology, dictionary portraying, emotiology, the concept of pride, semantic construct, self-awareness, self-esteem*

Введение

Лингвокультурология, постепенно постигая ценность эмоций и чувств, сопровождающих человека на протяжении всей его жизни, с течением времени обратила более пристальное внимание на эмотиологические концепты. Это те концепты, которые вырабатываются в первую очередь эмоциональным интеллектом человека.

Многий ученые, занимающиеся различными вопросами лингвокультурологии и межкультурной коммуникации, справедливо отмечают концептуализацию окружающего мира: Н. Ф. Алефиренко [Алефиренко 1999]; В. И. Карасик [Карасик 2013, 2015]; Е. С. Кубрякова [Кубрякова 1991, 2012]; В. А. Маслова [Маслова 2004]; Г. Г. Молчанова [Молчанова 2007]; Н. В. Попова [Попова 2007] и др. В рамках лингвокультурной концептологии происходит очевидная стереотипизация и универсализация моделей представления того или иного концепта, что приводит к глобальному интегрированию знаний о концептах. Естественный, окружающий нас мир предоставляет достаточно объективную информацию, которая позволяет обосновать условия для формирования, а в дальнейшем и описания определенного концепта.

Сложившаяся культурная практика изучения концептов в современном российском языкознании указывает на возможность их исследования в следующем порядке: *виртуализация* (ассоциативно-образное представление концепта) ==> *актуализация* (словарное «портретирование» концепта) ==> *реализация* (индивидуально-авторское представление концепта в тексте). В дальнейших исследованиях возможно сопоставление концептуальных «портретов» на материале различных языков, что позволит выявить схожесть и различие в языковых картинах мира сравниваемых (сопоставляемых) культур.

В научном лингвистическом сообществе среди лингвокультурологов огромное внимание уделяется психологической когнитивной теории, центральное место в

которой занимает концептуальная система языка. Так, Жан Пиаже, выдающийся швейцарский ученый-психолог, предложил теорию, ставшую в настоящее время очень популярной среди лингвистов-культурологов, о поэтапной эволюции концептуальной системы, проходящей одновременно с общим нейро- и психофизиологическим развитием человека. В основе его «психологии мышления» лежит положение о том, что врожденных концептов не существует, поскольку только благодаря способности к абстрактному мышлению человек на протяжении всей своей жизни осваивает концептуальное глобальное и национальное пространство. Его гипотеза о психологическом статусе мышления позволила констатировать, что только операционная работа мышления позволяет аксиоматически оценить, а далее генетически интерпретировать объекты, предметы, явления окружающего мира. Он подчеркивает, что именно логик «выступает как геометр, дедуктивно, конструирующий пространство реального мира», в то время как «психолог изучает, каким образом устанавливается фактическое равновесие в его идеальной форме, то есть каким оно должно нормативно быть в сознании при условии его полной реализации» [Пиаже 2003: 23]. Очевидно, по мнению Ж. Пиаже, что только совместная мыслительная деятельность логика и психолога, направленная на аксиоматическую и аксиологическую обработку объемного информационного пространства, позволяет целостно исследовать как внешние, так и внутренние процессы познания окружающего мира.

Важную роль в становлении лингвокультурной концептологии в России сыграли научные работы Н. Д. Арутюновой, которая четко определила задачи лингвокультурного концептуального моделирования языковой картины мира: культурные концепты «выполняют функцию своего рода посредников между человеком и той действительностью, в которой он живет» [Арутюнова 1988: 11]. Алгоритм анализа таких концептов включает: а) реконструкцию языковой картины мира и историю становления того или иного концепта; б) определение групп концептуальных полей; в) сбор массивных данных о концепте, его окружении и взаимоотношении с другими концептами как в рамках

концептуальных полей, так и всей лексико-семантической системы одного / нескольких языков.

В когнитивном лингвокультурологическом направлении науки о языке концепт рассматривается как фрагмент системно-структурированного национально и культурно обусловленного знания. Добавим, что Е. С. Кубрякова рассматривает всю систему концептов как отражение взаимоотношений человека с окружающим миром. При этом концепт, по мнению Е. С. Кубряковой, обозначает «разносубстратные единицы оперативного сознания, какими являются представления, образы, понятия» [Цит. по: Кубрякова 2012: 46].

На данном этапе развития когнитивной лингвокультурологии значимо утверждение, что именно концепты принадлежат конечной стадии интеллектуальной (мыслительной) эволюции, при этом наиболее важную роль играет логико-психологическая – аксиоматическая и аксиологическая – обработка информации. Так, аксиоматическое направление ориентировано на формальное представление структур ментального лексикона, при этом речь идет о тех или иных семантических конструктах. В то время как аксиологическое направление в лингкокультурологической концептологии предполагает познание включенности человека в коммуникативное, речетекстовое взаимодействие с другими людьми. При этом признается, что именно человек в своей речетекстовой деятельности формирует необходимые ему смыслы, подвергающиеся интерпретации как самим человеком, так и другими членами того или иного коммуникативного сообщества.

Очевидно, что любой концепт содержит не только объективно отраженную картину мира, но и субъективно ее интерпретированную. Согласованность объективно и субъективно представленной информации в концепте позволяет достаточно точно и детализировано сконструировать и описать тот или иной концепт в виде словарной, алгоритмически структурированной статьи. Стоит признать и тот факт, что именно совместная работа сознания, мышления и языка (МЛК – ментально-лингвальный комплекс) позволяет человеку типизировать те или иные психологические феномены (чувства и

эмоции), превращая их в конкретные концепты для лингвистического исследования, такие как, например, *гордость*, *любовь*, *радость, ревность, алчность* и др.

Концептологическая теория в лингвокультурологии предполагает упорядочивание как самих концептов в стройную языковую систему, так и отдельных его элементов. При этом при систематизации понятий, входящих в концепт, надо учитывать и те смыслы, которые приобретаются концептом только в речи-тексте и которые не всегда зафиксированы в словарных статьях. Как правило, эти смыслы относятся в том числе и к прагматическим особенностям речи, раскрывающим эмоциональный, чувственный мир человека.

Основная часть

Эмоции и чувства универсальны и культурно обусловлены, они являются мотивационной основой самосознания и социального поведения человека. Взаимодействие чувств, эмоций и когниций в процессе коммуникации рассматривается лингвистами через исследование их номинаций и дескрипций. Вектор нашего исследования направлен на изучение когниций «человека гордого» и «человека гордящегося». Поскольку человеческие эмоции и чувства ментальны, то и такое состояние человека как *гордость* обладает двойной – внутренней и внешней – коммуникативной функцией. Внутренняя функция направлена на мышление и сознание, в которых присутствуют когнитивные кодово-коррелирующие с чувством *гордости* знания, в то время как внешняя – на вербальное и невербальное представление этого чувства. Когнитивные знания о *гордости* представлены в словарных статьях фрагментарно, поскольку невозможно в небольших по объёму словарных текстах отразить всю полноту когнитивно-пропозициональных состояний «человека гордого» и «человека гордящегося».

Лингвокультурологический эмотиологический концепт *гордость* указывает на определённое психологическое состояние человека и позволяет исследовать сложный характер связи между четырьмя гуманитарными научными дисциплинами: *психологией, социологией, культурологией и лингвистикой*. Так, одним из

наиболее интересных психологических направлений в исследовании поведения человека является бихевиоризм, приверженцы которого в науке подчёркивают, что именно социально-культурные, а не врожденные, биологические факторы, формируют поведение человека, его взаимоотношение с окружающим миром [Фромм 1994: 67].

Гордость как дуальное психологическое состояние человека воспроизводит в самосознании человека социально и культурно обусловленное, до определённой степени типизированное чувство (внутреннее свойство) и соответствующие ему эмоции (реактивное проявление этого чувства). Очевидно, чувства программируются интеллектуально-эмоциональным мышлением, в то время как эмоции – эмотивно-эмоциональным (собственно эмоциональным). Таким образом, эмоция – это актуализированное сенсибилизирующее чувство, являющееся результатом трансформации субъекта, предположительно обладающего тем или иным чувством, в субъекта, испытывающего эмоцию, соответствующую чувству (*гордый человек – человек гордящийся*). По-видимому, актуализация чувств в эмоции происходит под влиянием как внешних (социально-обусловленных), так и внутренних (психологических) факторов-«провокаторов».

Проводя анализ концепта *гордости*, необходимо а) дать определение этой лексеме как единице лексической системы, б) проследить онтогенез характерологических поведенческих качеств «человека гордящегося», в) установить объём семантической и прагматической информации, а также г) рассмотреть коннотации (дополнительные смыслы), под которыми следует понимать «… несущественные, но устойчивые признаки выражаемого понятия, которые воплощают принятую в данном языковом коллективе оценку соответствующего предмета или факта действительности» [Апресян 1995: 159].

Толковые словари, хотя и не лишены некоторых недостатков (взаимное истолкование семантически «родственных» слов, тавтология и пр.), представляют собой вполне приемлемые источники эмпирического материала для выявления наших первичных знаний о чувствах и эмоциях, зафиксированных в большей или меньшей степени в

информационно-сдержанных и чаще кратких «определительных» текстах (дефинициях). Слова и их лексикализованные коллокации, являясь структурными элементами любого языка, фиксируют устойчивое представление языковой личности об окружающем мире. Таким образом, толковые словари кратко, однако вполне корректно отображают знания человека об окружающем его мире.

Согласно английскому толковому словарю “Oxford Advanced Learner’s Dictionary of Current English” (OALDCE) лексема ***pride*** означает ‘1. feeling of satisfaction arising from what one has done, or from persons, things, etc. one is concerned with; 2. self-respect; knowledge of one’s worth and character; 3. object of; 4. too high an opinion of oneself, one’s position, possessions, etc., arrogance [OALDCE V. 2, 1982: 157]. Исходя из вышеприведённого определения *гордости*, можно констатировать, что структура «человека гордящегося» включает несколько подструктур: а) биопсихологическую (*feeling* of satisfaction, knowledge of *character*, etc.); б) биосоциальную (knowledge of *one’s worth*, etc.); а также в) социокультурную (an opinion of *one’s position*, *possessions*, etc.), которые при исследовании этого чувства и соответствующих ему эмоций по-видимому находятся на одном иерархическом уровне.

Словарная дефиниция свидетельствует также о полисемантичности лексемы ***pride***, при этом каждый из представленных в тексте дефиниции вариантов, дополняя друг друга, «рисует» определенную «картинку» *гордости*. Причем во всех лексико-семантических вариантах этой лексемы фиксируется либо эксплицитно, либо имплицитно смысловой инвариант психологического, многократно повторяющегося положительного состояния «удовлетворения / удовольствия», отражающего глубокие знания англоговорящего человека об этом чувстве.

В то же время концепт ***pride*** состоит из некоторого набора семантических конструктов, которые можно выделить благодаря сопоставительному анализу лексико-семантических вариантов этой лексемы, представленных в различных толковых и специализированных словарях. *Во-первых*, это осознанная аналитическая работа эмоционального интеллекта; *во-вторых*,

эгонаправленность / эгоцентризм, свойственный любому типу интеллекта, в том числе и эмоциональному; *в-третьих*, положительная оценка а) осознанной аналитической работы эмоционального интеллекта. Перечисленные семантические конструкты формируют ядро исследуемого концепта. Первый ядерный семантический конструкт «осознание» (знания человека о гордости) свидетельствует о глубокой аналитической работе ментально-лингвального комплекса (МЛК) человека, состоящего из мышления – аппарата, вырабатывающего концепты, сознания – ментальной «библиотеки» концептов, а также языка как инструмента, при помощи которого они предстают перед коллективом языковых личностей. Второй ядерный конструкт этого концепта – это «эгоцентризм», указывающий на саморефлексивные знания языковой личности о *гордости*. В словарной дефиниции лексемы *pride* семантическими маркерами, фиксирующими этот семантический конструкт, являются а) саморефлексивы *self-* и *oneself*, а также б) комментарий *one is concerned with*. Третий ядерный конструкт – «положительность» (положительная оценка), который представлен в концепте *pride* при помощи таких семантических маркеров, как *satisfaction, self-respect, high an opinion of*.

Коммуникативные ситуации, в которых присутствует как «*человек гордый*», так и *«человек гордящийся»*, порождает определённое его / их поведение, характеризующееся в большей степени комфортно-психологическим, вполне устойчивым состоянием и указывающее на проявление прежде всего силы человеческого духа. Любой акт коммуникации направлен на достижение говорящим того или иного прагматического эффекта, в который в нашем случае включается эмоциональное состояние «человека *гордого /гордящегося*». Семантика и прагматика *гордости* формирует тезаурус понятий и рече-текстовых смыслов, которые в полной мере отражают собственный поведенческий и языковой стиль «*человека гордого*» либо *«человека гордящегося»*.

«*Гордость*» как языковая единица, зафиксированная во всех английских и русских толковых словарях, именует связь между эмоционально-оценочным саморефлексивным знанием человека о себе и той ситуации, при которой эти знания могут

быть в той или иной мере реализованными. Наши представления о *гордости* – это прежде всего результат многовекового познания человека о себе. Словарные источники британского варианта английского языка предоставляют достаточно полные семантические и прагматические данные для портретирования концепта «*гордость*». Именно экспликация информации из словарной статьи позволяет создать первичный «портрет» *гордости* – эгоцентричного эмотиологического феномена, поскольку лексема *pride* (гордость) обладает высоким семантическим и прагматическим информативным потенциалом.

Чувство *гордости* указывает на способ познания собственного (внутреннего) мира, а также на осознание собственной ценности в окружающем мире. Так, психологи исходят из того, что человек находится в состоянии непрерывного самопознания и как только акт самоанализа завершается, его результат подвергается вновь анализу [Шаховский 2012]. В целом же сказанное означает, что *гордость* как результат положительной самооценки личности подвергается вторичному анализу, при этом, безусловно, «*человек гордый / гордящийся*» пытается благоприятно и одобрительно оценить «себя в гордости» и «гордость в себе» [Попова 2007].

Однако это не подразумевает, что «*человек гордый / гордящийся*» будет также положительно воспринят другими людьми. Так, некоторые из них могут оценивать поведение «*человека гордого / гордящегося*» весьма критически, рассматривая его как проявление *высокомерия, надменности и гордыни*. Важно осознавать, что *гордость* указывает на успешную психологическую (личностную) адаптацию человека к условиям жизни. Тем не менее, не подкрепленная реальными основаниями, она свидетельствует о повышенной самонадеянности «*человека гордого / гордящегося*», что не может вызывать уважение со стороны окружающих, обращающих особое внимание на манеру поведения, голос, внешний облик и пр.

«*Гордость*» обладает необходимой социокультурной компетенцией, которая может быть образно выражена, поскольку напрямую указывает на сформированное на протяжении многих веков самосознание. Чувство *гордости* как иконизированный

лингвистический социокультурный продукт подчиняется дискурсивным законам портретирования (представления), свойственного многим культурам, в том числе британской и русской. Внутренняя структура лексемы «*гордость*» указывает на латентные механизмы дискурсивного мышления человека, зафиксированные в его сознании в результате долгого процесса самопознания.

Чувство *гордости* обладает градуированными конкретными и абстрактными величинами. «*Человек гордый / гордящийся*» способен контролировать «качество» и степень проявления своей гордости: *гордыня* – высшая (воспринимая в общественном сознании как отрицательное качество), в то время как *уверенность в себе* – менее высокая степень проявления *гордости,* в то же время свидетельствующая об убежденности и твердой вере в свои деяния / поступки. *Гордость* имеет конкретные психологические особенности, зафиксированные в словарных статьях и указывающие на виды эмоционального позитивного либо негативного реагирования на ту или иную жизненную ситуацию.

Гордость многогранна и имеет множество различных проявлений: это и *порок* (самолюбие, гордыня, надменность, высокомерие), и *достоинство* (положительная самооценка, самоудовлетворение, удовольствие), и *истинная вера* (гордость посвящения богу, гордость за свою страну), что несомненно указывает на дуалистический (двойственный) характер этической категории «*нравственность / безнравственность*». При этом вполне предвидимо, что и британская, и русская словарная языковая личность исходит из убеждения, что положительные коннотации лексемы *гордость* указывают на полное одобрение самосознания «*человека гордого / гордящегося*». В то время как отрицательные коннотации, раскрывающие смысл *гордости* как порока (самолюбие, гордыня, надменность, высокомерие), свидетельствуют о негативном, неприемлемом оценочном суждении о «*человеке гордом / гордящегося*». В словарном «портрете» *гордости* присутствует, как правило, эксплицитно и/или имплицитно комментарий, маркирующий либо положительную, либо отрицательную коннотацию: «одобрительно» / «неодобрительно».

В этой связи именно словарная статья представляет необходимую первичную информацию об основных признаках знания о *гордости*. Это те знания, которые дают возможность «художнику» слова, опираясь на лексикографические источники и свой жизненный опыт, «оживить» представления о «*человеке гордом / гордящегося*», а нам, читателям, «увидеть» его психологический и культурологический портрет.

Проявление чувства *гордости* указывает на «природу» человека, позволяет конструировать модель личности «*человека гордого / гордящегося*», изучить механизмы, стимулирующие такое поведение в определённой жизненной ситуации, детально рассмотреть мотив/мотивы, лежащие в основе осмысления этого эгоцентричного эмотиологического – *психологического, социального и культурологического* – феномена.

Важно осознавать, что *гордость*, обладая оценочным саморефлексивным знанием человека о себе, является по существу *авто*-коммуникацией своеобразного диалога «Я – Такой» и «Я – Другой». Формально в этом диалоге представлена традиция до-личностного познания человека: «Себя» через «Другого» (наблюдая за другими, я вижу / познаю себя).

Одной из составляющих лексико-семантической системы английского языка является лексико-семантическое окружение концепта *pride* (гордость). В одну из подгрупп этого поля входят лексемы, отражающие наши концептуальные знания о психологическом положительном отношении «человека гордящегося» к самому себе: удовлетворенность *собой* / *само*удовлетворенность. *Гордость* как чувственно-эмоциональное явление представляет собой ценностное позитивное самоосознание человека, которое подразумевает наличие в структуре «*человека гордого / гордящегося*» как субъективных, так и объективных оценочных факторов. Так, Е.М. Вольф отмечает, что «Субъективный компонент предполагает положительное и отрицательное отношение субъекта оценки к ее объекту (иногда его представляют в виде отношений «нравиться/не нравиться», «ценить/ не ценить», одобрять/ не одобрять» и т.п.), в то время как объективный (дескриптивный, признаковый) компонент оценки ориентируется на собственные

свойства предметов или явлений, на основе которых выносится оценка» [Вольф 2006: 22-23].

Семантические маркеры *happy about, pleased with* положительного самосознания «*человека гордого / гордящегося*» включают в себя в качестве обязательных элементов *fortune, lucky, pleasure, contentment, satisfaction*. Словарные дефиниции *happy about, pleased with* указывают на то, что соответствующие лексемы подвергаются в основном взаимному, перекрестному истолкованию через *feeling or showing / expressing satisfaction*. Так, например, *happy about* означает '*fortune; lucky; feeling or expressing pleasure, contentment, satisfaction; (in polite formulas) pleased*' [OALDCE 1982: 390], в то время как *pleased with* – '*glad, feeling or showing satisfaction*' [OALDCE 1982: 136]. Положительное целостное восприятие себя в той или иной жизненной ситуации, как правило, свидетельствует о вполне удовлетворительном отношении «*человека гордого / гордящегося*» к окружающим объектам / предметам, людям, а также происходящим событиям / явлениям и имеющим место быть фактам.

В целом, ключевым (ядерным) компонентом, конституирующим концепт ***pride***, и, соответственно, выступающим инвариантом для всех лексем, входящих в лексико-семантическое окружение этого концепта, является *satisfaction*, который свидетельствует о положительном / одобрительном самосознании «*человека гордого / гордящегося*» и осознании высокой позитивной оценки самого себя в сравнении с другим / другими. «*Человек гордый / гордящейся*» обладает целой системой языковых и неязыковых средств, позволяющих ему выражать чувство *гордости*, акцентируя при этом внимание на знаниях, свойственных этнокультурному сообществу, к которому он принадлежит.

В целом анализ словарного состава английского языка позволяет констатировать, что знания о *гордости* в толковых словарях зафиксированы в двух ракурсах, отражающих основные типы речевой деятельности. *Во-первых*, фактическое описание «человека гордящегося», представляющее собой взгляд со стороны. Например, выражения *to swell with pride, to glow with pride, to puff up*, etc. *Во-вторых*, речь и поведение «человека

гордящегося» как самовыражения «себя в гордости», открытая демонстрация самоуважения: *I'm proud of, to praise oneself, to pat oneself on the back,* etc. При этом, как правило, положительное восприятие себя как часть позитивной самооценки может быть формально скрыто за внешней демонстрацией *гордости* (улыбка на лице, расправленные плечи, высоко поднятая голова, прямой и уверенный взгляд на собеседника и пр.) и только внутренний голос озвучивает признание права человека гордиться своим поступком либо результатом деятельности (похвала в свой адрес).

Очевидно, словарный «портрет» британского лингвокультурного концепта *гордость* содержит обширную информацию о «человеке гордом / гордящегося», которую можно визуально представить, аудиально услышать и эстетически оценить. При этом *гордость* показывает абсолютную внутреннюю сбалансированность «Я» как «человека гордого / гордящегося» на уровне психологической устойчивости в различных контекстах социальной жизнедеятельности.

Так, проведённый нами краткий анализ словарного эмпирического материала показал, что «язык» *гордости,* частично представленный и в словарных статьях, предполагает те или иные оценочные суждения как вполне адекватные и приемлемые формы позитивной оценки собственного «Я». Об этом свидетельствуют и словарные толкования слов, входящих в лексико-семантическую группу концепта *гордости.*

По-видимому, в лингвокультурологическом (когнитивном) словаре в словарной статье, посвященной *гордости*, можно представить следующую информацию. Так, первый сегмент словарной дефиниции включает когнитивную – нормативную – информацию о концепте *гордости*. Это, в первую очередь, тип, статус и вид мышления, мыслительный способ обработки информации, а также та ментальная «картотека» (библиотека), в которой представлены когнитивные (мыслительные) знания об этом феномене. Второй сегмент словарной статьи посвящен социокультурной информации об этом концепте. Речь идет о роли и восприятии этого эмотиологического оценочного явления, представленного в социальной жизни человека как национально-личностного феномена: внутренний (само-) и внешний рефлексив. На шкале

оценки *гордость* представлена как абсолютно положительное, так и абсолютно отрицательное (неприемлемое в общественном сознании) чувство. Далее в словарной статье можно отразить семантическую и синтаксическую информацию об этом феномене. Приведенные в таблице данные о *гордости* не являются исчерпывающими. Вполне допустимо представить в статье и информацию о прагматике этого концепта и пр. Очевидно в сопоставительном анализе этого концепта на материале других языков будут зафиксированы общие концептуальные элементы, а также выделены те составляющие, которые характерны для конкретного национального языка. По-видимому, именно когнитивные элементы этого концепта являются универсальными как для британского, так и русского языков, в то время как социокультурные, семантические и синтаксические элементы не всегда будут совпадать в таких разных национально-обусловленных картинах мира.

В приведенной ниже Таблице 1, мы представляем новый вид «словарного портретирования» концепта «гордость» для лингвокультурологического концептологического эмотиологического словаря-активатора.

Таблица 1

КОНЦЕПТ «ГОРДОСТЬ» / “PRIDE”

Когнитивные элементы концепта «гордость» / “pride”	
тип интеллекта	Эмоциональный / emotional
статус мышления	Психологический / psychological
вид мышления	абстрактное: логико-психологическое / logical-psychological
способ обработки информации	а) аксиоматический (логический); б) аксиологический (эмоционально-оценочный)
«картотека» сознания	чувства и сопровождающие их эмоции
Социокультурные элементы концепта «гордость»	

Национально-личностное самосознание	Саморефлексив (рефлексия, эго) / psychological “me”
Достоинство	самоуважение, уверенность в себе, удовлетворенность, удовольствие / self-esteem, self-confidence, satisfaction
Порок	Гордыня (эгоцентризм), самолюбие, высокомерие / pride (egocentrism), pride, arrogance
Истинная вера	бог, страна, народ, конкретный человек, религия, вероисповедание / god, country, people, personality, religion, belief, confession
Семантика концепта «гордость»	
семантические конструкты	осознание, эгонаправленность, положительность / отрицательность (положительная либо отрицательная оценка) / self-awareness, egocentric personality, positive or negative evaluation
невербальная семантика	манера поведения, голосовой «почерк», внешний облик, «маска» / demeanor, vocal code, appearance, "mask"
семантическая синонимизация	мания величия, честь, чувство собственного достоинства, страсть, достоинство, важность, украшение, звёздная болезнь, амбиция, самолюбие, чувство самоуважения, жемчужина, брезгливость, высокомерие, спесь, гонор, надменность, чванство, форс, заносчивость, кичливость, претенциозность, эготизм, напыщенность / delight, dignity, ego, happiness, honor, joy, pleasure,

	satisfaction, self-confidence, self-respect, egoism, egotism, face, gratification, pridefulness, repletion, self-love, self-regard, self-satisfaction, self-sufficiency, self-worth, sufficiency, amour-propre, ego trip, self-admiration, self-glorification, self-trust
семантическая антономизация	смирение, стыд, скромность / lowliness, meekness, modesty
Синтаксис концепта «гордость»	
Тип дефиниционного нарратива	Сложный: сложно-сочиненный и сложно-подчиненный
Модализация	Интермодальный и интрамодальный
Аспектуализация	Дискурсивное управление множественностью значений и текстовых смыслов

Заключение

В заключении отметим, что *гордость*, относясь к лингвистическим социокультурным феноменам, представляет собой самобытный конструкт саморефлексивной коммуникации «человека гордящегося», человека, принимающего неравенство своего «Я» другим, окружающим «Я». *Гордость* как лингвокультурологический концепт свидетельствует о такой черте «*человека гордого / гордящегося*», как позитивное восприятие самого себя, проявляющееся в виде чувства собственного достоинства, самоуважения и пр. Это признание своей исключительности здесь и сейчас, чаще всего оправданной тем или иным поступком, либо результатом деятельности, иногда иррациональной, указывающей на честолюбие и эгоизм. Словарная статья, посвященная *гордости*, содержит информацию, которой обладает человек, испытавший это чувство, либо наблюдавший проявление этого чувства у других людей. Все лексико-семантические варианты лексемы *гордости* прикреплены к эмоциональному миру человека, следовательно, в

конечном итоге так или иначе описывают его эмоциональный интеллект, формирующий общественное мнение и представления о «*человеке гордом / гордящегося*».

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Значение и концепт. // Алефиренко Н.Ф. Спорные проблемы семантики. – Волгоград: Перемена, 1999. С. 59–67.
2. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Интегральное описание языка и системная лексикография. Т. 2. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. 767 с.
3. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1988. 338 с.
4. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. – М.: КомКнига, 2006. 280 с.
5. Карасик В.И. Языковая матрица культуры. – М.: Гнозис, 2013. 320 с.
6. Карасик В.И. Языковое проявление личности. – М.: Гнозис, 2015. 384 с.
7. Кубрякова Е.С. Прагматика и когнитивная лингвистика. // Прагматические аспекты языкового функционирования. – Воронеж: изд-во ВГУ, 1991. С.5–7.
8. Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования. – М.: Знак, 2012. 208 с.
9. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика. – М.: «ТеатраСистемс», 2004. 256 с.
10. Молчанова Г.Г. Английский как неродной: текст, стиль, культура, коммуникация. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. с. 384.
11. Пиаже Ж. Психология интеллекта. – СПб: Питер, 2003. 192 с.
12. Попова Н.В. Отражение саморефлексии человека в британской лингвокультуре (на примере концепта гордость) // автореф. дис. … канд. филол. наук. – М.: Изд-во МГОУ, 2007. 20 с.
13. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. – М.: Республика, 1994. 624 с.
14. Шаховский В.И. Голос эмоций в языковом круге homo sentiens. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ». 2012. 144 с.
15. Hornby A.S. Oxford Advanced Learner’s Dictionary of Current English (abbreviated OALDCE), V. 1. – Oxford: Oxford University Press, 1982. 509 c.
16. Hornby A.S. Oxford Advanced Learner’s Dictionary of Current English (abbreviated OALDCE), V. 2. – Oxford: Oxford University Press, 1982. 527 c.

УДК 81’374

Карпова Ольга Михайловна
Olga Karpova

ЦИФРОВАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ КАК НОВАЯ НАУЧНАЯ ПАРАДИГМА (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКИХ СЛОВАРЕЙ)

DIGITAL LEXICOGRAPHY AS A NEW SCIENTIFIC PARADIGM (WITH SPECIAL REFERENCE TO ENGLISH DICTIONARIES)

Аннотация. *В статье рассматриваются новые тенденции в английской лексикографии в эпоху цифровизации на материале общих и специальных словарей английского языка. Описывается современная картина английской лексикографии и принципы сосуществования печатных словарей и их цифровых двойников, онлайн, цифровые справочно-информационные проекты и словари на мобильных телефонах. Основное внимание уделяется изменению научной лексикографической парадигмы в условиях цифровизации (свободный доступ к онлайн справочным ресурсам, открытый словник словарей, электронные корпусы как основа современных словарей, участие пользователей в процессе составления справочников и научных исследованиях). В статье рассматривается расширение рамок лексикографии до науки о создании справочных ресурсов в новой ситуации диджитализации общества.*

Abstract. *The article deals with the description of new trends in the theory and dictionary making process of digital modern English lexicography with special reference to general and special English dictionaries. It also covers the description of the modern scene of English lexicography with special reference to coexistence of printed dictionaries and their digital twins, online, new digital lexicographic projects and apps-dictionaries. The main accent is placed on the features, showing changes in lexicographical paradigm in the internet era (free access to online reference tools, open macrostructure of electronic dictionaries, corpus-based dictionaries, user participation in dictionary making process and research). The paper touches upon widening the scope of lexicography to reference science in the new situation of the digital era.*

Ключевые слова*: английская цифровая, корпусная и волонтерская лексикография, лексикографическая парадигма, наука о справочных ресурсах, электронный, онлайн справочник, словари на мобильных телефонах, цифровые двойники, нужды и требования пользователей*

Key words: *English digital, corpus and volunteer lexicography, lexicographic paradigm, reference science, electronic, online, apps-dictionaries, digital twins, users’ needs and demands*

Introduction

English lexicography has always been in the foreground of the dictionary making process in Europe. Having a rich and impressive history of concordances, glossaries, thesauri, indices, lexicons and

other types of reference books, it can boast today of reliable dictionaries of the English language for general purposes and numerous types of specialized dictionaries, which formed separate groups. Among them: phraseological, etymological, pronouncing, learners', author dictionaries and other groups of reference books of different sizes and genres.

Nowadays we refer English dictionaries to cultural heritage of England, because they register and describe lexicographically all layers of the English language: archaisms and neologisms, slang, dialectisms, proper names, terms from different subject areas, etc. Moreover, author dictionaries made the most significant contribution to English national heritage, having in their repertoire 300 titles of linguistic and encyclopedic dictionaries [Karpova 2021: 11-20].

A new wave of Shakespeare lexicography in the 21st c. impress native and international users by new reference tools, based on description of special terminology used by Shakespeare in his works: medical, law, religious, art, political, economic and the like [Karpova 2020: 241- 254]. More and more author terminological dictionaries are published today (*animals, food, drinks, women, children* in Shakespeare's world). In spite of its faraway chronological past, Shakespeare's language continue to attract scholars' attention, recently published books *Dance Lexicon in Shakespeare and His Contemporaries* [Ciambella 2021] and *The Cambridge Companion to Shakespeare and War* [Loewenstein 2021], being a new contribution to English author lexicography.

Reference tools of the new generation differ from previously published English dictionaries by new features: publication of dictionaries in electronic or online format; integration of lexicographic forms (combination of thematic and alphabetical order of entries in the macrostructure); vast encyclopedic or extralinguistic information in microstructure; authentic illustrative examples (taken from electronic corpora); quick access to necessary information and so on.

It should be noted, that the digital time of English lexicography is marked today by the so-called *peaceful co-existence* of printed and electronic titles. It happened because of two main reasons: 1) English lexicography has a rich historical experience, beginning from prescriptive glossaries, which laid the solid basis for tradition reliable dictionaries of the English language based on new

methods and linguistic material; 2) the dictionary making process today is connected with new revolutionary technologies and their quick development.

Taking into consideration the above-mentioned facts, this article is aimed at describing the innovative features of a new digital lexicographic paradigm with special reference to the general and special printed and online lexicographic projects, which appeared due to the new directions in modern English lexicography (corpus and volunteer lexicography, apps-dictionaries, etc.).

New paradigm of modern English lexicography, which evolved in the digital technology revolution, affected the basic aspects of theoretical lexicography: typology of dictionaries, users' participation in the dictionary making process, migration of printed reference works to the internet, repertoire and structure of dictionary portals and the like.

1.Lexicography or Reference Science?

Detailed analysis of the modern English lexicography scene discovers noticeable changes in its paradigm. These changes of the concept of Lexicography itself to Reference Science are seen from the recently published bilingual (German-English) dictionary of modern lexicographic terms Wörterbuch zur Leksikographie und Wörterbuchforschung (Dictionary of Lexicography and Dictionary Research) [Wiegand, Beißwenger et al. 2020]. It covers the following lexicographical items:

- new directions in lexicograpy: *kritische Wörterbuchforschung (Critical Dictionary research),*; *pädagogische Lexikographie (Pedagogical lexicography* (*Learner's lexicography*), *die Sachgruppenleksikographie* (*LSP lexicography*);
- new types of reference tools and their architecture: *das Sachwörterbuch (LSP dictionary), das Printwörterbuch (Paper dictionary*), *das Reisewörterbuch* (*Travel dictionary*);
- technical terms from corpus lexicography: *das Lemma, lexikalsche Datenbank (lexical database), lexikographische Daten (lexicographical data), der Textblock (Text Block),*

which are described in lexicographical terminological dictionaries for the first time and reflect recent changes in modern lexicography [Karpova 2019: 11-18].

Innovative trends in modern English lexicography connected with its development are also discussed in several outstanding monographs, published during the last years, showing profound achievements in English reference science: *The Oxford Handbook of Lexicography* [Durkin 2016], *The Routledge Handbook of Lexicography* [Fuertes-Olivera 2018], *The Cambridge Companion to English Dictionaries* [Ogilvie 2020].

One of the key topics in these volumes deals with *research of users' needs in modern digital time* [Lew, De Schryver 2014: 341–359]. Some papers describe the users' role in the digital revolution, when non-professional lexicographers (often volunteers) are involved in the creation of different digital projects. More often volunteers compile LSP dictionaries describing terms from new subject areas (logistics, digital economy, insurance medicine, etc.), which have never been included in printed English reference books.

In the internet era intensive development of users' participation in the dictionary making process also contributes to dictionary usage research, which allows to answer certain demands of special user groups (students, interpreters, specialists, etc.) according to their level of English language knowledge, education and nationality. Moreover, modern studies of digital users' perspective investigate the relations between the users and the publishing world. They also face new problems: what kind of reference tools to create: printed or online, free or paid for?

The result of modern search for better access to different reference tools brought to life one of the most famous users' dictionary *Urban Dictionary* [URL: https://www.urbandictionary.com], very popular among international readers, who regularly add new English words into its macrostructure. Thus, the open corpus of the dictionary became a typical feature of new English digital reference information projects.

2. Migration to the Internet

2.1 English Dictionaries on CD-ROM and Digital Twins of Printed Titles

Since the end of the 20th c., along with familiar printed editions, famous English publishing houses (Oxford, Cambridge, Longman) created a new type of dictionaries *on CD-ROM* [Hargraves 2020: 212]. This new technology enlarged the scope of quick search routes, offering their users new multimedia features; audio pronunciation; collocation, cultural and grammar boxes and a big variety of graphic illustrations (drawings, photos, diagrammes, schemes, etc.). For about two decades English dictionaries on CD-ROM, created a new era in national lexicography, but soon users demanded new reference tools with new multimedia features and other technical possibilities [Hargraves 2020: 207-218). Thus appeared electronic or online digital lexicography with numerous internet dictionaries of the English and other European languages.

Along with first online lexicographic projects many theoretical works were published, devoted to research of general and particular problems in current digital lexicography. *Electronic Lexicography* [Granger, Paquot 2012], *Internet Lexicography in the 21st century* [Gouws 2018: 215-236], *English Lexicography in the Internet Era* [Jackson 2018: 540-553]. Many other research studies discussed the main question of free access to online dictionaries, which was not popular with the publishers.

The new theory of digital lexicography opened a notable move of English dictionaries to internet. Compilers of the *Macmillan Dictionary* [URL: https://www.macmillandictionary.com/], the most popular dictionary among international users, were the first English lexicographers, who quit publication of its printed edition and moved it to the internet, which stimulated a strong international discussion.

Other famous international publishers followed Macmillan's example and put their lexicographic products to the Wide World Web:

Collins English Dictionary [URL: https://www.collinsdictionary.com/dictionary/English],

Cambridge Dictionaries Online [URL: http://dictionary.cambridge.org/],

Longman Dictionary of Contemporary English Online [URL: https://www.ldoceonline.com/],

Oxford English Dictionary [https://en.oxforddictionaries.com/english], etc.

During the last years many British publishers in search for

new customers introduced new lexicographic services and open access to their products for *the* scholarly community: authors, libraries, research institutions, trying to profit from their publishing expertise, announcing openness to a partnership approach.

The transition of scholarly research to open access is not simple, and publishing houses are committed to navigating this path together with researchers, librarians and research organizations. At the same time they did not stop producing printed editions, thus providing the interested user simultaneously with printed volumes and their digital twins, which marked the coexistence of both formats in the internet era and enlarged their international audience.

2.2 Dictionary Portals and Volunteer Lexicographic Projects

In search for simpler and quicker access to reference tools, along with innovative online versions of the reliable English dictionaries, digital lexicographers created new *dictionary portals* with free access to numerous English dictionaries of different types [Boelhouwer, Dykstra, Sijens 2018: 754-766]. Among them several popular lexicographical portals are worth mentioning:

LEXILOGOS English Dictionary Online [URL: https://www.lexilogos.com/english/dictionary.htm],

Online Reference Shelf [URL: https://guides.libraries.uc.edu/reference/dictionaries],

The 10 Best Online Dictionaries [URL: http://languagelearningbase.com/92327/the-10-best-online-dictionaries].

They offered modern users new dictionary portals, a large variety of search routes and rich linguistic and extralinguistic information. Moreover, online dictionaries solved a long lasting problem of saving space in the dictionary.

During the coronavirus pandemic, the world's languages have had to adapt to a sudden influx of neologisms and scientific terminology. As the coronavirus spreads to ever more densely populated and linguistically diverse countries, it has become even more urgent to provide crucial information in various languages so that affected communities are able to fully and easily understand everything they need to know about this global health crisis. Thus many volunteers (working from home) turned to creating a large

number of innovative digital reference projects, the most popular being glossaries of COVID-19 terms.

Thus, the international project appeared called *Covid-19 Multilanguage Hub* [URL: https://languages.oup.com/covid-19-language-resources/]. Recognizing the importance of establishing a standard vocabulary around COVID-19, the glossary compilers provided a list of basic English pandemic terminology from the fields of medicine, biology, and epidemiology (*coronavirus, disinfect, epicentre, face mask, lock down, personal protective equipment, respiratory, self-isolation,* etc.). The collection of bilingual terminology lists (English-German, English-French, etc.) also includes words and phrases referring to government and individual actions aimed at containing the spread of the virus and mitigating its social and economic effects. It has an open corpus, which allows readers to add new words to the list of terms, reflecting new changes in the living English language.

Another popular digital project, which was established during pandemic time, is devoted to a new phase in teaching and learning. It is a *Glossary of Online Learning Terms* [URL: https://theelearningcoach.com/resources/online-learning-glossary-of-terms/]. It fixes and describes basic words and collocations from the distance learning sphere, for instance: *distance education, interactive multimedia, online learning, video conference, virtual classroom, etc.* The entry offers extended definition of the term. For example, consider:

SYNCHRONOUS LEARNING: When learners participate in an online learning course at the same time but in different locations, it is known as synchronous learning. Synchronous learning allows learners to interact with the instructor and other participants. This is done through software that creates a virtual classroom.

The eye-tracking programme shows millions of references to both projects due to the international character of the topics.

It is interesting to note that many other volunteer reference projects appeared of late in English digital lexicography of the 21st c., compiled by teams of interdisciplinary specialists, like, for example: *The Positive Lexicography project* [URL: https://hifisamurai.github.io/lexicography/], including along with the English words lexis from many other foreign languages. Arranged in

convenient thematic order (according to certain topics), it gathers words defining positive relations among people, their feelings, emotions, etc. For example, the chapter RELATIONSHIPS includes words from the sphere of *intimacy, love, friendship, affection, desire*. The Chapter CHARACTER registers words denoting understanding/perception, grit, skill, decency, existence, esteem and so on. In the era of the negative COVID-19 atmosphere, this project is a significant contribution to positive attitude to life.

3. Corpus Lexicography

3.1 General Corpora

Today modern lexicography has an effective and useful tool - electronic linguistic corpora, which made technology in the English dictionary making process a solid basis in creating dictionaries and corpora for general and special purposes. Corpus lexicography today has also become an integral part of new theoretical and practical studies in modern English lexicography. It uses reliable tools for various quantitative and qualitative lexicographic studies. *Sketch Engine Open Corpora* [URL: https://old.sketchengine.co.uk/open] and *Wordnik* [URL: https://www.wordnik.com/] are widely used in compilation of different corpora not only by professional, but also non-professional lexicographers, mainly students and interpreters.

All famous British publishing houses possess their own electronic corpora with millions of words, which are constantly updated: *British National Corpus* – for Oxford lexicographic products, *Bank of English* – for Collins dictionaries, *Longman Concordance* – for Longman English dictionary of current English. Their main value is seen from authentic illustrative examples, where new meanings are always put at the first place in the microstructure of new dictionaries.

The basic corpus structure consists of several subcorpora: *newspaper, academic, spoken corpus,* the main principle of their organization being a concordance. I'd like to underline the fact, that concordance is the *most common English* lexicographic form, which historically goes back to the Bible concordances. Corpora concordances laid the basis for many types of dictionaries, as well as general and special corpora.

3.2 Special Corpora

The majority of special corpora deal with terms from different subject fields, like, for example, *Open Biomedical Corpora* [URL: https://github.com/openbiocorpora] with basic English terms used in the biomedical subject area. This **corpus** contains 10 PubMed Central full text annotated in the stem cell domain. Its open corpus allows adding and tracing the new term words and word combinations, which constantly appear in scholars' works and oral speech of the professionals.

Another specialized LSP corpus: *EcoLexicon* [URL: http://ecolexicon.ugr.es/en/index.htm] is a reliable terminological resource, which represents the conceptual structure of the specialized domain of the Environment in the form of a visual thesaurus. This thesaurus has been elaborated according to the theoretical premises of Frame-Based Terminology. Consequently, each concept appears in the context of a specialized frame that highlights its relation to other concepts, and makes explicit its designations in English, Spanish, German, French, Russian and Greek. Through the convergence of conceptual, linguistic and graphical information, *EcoLexicon* meets the needs of different user groups (people interested in the Environment, students, translators, technical writers, etc.).

For the English language, special electronic corpora are devoted to Shakespeare. Among them: *Enhanced Shakespearean Corpus* [URL: http://corpora.lancs.ac.uk/esc-user-service//], *Shakespeare Drama Corpus* [URL: https://dracor.org/shake], being a growing collection of Shakespeare's plays arranged thematically. A very popular academic *Shakespeare Corpus* [URL: https://lexically.net/wordsmith/support/shakespeare.html] also covers 37 plays and all the speeches of all the characters. Thus one gets, for example, the whole play *Hamlet*, plus separately all the speeches of Prince Hamlet, all the speeches of Horatio, etc. There is also a list of the plays, their dates and other useful extralinguistic information.

Corpora-based research also opened a new page in *educational lexicography*, collected on the Youtube platform, where one can find and listen to presentations by leading specialists in modern dictionary making. The most popular lectures on this branch of lexicography among international scholars are: *Corpus Lexicography. Main problems* [URL:

https://www.youtube.com/watch?v=2kQIvJYX-y0/] and *Downsizing and upgrading: why we need more spoken, mmultilingualand more nonstandard corpora* [URL: https://www.youtube.com/watch?v=1uczsbgNMEQ&list=PLYHoxQ9dRlHf5r0DkOgWJcmFsXyZ-O1Kl&index=26]. Thus using corpora for linguistic purposes became a typical feature of English digital lexicography, which is noticeably developing every day.

4. Apps-Dictionaries

With the constantly growing of gadgets variety, modern lexicographers transfer their efforts to creating new lexicographical reference devices: apps-dictionaries for cell phones. Their motto: *The dictionary, which goes wherever you go* immediately attracted young native and international audience, studying English as a foreign language. A large number of learners' apps-dictionaries for users of all ages, including the youngest kids, appeared. Among the most frequently used devices, the following lexicographical digital projects should be mentioned:

- *Apps Dictionaries for Young Learners* [URL: https://kids.wordsmyth.net/we/];
- *Educational App Store* [URL: https://www.educationalappstore.com/app/category/english-literacy-appshttps://hifisamurai.github.io/lexicography].

The majority of the new reference tools are based on reliable famous English dictionaries, as, for example, the famous *Oxford English dictionaries* always at hand:

Apps Oxford Dictionaries [URL: https://www.mobisystems.com/ru-ru/dictionaries/?from=&to=Select&brand=Oxford&sort=asc/].

The sector of apps-dictionaries development is growing very quickly, thus creating a new branch of digital lexicography in England and elsewhere.

Conclusion

Modern English lexicography, being on the foreground of theoretical and practical research, is greatly influenced by the digital revolution and develops new features and trends in the digital sphere.

Because of the long and rich history in the dictionary making process, the scope of English printed dictionaries for general and special purposes is very wide, being a solid basis for further digital development. During many years, Oxford and Cambridge publishing houses produced world famous outstanding lexicographic products in print, which highly contributed to the national heritage of the English language and culture, making them the linguistic standard of the nation.

A spectacular 21st c. development of digital technology led English lexicographers to changing of the lexicographic paradigm and to adding new trends in its development, when the majority of lexicographic products moved to the internet and acquired various additional features: audio pronunciation, innovative search facilities, new elements in dictionary architecture and formats (dictionaries on CD-ROM, digital dictionary twins, new volunteer digital products, apps-dictionaries) according to the special user target groups' preference. Many famous English publishing houses established websites, offering free access to dictionary entries.

Introducing corpus technology into the dictionary making process and modern lexicographic research as well as intensive development of searchable text corpora, significantly enriched English special and general dictionaries with authentic illustrative examples and greatly contributed to the creation of numerous special corpora, which are widely used by specialists and volunteers.

Many volunteers are involved today in the compilation of innovative English internet lexicographical projects with open corpus, free and easy access, encouraging people of all ages and nations to use them online and on cell phones. The motto of today's English lexicography is *dictionarism in action.*

Литература

1. Apps Dictionaries for Young Learners [Электронный ресурс]. URL: https://kids.wordsmyth.net/we/ (дата обращения: 29.04.2022).
2. Apps Oxford Dictionaries [Электронный ресурс]. URL:: https://www.mobisystems.com/ru-ru/dictionaries/?from=&to=Select&brand=Oxford&sort=asc/ (дата обращения: 30.04.2022).

3. Boelhouwer B., Dykstra A., Sijens H. Dictionary Portals // The Routledge Handbook of Lexicography. Ed. P.A. Fuertes-Olivera. - London and New York: Routledge, 2018. - P. 754-766.
4. Cambridge Dictionaries Online [Электронный ресурс]. URL: http://dictionary.cambridge.org/ (дата обращения: 29.04.2022).
5. Ciambella F. Dance Lexicon in Shakespeare and His Contemporaries. A Corpus Based Approach // F. Ciambella. - London; New York: Routledge, 2021. – 158 p.
6. Collins English Dictionary [Электронный ресурс]. URL: https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english (дата обращения: 28.04.2022).
7. Corpus Lexicography. Main problems [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=2kQIvJYX-y0/ (дата обращения: 30.04.2022).Durkin Ph.
8. Covid-19 Language Hub [Электронный ресурс]. URL: https://languages.oup.com/covid-19-language-resources/ (дата обращения: 30.04.2022).
9. Downsizing and Upgrading: why We Need More Spoken, Multilingual and More Nonstandard Corpora [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=1uczsbgNMEQ&list=PLYHoxQ9dRlHf5r0DkOgWJcmFsXyZ-O1Kl&index=26 (дата обращения: 29.04.2022).
10. Durkin Ph. Ed. The Oxford Handbook of Lexicography / Philip Durkin. - Oxford: Oxford University Press, 2016. - 712 p.
11. EcoLexicon [Электронный ресурс]. URL: http://ecolexicon.ugr.es/en/index.htm (дата обращения: 27.04.2022).
12. Educational App Store [Электронный ресурс]. URL: https://www.educationalappstore.com/app/category/english-literacy-appshttps://hifisamurai.github.io/lexicography (дата обращения: 29.04.2022).
13. Enhanced Shakespearean Corpus [Электронный ресурс]. URL: http://corpora.lancs.ac.uk/esc-user-service // (дата обращения: 27.04.2022).
14. Fuertes-Olivera Pedro A. Ed. The Routledge Handbook of Lexicography /P.A. Fuertes-Olivera. - London; New York: Routledge, 2018. – 810 p.
15. Glossary of Online Learning Terms [Электронный ресурс]. URL: https://theelearningcoach.com/resources/online-learning-glossary-of-terms/ (дата обращения: 29.04.2022).
16. Hargraves O., Electronic Dictionaries // The Cambridge Companion to English Dictionaries. Ed. S. Ogilvie. - Cambridge: Cambridge University Press, 2020. - P. 207-218.
17. Gouws R., H. Internet Lexicography in the 21st century // Wortschatz: Theorie, Empirie, Dokumentation. - Berlin: De Gruyter, 2018. – P. 215-236.
18. Granger S., Paquot M. Eds. Electronic Lexicography / Sylviane Granger, Magali Paquot. - Oxford: Oxford University Press, 2012. – 388 p.
19. Jackson H. English Lexicography in the Internet Era // The Routledge Handbook of Lexicography. Ed. P.A. Fuertes-Olivera. - London and New York: Routledge, 2018. - P. 540-553.

20. Karpova O., M. A New Wave of Shakespeare Lexicography (with Special Reference to LSP Dictionaries) // Lexicographica. - 2020. - №36. P. 241- 254.
21. Karpova O. M., English Author Dictionaries as Contribution to National Heritage // Respectus Philologicus. - 2021. - №39 (44). - P.11-20.
22. Karpova Olga, M. Modern English Dictionaries. A Foreign User's View // Respectus Philologicus. - 2019. - №36(41). - P. 11-18.
23. LEXILOGOS English Dictionary Online [Электронный ресурс]. URL: https://www.lexilogos.com/english/dictionary.htm (дата обращения: 29.04.2022).
24. Lew R., De Schryver G.-M., Dictionary Users in the Digital Revolution // International Journal of Lexicography. - 2014. - №27, - Vol.4. - P. 341–359.
25. Loewenstein D. Ed. The Cambridge Companion to Shakespeare and War /D. Loewenstein. - Cambridge: Cambridge University Press, 2021. – 320 p
26. Longman Dictionary of Contemporary English Online [Электронный ресурс]. URL: https://www.ldoceonline.com/ (дата обращения: 29.04.2022).
27. Macmillan Dictionary [Электронный ресурс]. URL: https://www.macmillandictionary.com/ (дата обращения: 30.04.2022).
28. Ogilvie S. Ed. The Cambridge Companion to English Dictionaries. Cambridge: Cambridge University Press, 2020. – 382 p.
29. Online Reference Shelf [Электронный ресурс]. URL: https://guides.libraries.uc.edu/reference/dictionaries (дата обращения: 30.04.2022). Open Biomedical Corpora [Электронный ресурс]. URL: https://github.com/openbiocorpora (дата обращения: 30.04.2022).
30. Oxford English Dictionary [Электронный ресурс]. URL: https://en.oxforddictionaries.com/english (дата обращения: 30.04.2022).
31. Shakespeare Corpus [Электронный ресурс]. URL: https://lexically.net/wordsmith/support/shakespeare.html (дата обращения: 30.04.2022).
32. Shakespeare Drama Corpus [Электронный ресурс]. URL: https://dracor.org/shake (дата обращения: 27.04.2022).
33. Sketch Engine Open Corpora [Электронный ресурс]. URL: https://old.sketchengine.co.uk/open (дата обращения: 25.04.2022).
34. The Positive Lexicography [Электронный ресурс]. URL: https://hifisamurai.github.io/lexicography/ (дата обращения: 27.04.2022).
35. The 10 Best Online Dictionaries [Электронный ресурс]. URL: http://languagelearningbase.com/92327/the-10-best-online-dictionaries (дата обращения: 27.04.2022).
36. Urban Dictionary [Электронный ресурс]. URL: https://www.urbandictionary.com (дата обращения: 27.04.2022).
37. Wiegand H., Beißwenger M. et al., Wörterbuch zur Leksikographie und Wörterbuchforschung. Dictionary of Lexicography and Dictionary Research / H. Wiegand, M. Beißwenger, M. et al. - Band 3. - Berlin: De Gruyter, 2020. - 1050 p.
38. Wordnik [Электронный ресурс]. URL: https://www.wordnik.com//. (дата обращения: 27.04.2022).

References

1. Apps Dictionaries for Young Learners [Electronic resource]. URL: https://kids.wordsmyth.net/we/ (accessed: 29.04.2022).
2. Apps Oxford Dictionaries [Electronic resource]. URL: https://www.mobisystems.com/ru-ru/dictionaries/?from=&to=Select&brand=Oxford&sort=asc/ (accessed: 30.04.2022).
3. Boelhouwer B., Dykstra A., Sijens H. Dictionary Portals // The Routledge Handbook of Lexicography. Ed. P.A. Fuertes-Olivera. - London and New York: Routledge, 2018. - P. 754-766.
4. Cambridge Dictionaries Online [Electronic resource]. URL: http://dictionary.cambridge.org/ (accessed: 29.04.2022).
5. Ciambella, F. Dance Lexicon in Shakespeare and His Contemporaries. A Corpus Based Approach / F. Ciambella. - London; New York: Routledge, 2021. – 158 p.
6. Collins English Dictionary [Electronic resource]. URL: https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english (accessed: 28.04.2022).
7. Corpus Lexicography. Main problems [Electronic resource]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=2kQIvJYX-y0/ (accessed: 30.04.2022).
8. Covid-19 Language Hub [Electronic resource]. URL: https://languages.oup.com/covid-19-language-resources/ (accessed: 30.04.2022).
9. Downsizing and Upgrading: why We Need More Spoken, Multilingual and More Nonstandard Corpora [Electronic resource]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=1uczsbgNMEQ&list=PLYHoxQ9dRlHf5r0DkOgWJcmFsXyZ-O1Kl&index=26 (accessed: 29.04.2022).
10. Durkin, Ph. Ed. The Oxford Handbook of Lexicography / Philip Durkin. - Oxford: Oxford University Press, 2016. - 712 p.
11. EcoLexicon [Electronic resource]. URL: http://ecolexicon.ugr.es/en/index.htm (accessed: 27.04.2022).
12. Educational App Store [Electronic resource]. URL: https://www.educationalappstore.com/app/category/english-literacy-appshttps://hifisamurai.github.io/lexicography (accessed: 29.04.2022).
13. Enhanced Shakespearean Corpus [Electronic resource]. URL: http://corpora.lancs.ac.uk/esc-user-service // (accessed: 27.04.2022).
14. Fuertes-Olivera, Pedro A. Ed. The Routledge Handbook of Lexicography /P.A. Fuertes-Olivera. - London; New York: Routledge, 2018. – 810 p.
15. Glossary of Online Learning Terms [Electronic resource]. URL: https://theelearningcoach.com/resources/online-learning-glossary-of-terms/ (accessed: 29.04.2022).
16. Hargraves O., Electronic Dictionaries // The Cambridge Companion to English Dictionaries. Ed. S. Ogilvie. - Cambridge: Cambridge University Press, 2020. - P. 207-218.
17. Gouws R., H. Internet Lexicography in the 21st century // Wortschatz: Theorie, Empirie, Dokumentation. - Berlin: De Gruyter, 2018. – P. 215-236.

18. Granger, S., Paquot, M. Eds. Electronic Lexicography / Sylviane Granger, Magali Paquot. - Oxford: Oxford University Press, 2012. – 388 p.
19. Jackson H. English Lexicography in the Internet Era // The Routledge Handbook of Lexicography. Ed. P.A. Fuertes-Olivera. - London and New York: Routledge, 2018. - P. 540-553.
20. Karpova O., M. A New Wave of Shakespeare Lexicography (with Special Reference to LSP Dictionaries) // Lexicographica. - 2020. - №36. P. 241- 254.
21. Karpova O. M., English Author Dictionaries as Contribution to National Heritage // Respectus Philologicus. - 2021. - №39 (44). - P.11-20.
22. Karpova Olga, M. Modern English Dictionaries. A Foreign User's View // Respectus Philologicus. - 2019. - №36(41). - P. 11-18.
23. LEXILOGOS English Dictionary Online [Electronic resource]. URL: https://www.lexilogos.com/english/dictionary.htm (accessed: 29.04.2022).
24. Lew R., De Schryver G.-M., Dictionary Users in the Digital Revolution // *International Journal of Lexicography*. - 2014. - №27, - Vol.4. - P. 341–359.
25. Loewenstein, D. Ed. The Cambridge Companion to Shakespeare and War /D. Loewenstein. - Cambridge: Cambridge University Press, 2021. – 320 p.
26. Longman Dictionary of Contemporary English Online [Electronic resource]. URL: https://www.ldoceonline.com/ (accessed: 29.04.2022). Macmillan Dictionary [Electronic resource]. URL: https://www.macmillandictionary.com/ (accessed: 30.04.2022).
27. Ogilvie, S. Ed. The Cambridge Companion to English Dictionaries / S. Ogilvie. - Cambridge: Cambridge University Press, 2020. – 382 p.
28. Online Reference Shelf [Electronic resource]. URL: https://guides.libraries.uc.edu/reference/dictionaries (accessed: 30.04.2022).
29. Open Biomedical Corpora [Electronic resource]. URL: https://github.com/openbiocorpora (accessed: 30.04.2022).
30. Oxford English Dictionary [Electronic resource]. URL: https://en.oxforddictionaries.com/english (accessed: 30.04.2022).
31. Shakespeare Corpus [Electronic resource]. URL: https://lexically.net/wordsmith/support/shakespeare.html (accessed: 30.04.2022).
32. Shakespeare Drama Corpus [Electronic resource]. URL: https://dracor.org/shake (accessed: 27.04.2022).
33. Sketch Engine Open Corpora [Electronic resource]. URL: https://old.sketchengine.co.uk/open (accessed: 25.04.2022).
34. The Positive Lexicography [Electronic resource]. URL: https://hifisamurai.github.io/lexicography/ (accessed: 27.04.2022).
35. The 10 Best Online Dictionaries [Electronic resource]. URL: http://languagelearningbase.com/92327/the-10-best-online-dictionaries (accessed: 27.04.2022).
36. Urban Dictionary [Electronic resource]. URL: https://www.urbandictionary.com (accessed: 27.04.2022).
37. Wiegand, H., Beißwenger, M. et al., Wörterbuch zur Leksikographie und Wörterbuchforschung. Dictionary of Lexicography and Dictionary Research / H.

Wiegand, M. Beißwenger, M. et al., - Band 3. - Berlin: De Gruyter, 2020. - 1050 p.
38. Wordnik [Electronic resource]. URL: https://www.wordnik.com// (accessed: 27.04.2022).

ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ БИЛИНГВИЗМА

УДК 81

Епифанцева Наталия Глебовна
Natalia Epifantseva
Хассан Али Уссейни
Ali Hussainy Hassany

ОСОБЕННОСТИ БИЛИНГВИЗМА ФРАНКОГОВОРЯЩЕГО НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ НИГЕР

FEATURES OF BILINGUALISM OF THE FRENCH-SPEAKING POPULATION OF THE REPUBLIC OF NIGER

Аннотация. *Цель статьи состоит в рассмотрении особенностей современной языковой ситуации в республике Нигер, входящей в состав геополитического образования юга Сахары. Актуальность исследования обусловлена научным интересом к проблеме нормы языка и его вариативности на материале континентального (европейского) литературного французского языка, который принимается за норму, и его территориального варианта на материале языка республики Нигер, государства Африки, добившегося независимости в середине XX века. До предоставления независимости в Нигерии государственным языком был французский, который не утратил своего влияния на лингвокультуру страны и в настоящее время. В то же время автохтонные наречия и языки, среди которых «сонгаи» и «хауса», традиционно используются местным населением на бытовом уровне и оказывают влияние на состояние французского языка. Наконец, в последние десятилетия французский язык подвергается давлению со стороны английского языка в таких сферах, как видеопродукция, деловой язык, торговля, образование. Сложность нигерийской языковой ситуации определяет актуальность проблемы и научный интерес к теме территориальных вариантов, в том числе на африканском континенте.*

Abstract. *The aim of the article is to consider the peculiarities of the contemporary linguistic situation in the Republic of Niger, which is part of the geopolitical formation of the South of the Sahara. The relevance of the research is due to the scientific interest in the problem of the norm of language and its variability on the material of the continental (European) literary French, which can be taken as a norm, and its territorial variants on the material of the overseas departments and independent African states, liberated from dependence in the mid-20th century. Before independence, French was the state language in Nigeria, which has not lost its influence on the linguistic culture of the country today. At the same time, the local dialects and languages, among which the Songai and Hausa, are traditionally used by the local population at the domestic level. Finally, in recent decades, French has come under pressure from the English language in areas such as video production, business language, commerce, and education. The complexity of the Nigerian linguistic situation determines the relevance of the problem and the scholarly interest in the topic of territorial variants, including those on the African continent.*

Ключевые слова: *языковая ситуация, континентальный французский язык, территориальный вариант французского языка, автохтонный язык, английский доминант*

Keywords: *situation of language, territorial variant of French language, continental French language, autochthonal language, English dominant*

Введение

Вопрос о роли французского языка в странах Африки региона юга Сахары актуален и привлекает внимание современных лингвистов. На материале африканских территориальных вариантов французского языка, в частности ивуарийского, рассматриваются лексико-грамматические характеристики, предпринимаются попытки определить их статус [Багана, Лангнер 2013]; изучаются вопросы синтаксиса на примере особенностей ивуарийского предложения, проводится сравнение грамматических структур с местными языками *бауле* и *дьюла н*а основе сравнительного анализа письменной и устной речи; исследуется вопрос употребления глагольных конструкций в устной и письменной речи по результатам социолингвистического эксперимента (анкетирования студентов Абиджана) [Балезин, Мазов, Филатова 2016]. Лексическому составу разговорного территориального варианта французского языка посвящены публикации Ж.К. Н'Гессана [N' Guessan 2007]. Автор исследует вопросы языковой интерференции и влияния автохтонных языков на лексический состав французского языка в республике Кот-д'Ивуар. В отечественной неологии рассмотрен вопрос новообразований ивуарийского языка на материале социолекта «нуши» [Скуратов, Кондратьева 2021]. Несмотря на явный научный интерес к проблеме территориального варианта французского языка в странах юга Сахары остаются вопросы, требующие конкретного исследования на материале других языков, кроме ивуарийского, среди которых вопрос особой языковой ситуации в республике Нигер, где влияние французского языка остается значительным и традиционным. Исследования по вопросу нигерийского территориального варианта французского языка не зафиксированы.

Французский язык имеет значительное распространение в Африке, республика Нигер после признания независимости в

1960 году объявила его государственным языком. Французский язык европейского континента служит центром притяжения территориальных вариантов, образуя вместе с ними линвокультурное пространство франкофонии. Поддержка развитию французского языка вне территории Франции закреплена на государственном уровне принятием ряда законов и законодательных актов.

Несмотря на приверженность нигерийцев французскому языку утверждать однозначно о франкофонии в языковой ситуации страны не представляется возможным. Сосуществование французского языка и местных наречий и языков приводит к их взаимопроникновению, развитию в стране специфичной диффузной языковой ситуации, когда французский язык испытывает влияние со стороны местных языков сонгай и хауса. Кроме них существует большое количество племенных наречий, которые используются местным населением в быту. Определенную негативную роль играет невысокий образовательный уровень в стране: лишь треть населения владеет письменной формой языка. Так, французский язык используется в правосудии только в том случае, если фигуранты судебного дела владеют им, правда, теле- и радиовещание ведется на французском языке. Языковая ситуация Нигера осложнена также влиянием английского языка, как средства международного общения.

Население Нигера оказалось в языковой ситуации, которая характеризуется сложной формой билингвизма. К тому же требования к уровню владения билингвом двумя языками определяются неоднозначно. Те нигерийцы, которые получили образование до признания независимости страны, изучали французский язык в школе как родной язык, а не как иностранный. Но в быту, среди родственников, особенно неграмотных, использовался язык сонгай (или язык хауса). Специалисты считают маловероятным владение двумя языками на одинаковом уровне и в одинаковом объеме. На овладение языком влияют такие факторы, как возраст начала изучения языка, условия изучения, частота его использования. Как правило, у билингвы есть основной, доминирующий язык, говорить на котором привычнее и проще. Нигерийцы,

получившие образование на французском языке, свободно им владеют и во франкофонной среде не испытывают трудностей в общении. Но положение изменилось, и в современной школе предпочтение отдается английскому языку, кроме того, в системе высшей школы образование ведется только на английском языке. Многослойность нигерийской языковой ситуации осложняет доступ к высшему образованию бедных слоев населения, особенно сельских районов, где жители деревень остаются в большинстве неграмотными и пользуются местными наречиями и языками.

Материалы и методы

При проведении исследования языковой ситуации в республике Нигер используются общефилософский метод диалектического материализма, позволяющий рассматривать язык как материальную часть культуры в результате исторического развития и жизнедеятельности народа, общелингвистические методы – описательный и сравнительно-сопоставительный, специальные методы и приемы, такие как лингвокультурная характеристика и социокультурная интерпретация. С помощью сравнительно-сопоставительного метода выявлены основные характеристики автохтонных лексических вкраплений в художественном тексте романа на французском языке нигерийского франкофонного автора. Метод сплошной выборки подтверждает достоверность проведенного исследования.

Материалом исследования выбран художественный текст как образец литературного языка: современный роман франкофонного писателя Boubou Hama “L’aventure extraordinaire de Bi Kado. Fils de noir” [Электронный ресурс].

Результаты

В результате проведенного исследования выявлены особенности нигерийского территориального варианта французского языка и языковой ситуации в республике Нигер в целом. Французский язык в литературной нормированной форме принят в республике как государственный язык. Стабильность франкофонии в стране поддерживается со стороны Франции, где

действуют законы и законодательные акты (Закон Тубона), направленные на поддержку французского языка на европейском континенте, заморских департаментах и территориях и в странах, официально освободившихся от политического влияния Франции, но сохранивших французский язык в качестве национального. Стабильность франкофонии нарушена в настоящее время экономико-политическими факторами: принятием странами мирового сообщества принципа глобализации, предусматривающего использование английского языка как средства межъязыковой коммуникации в планетарном масштабе.

Зафиксирована автохтонная составляющая в нигерийском французском территориальном языке и ее влияние на литературный французский язык. Вопрос о статусе нигерийского французского языка исследуется на материале автохтонных вкраплений в тексте романа современного нигерийского писателя-франкофона Boubou Hama “L’aventure extraordinaire de Bi Cado”» [Электронный ресурс]. Проведенная классификация автохтонных вкраплений в литературно-художественном тексте на французском языке выявила следующие основные лексические разряды: имена лиц, географические названия, название профессий и рода занятий, обозначение социального статуса. Результаты исследования представлены таблицей автохтонных вкраплений в текст французского романа. Автор романа, нигериец, писатель-франкофон использует различные языковые средства в их комбинации для передачи явлений нигерийской действительности, национального менталитета и колорита на французском языке. С этой целью в текст романа включены калькированные онимы songhaï, что придает тексту неповторимый африканский акцент.

Таблица 1

Вербальные средства отражения этнической специфики в тексте исследуемого романа

Языковые средства	Имена лиц	Географические названия	Название	Социальный статус	Название

			эндемиков		профессий
Калькирование языка songaï на французский язык	Bi Kado, Kadana, Zima, Boundi, Dida, Wanan, Boubou, Kanga Tanslaké, Zongom, Farka	Fontéko, Songhay de Tera, Gorée (m), Bambakoa (m), Kayi (m)			Sorko
Семантическое калькированиеязыка songaï на французский язык				Ancien (m), Savant illustre (m), Vieillard sage (m), Ingénieux bébé (m) étonnant bébé (m), Grand de Fontéko (m), doyen (m)	
Французский язык			Jujubier (m, brousse (f))	Marabout vénéré (m), chef du	Forgeron (m), tisserand (m),

				village (m)	maçon (m), cordon nier (m)

Обсуждение

Решение вопроса о соотношении нормированного литературного языка и его вариантов требует аналитического осмысления теоретической вопросов языковой нормы и языковой ситуации, которые решаются в гносеологическом и философском аспектах. Определение понятия языковой ситуации было предметом социо- и лингвокультурологических исследований второй половины прошлого века (Н.Б. Мечковская, Г.В. Степанов, А.Д. Швейцер и другие), суть которой заключается в отношениях между языками (или языковыми образованиями), проявляющихся в пределах политико-административного объединения и культурного пространства [Огдонова Ц.Ц., 2009]. Проблема языковой нормы на материале французского языка в период закрепления его грамматических, лексических, стилистических норм разработана, в частности, Н.М. Васильевой [Васильева, 1980]. Автор рассматривает процесс нормирования языка как определенный этап его становления в условиях укрепления государственности и развития торгово-экономической области. Французский литературный язык как языковая норма формировался за счет развития литературных традиций, расширения спектра литературный жанров, переводов, распространения влияния французского языка в Европе и мире. В настоящее время он отвечает таким признакам языковой нормы, как традиционность и историческая устойчивость к колебаниям и вариативности, представляя собой совокупность общеупотребительных языковых средств и правил их отбора, закрепленных в процессе общественной практики.

Проецируя рассмотренные условия на современную языковую ситуацию в республике Нигер, можно констатировать следующее: современный французский язык остается стабильной основой, определяющей нигерийскую языковую ситуацию.

- Практическая грамматика современного французского языка основана на прочной базе теоретических школ и течений, получивших признание мирового научного сообщества и продолжающие научные разработки.

- Изменения лексического состава французского языка наблюдаются также в соответствии с общей языковой тенденцией: на уровне речи (в разговорном, устном языке) и в области специальной лексики, коррелирующей с изменениями в сферах жизнедеятельности человека;

- Как независимое государство, Нигер унаследовала от Франции уже нормированный литературный язык, отличающийся богатой литературной традицией, грамматической системой и механизмами на государственном уровне его постоянного мониторинга и защиты от иностранного влияния.

- Этнический состав населения республики Нигер отличается сложной структурой и разнородностью, в этом отношении языковая ситуация не достигла уровня единства и унификации, благоприятного для формирования национального языка. Под вопросом остается достаточность экономического развития и распространение нигерийского французского в других регионах Африки.

- На языковую ситуацию в Нигере оказывают влияние внешние факторы – общий политический вектор глобализации в условиях бесспорного главенства английского языка как всеобщего коммуникационного средства, в то же время признание права народов и народностей на самоидентификацию, включая сохранение лингвокультурной самобытности.

Заключение

Из фактов, изложенных выше, можно заключить следующее: официальным языком республики Нигер является французский (литературный язык, письменная форма), нигерийский территориальный вариант французского языка определяет языковую ситуацию в стране, учитывая традиционное использование на бытовом уровне автохтонных языков songhaï и haussa. Подтверждением служат автохтонные элементы, выявленные в исследуемом романе современного

нигерийского писателя-франкофона Boubou Hama “L’aventure extraordinaire de Bi Cado”». Языковая ситуация осложнена растущим распространением английского языка (реклама, телепродукция, торговля, образование), подкрепленным его поддержкой на государственном уровне, а именно, его включением как первого иностранного языка в программу школьного образования и положением об обязательном владении английским языком на уровне университетского образования.

Полученные в результате исследования данные могут быть использованы при подготовке практических занятий по иностранному языку, лингвострановедению, переводу для студентов филологов, представляя также теоретический и практический интерес для специалистов-африканистов.

Литература

1. Багана Ж., Лангнер А.Н. История возникновения франкофонии Черной Африки. // Полилингвальность и транскультурные практики. 2013. №3. С. 53-57.
2. Балезин А.С., Мазов С.В., Филатова И.И. Черная Африка: прошлое и настоящее. М.: РАН, 2016. 980 с.
3. Васильева Н.М. История французского языка. М.: Флинта, 1990, 350 с.
4. Огдонова Ц.Ц. Социолингвистическая и лингвокультурологическая парадигмы интерпретации концепта «Языковая ситуация» // Вестник Забайкальского государственного университета. 2009. №3. С. 166-171.
5. Скуратов И.В., Кондратьева А.С. Арго «нуши»: лексический состав и роль в лингвокультурном пространстве Кот-д’Ивуар // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2021. № 6. С. 114 121.Ferguson Ch. Language structure and Language use // Stanford, Stanford University Press. 1971. 328 p.
6. Firmin, A. Ivory Coast: Language Situation. // Encyclopedia of Language and Linguistics. 2006. Volume 6. P. 72-76.
7. N’Guessan, J. L. Le français langue coloniale ou langue ivoirienne? // Hérodote. 2007. №126. P. 69-85.
8. Boubou Hama “L’aventure extraordinaire de Bi Kado. Fils de noir” [Электронный ресурс].

ПЕРЕВОД И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

УДК 808´5

Кузнецова Татьяна Яковлевна
Tatiana Kuznetzova

ФРАНЦУЗСКИЙ ИМПРЕССИОНИЗМ В РУССКОМ ВАРИАНТЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ НОВЕЛЛЫ ГИ ДЕ МОПАССАНА LE RETOUR И ЕЁ ПЕРЕВОДА)

FRENCH IMPRESSIONISM IN THE RUSSIAN VERSION (BASED ON “THE RETURN” BY GUY DEMAUPASSANT AND ITS TRANSLATION)

Аннотация. *Статья посвящена проблеме воспроизведения импрессионизма, течения, возникшего в живописи и литературе Франции XIX века, средствами русского языка. Импрессионисты стремились передать свои мимолётные впечатления, движимые желанием как можно более естественно и свежо показать реальный мир в его подвижности и изменчивости. Целью исследования является показать, насколько возможен с позиций импрессионизма перевод текста с французского языка на русский. Предметом исследования является воспроизведение импрессионизма в переводе с французского языка на русский на материале сопоставления новеллы Ги де Мопассана Le Retour с переводом Возвращение (А. Модзалевской). Актуальность исследования обусловлена интересом к проблеме соотношения и взаимоотношения языков и культур. Результаты исследования. Определены критерии сопоставления. Выделен основной принцип импрессионизма – субъективное видение мира. Описание жизни и быта героев организовано чёткой взаимосвяью лексических средств, актуального членения и синтаксической структуры предложений. Точка зрения автора проходит через всю новеллу: для моряка море, деревня и дом – это необходимая сфера его жизни. В переводе на русский язык триединство La mer, le village, la maison, нарушено и заменено описанием каждой из составляющих. Художественный метод импрессионизма – в работе над одним мотивом в его процессе и становлении. Возвращение Мартена показано на протяжении суток. Шесть раз даны обозначения времени, начинающие предложения. К ним привязаны указания на его передвижения и реакции его бывшей жены. Перевод воспроизводит семантико-синтаксическую структуру предложений в силу её простоты и языковой однотипности. Динамизм в характеристике предмета или явления. Мартен назван в тексте un homme, un vieux homme qui a l’air d’un pauvre - какой-то старый человек, похожий на нищего. По мере развёртывания текста к первому впечатлению, которое он производит, прибавляются всё более точные характеристики. Художественный метод как работа над одним мотивом. Автор акцентирует внимание на движение и взгляд персонажа на протяжении его встречи с женой по мере того, как она его узнаёт. Художественный метод и принципы импрессионизма новеллы Ги де Мопассана в переводе нашли отражение. Случаи **р**асхождения вызваны отсутствием*

понимания авторской идеи, несоответствиями между языковыми системами, невозможностью передачи нормандского диалекта.

Abstract. *The article is devoted to the problem of reproducing the impressionism, a movement that arose in art and literature in the 19th century France, by means of the Russian language. The impressionists tried to convey their fleeting impressions, driven by the desire to show the real world in its mobility and variability as naturally and freshly as possible. The aim of the research is to show how possible it is to translate the text from French into Russian from the point of view of the impressionism. The subject of the study is the reproduction of the impressionism in the translation from French into Russian, based on the comparison of "The Return" by Guy de Maupassant with the translation by A. Modzalevskaya. The relevance of the study is due to the interest of the relationship between languages and cultures. The results of the research. The criteria for the comparison are defined. The basic principle of the impressionism is highlighted. It is a subjective vision of the world. The description of the life and lives of the heroes is organized by a clear relationship of lexical means, actual division and syntactic structure of sentences. The author's point of view passes through the whole short story: the sea, his village and his home are the necessary things for the sailor's life. In the Russian translation, the trinity la mer, le village, la maison, is violated and replaced by the description of each element. The artistic method of the impressionism is in the work on one motive in its process and formation. Martin's return is shown during the day and night. Six sentences begin with the time. They are tied to the indications of his movements and the reactions of his ex-wife. The translation reproduces the semantic-syntactic structure of the sentences due to its simplicity and linguistic similarity. The dynamism in the image of an object or phenomenon. In the text, Martin is named as un homme, un vieux homme qui a l'air d'un pauvre - an old man who looks like a beggar. As the text unfolds, there are more and more accurate characteristics of the image. The artistic method as the work on one motive. The author focuses on the movements and look of the character throughout his meeting with his wife as she recognizes. The artistic method and principles of the impressionism in Guy de Maupassant's short story were reflected in the translation. The cases of discrepancy are caused by the lack of understanding of the author's idea, inconsistencies between the language systems, and the impossibility of transferring the Norman dialect.*

Ключевые слова: *художественное направление, художественный метод, художественный принцип сила впечатления, субъективность, перевод*

Key words: *artistic direction, artistic method, artistic principle, power of impression, subjectivity, translation*

Во второй половине XIX века в живописи формируется течение, получившее название «импрессионизм». Основной принцип импрессионизма – субъективное видение мира. Восприятие носит интуитивный, чувственный характер и обусловлено личным взглядом и чувством художника. Художественный метод импрессионизма заключается в работе над одним мотивом в его процессе и становлении. Предмет должен быть передан не в статике, а в динамике. Смена новых впечатлений, противопоставление света и тени, эффекты, создаваемые контрастами или соответствиями тонов, воспроизведение солнечных бликов на значимых предметах или их элементах воссоздают убегающий миг реальности. Рождается

ощущение красоты и осознание ценности каждого мгновения. Сила впечатления (impression фр.) создаваемого изображения обусловила название этого направления.

Целью нашей статьи является показать, насколько возможен с позиций импрессионизма перевод новеллы с французского языка на русский.

Прежде чем приступить к сопоставлению оригинального текста и его перевода, изложим краткое содержание новеллы.

Моряк, пропавший без вести тринадцать лет назад, возвращается домой. Пребывание в африканском плену настолько изменило Мартена, что его жена не узнаёт в старом больном бродяге своего мужа. Мартен проводит сутки около своего дома, пытаясь понять, что произошло в его семье за время его долгого отсутствия. Он видит, что у жены другой муж и пятеро детей, понимает, что две большие девочки – его дочери. Мартену нужно определиться с его домом и женой. Первую задачу он решает в разговоре с Левеком: дом его, он оставлен ему отцом, что зафиксировано нотариусом. Вторую задачу он разрешает, не говоря никому ни слова. Она ждала его десять лет, когда уже все считали шхуну затонувшей, а его погибшим. Она вновь вышла замуж, когда надежда исчезла. А сейчас он вернулся.

Основной принцип импрессионизма – субъективное видение мира. Проблема композиции. Текст новеллы начинается с описания жизни и быта героев. Слова mer, village, maison организуют фрагмент: *La mer fouette la côte de sa vague courte et monotone. Le village se chauffe au soleil. La maison des Martin-Lévesque, seule, au bord de la route.* Все предложения начинаются с подлежащего, выраженного этими существительными. С позиции актуального членения подлежащие во французском языке выполняют функцию темы. Они передают точку зрения автора, что для моряков море и деревня – это сфера их жизни. Дом Мартен-Левеков выступает в номинативном предложении как цель высказывания [Riegel 1994: 459], а три указания на его местоположение в деревне и относительно дороги свидетельствуют о его значении в повествовании.

Как это переведено. *Море бьет в берег короткой однозвучной волной. Белые облачка, словно птицы, проносятся по необъятному синему небу, гонимые стремительным ветром;*

в изгибе долины, сбегающей к океану, греется на солнце деревня. У самой околицы стоит домик Мартен-Левеков, в стороне от других, на краю дороги. Первое предложение верно доносит смысл. Актуальное членение сохранено. Но в следующих предложениях ключевые слова *деревня* и *домик* выполняют роль ремы. Триединство *La mer, le village, la maison,* выражающее субъективный взгляд того, кто знает жизнь моряков, нарушено и заменено описанием каждой из составляющих.

В этот контекст вписываются действующие лица, муж и жена, названные в самом общем смысле l'homme и la femme, которые далее, как предыдущие опоры текста, в качестве необходимой основы семьи получают конкретизацию в детях. причём имена существительные также употреблены с неопределённым артиклем, как в означенной выше конкретизации природы и дома: *une fillette, une autre gamine,* либо с числительным *deux mioches.* Перевод воспроизводит актуальное членение, выражая рему лексическими и синтаксическими средствами. *У калитки, на колченогом соломенном стуле, припертом спинкой, к плетню, сидит девочка лет четырнадцати… другая девочка…два карапуза.* И точно так же формируется последнее предложение. *Un chat dort sur la fenêtre; et des giroflées épanouies font, au pied du mur, un beau bourrelet de fleurs blanches, sur qui bourdonne un peuple de mouches.* На окошке дремлет кот. У стены дома красивой, нарядной каймой распушились белые левкои, а над ними жужжит целое сонмище мошкары.

Эффекты, создаваемые контрастами тонов. Этот вводный фрагмент текста дан в настоящем времени. Автор создаёт у читателя определённый настрой: ощущение покоя и умиротворения. Так есть и так будет всегда. Однако после слов одной из девочек *Le r'voilà*! - *Он опять тут!* текст новеллы приобретает динамизм и передаёт ощущение тревоги, причиной которой является появление незнакомца. Художественный метод импрессионизма – в работе над одним мотивом в его процессе и становлении. Возвращение Мартена показано на протяжении суток, в развёртывании во времени, его передвижениях и реакциях его бывшей жены и дочерей. Шесть раз даны обозначения времени, начинающие предложения: *Le*

matin, Puis, Bientot, Vers midi, Vers cinq heures, Quand le jour vint, vers neuf heures. К ним привязаны указания на его передвижения и реакции его бывшей жены. Перевод воспроизводит семантико-синтаксическую структуру предложений в силу её простоты и однотипности в языках.

Динамизм в характеристике предмета или явления. Посмотрим, как передан портрет Мартена. Он назван в тексте *un homme, un vieux homme qui a l'air d'un pauvre - какой-то старый человек, похожий на нищего*. Он производит впечатление старого и больного человека: *Il semblait malade et très misérable*. - *Казалось, он был измучен и болен*. Мать и дочь замечают, что он еле идёт, подтаскивая ногу: *Elles l'avaient vu revenir de son pas lent et fatigué*. Но, зная контекст [Kerbrat-Orecchioni 1997: 201]. можно сказать, что ему не более 35 лет, что он болен и изнурён двенадцатью годами африканского плена. Далее, в разговоре с Левеком в доме он предстаёт ещё и как несчастный человек. *Il avait un visage usé, ridé, creux partout et semblait avoir beaucoup souffert*. - *Лицо у него было старое, морщинистое, костлявое. Видно, он перенес много тяжелого*. К первому впечатлению прибавляются всё более точные характеристики.

Эффекты, создаваемые контрастами тонов. Реализуемая импрессионистами тенденция к усилению впечатления находит в тексте новеллы воплощение в противопоставлении мужских портретов. Левек - сильный, красивый мужчина с прекрасным здоровьем: *...un grand matelot au teint de brique, à la barbe drue et rouge, à l'oeil bleu percé d'un point noir, au cou fort, enveloppé toujours de laine, par crainte du vent et de la pluie au large - дюжий моряк с кирпично-красным лицом и густой рыжей бородой, с голубыми глазами, словно проколотыми черной точкой зрачка, и с крепкой, всегда тепло укутанной шеей — в защиту от дождя и морского ветра.* Прилагательное *дюжий (*а не *высокий)* ставит акцент на его физической силе. Здравый смысл и жизненный опыт должны подсказать читателю, что при решении вопроса, с кем остаться, женщина, без сомненья, выберет своего второго, сильного, здорового, красивого мужа.

Однако диалог Левек-Мартен на двух страницах выстроен с таким тонким психологизмом, что становится

понятным, почему она остаётся с Мартеном вопреки этому предположению.

Наименее ожидаемый способ изображения как наиболее действенен – характерный принцип импрессионизма. Диалог создаётся нормандским диалектом, который передаётся на русский язык простой лексикой и примитивным синтаксисом. При этом всё внимание сосредоточено на авторской речи, сопровождающей либо слова Мартена, либо слова его собеседника. Здесь находит продолжение художественный метод, работа над одним мотивом. Используется принцип импрессионизма: наименее ожидаемый способ изображения наиболее действенен. *Il se mit a manger la tête baissée sous tous les regards - Прохожий сел и принялся есть, опустив голову под всеми устремленными на него пристальными взглядами*. На вопрос Левека, как его зовут, он дал ответ, не поднимая головы - *Il répondit sans lever le nez*. И лишь, когда он увидел необычайное волнение своей жены, от которого судорога свела всё её тело и лишила движений и речи, Мартен поднял голову. Он таким образом отвечает на её безмолвный призыв. *Et elle prononça tout à coup, d'une voix changée, basse, tremblante: C'est - i'té, mon homme* ? *– И вдруг она тихо произнесла задрожавшим, изменившимся голосом: Это ты, муженёк?* - *Il articula lentement: Oui, c'est mé. – Он медленно ответил: Да, я.*

Странно и неожиданно, что после столь драматичного признания он не делает никакого движения ей навстречу: Il *ne remua pas, continuant à mâcher son pain. – Он продолжал сидеть и жевать хлеб*. Идея необычности в поведении Мартена выражена в оригинале ярче, чем в переводе (буквально: Он не пошевелился, продолжая есть хлеб) и ярче -противопоставление происходящего общепринятому.

Когда он кивком головы указывает на девочек и задаёт вопрос Левеку *C'est-i' les miennes?* и тот отвечает *C'est les tiennes.*, какую реакцию Мартена ожидает читатель? Во всяком случае не ту, которую даёт автор: *Il ne se leva point; il ne les embrassa point. – Он не встал с места, не обнял их.* В оригинале контраст усиливается благодаря двукратному употреблению отрицательной частицы point *(*вовсе не*).* И следующее указание на движение Мартена. Он встаёт, чтобы вместе с Левеком пойти

к священнику за советом, поворачивается в сторону жены, и она с рыданиями счастья бросается к нему на грудь. *Martin se leva,*. Но как только он подал ей знак, повернулся в её сторону: *et comme il avançait vers sa femme…- Мартен встал и, когда он шагнул в сторону жены…* Перевод ослабляет эмоциональный накал ситуации. Глагол *avancer* употреблён в прошедшем времени совершенного вида, хотя в оригинале показано начало движения, выраженного глаголом в имперфекте. Фрагмент воспроизводит силу чувств обретших друг друга мужчину и женщину. *Et elle le tenait à pleins bras...Martin, ému lui-même, l'embrassait sur son bonnet.* В переводе: *И она обхватила его обеими руками… Мартен тоже растрогался и несколько раз поцеловал её в чепец.* Имперфект, передающий продолжительность действия, передан прошедшим временем совершенного вида: *Она обхватила его обеими руками* – это не то, что *Она держала его в своих объятьях*. *Несколько раз поцеловал её в чепец* – не то, что Он целовал её, уткнувшись ей в чепец. Мартен, и его жена не были растроганы. Они были взволнованы. В оригинале акцент на затянутости сцены во времени создаётся ещё сложным синтаксисом, который обрывается короткой авторской ремаркой. *Lévesque, debout, attendait. – Левек стоя ждал.* Обособлением обстоятельства *debout* автор создаёт направленный свет, чем подчёркивает необычность сцены: он ждёт, когда его жена прекратит обнимать и целовать другого мужчину, пусть своего бывшего мужа. В переводе эффект ослаблен и отсутствием временной затянутости, и менее выразительным обособлением обстоятельства в русском языке.

Мастерство художника состоит в том, чтобы найти для каждого предмета форму, способную передать выпуклее всего его идею [Ренуар 1968: 102]. Ключевым в тексте новеллы является повтор, воспроизводящий нормандский диалект. Старшая дочь сообщает о появлении Мартена словами *Le r'voilà*! – В переводе: *Опять он тут!* Спустя сутки, когда Левек не пошёл в море из-за непогоды, она кричит: *M'man, le r'voilà*! – *Мама! Опять он тут!* Рассказ о своих злоключениях Мартен завершает теми же словами*: Et me v'là*! – *Вот я и пришёл*. Жена бросается к Мартену на грудь, рыдая от счастья, двоекратно повторяя: *Te*

v'là! – Ты тут! И кабатчик вопросом утверждает, и Мартен повторяет *te v'là*! – *Ты вернулся? – Вернулся*. Обращение к нормандскому диалекту дало автору возможность использовать «направленный свет», в результате чего «Под кистью художника предмет теряет материальность, превращаясь в нечто необычное и субъективное» [Бартолена 2008: 116]. Воспроизведение столь крупного мазка не оказалось в переводе возможным, и он был расщеплён на несколько тонов. Здесь жизнь Мартена: его море, его деревня, его дом, его семья, его жена, его дети.

Художественный метод и принципы импрессионизма новеллы Ги де Мопассана нашли в переводе отражение. Случаи расхождения вызваны отсутствием понимания авторской идеи, несоответствиями между языковыми системами, невозможностью передачи нормандского диалекта.

Литература

1. Бартолена С. Музей Орсе.Париж / Пер. с ит. –М.: ЗАО «БММ», 2008. – 144 с.
2. Ренуар Ж. Огюст Ренуар. – М.: Красный пролетарий,1968 – 309 с.
3. Kerbrat-Orecchioni C. L'énonciation. De la subjectivité dans le langage. –3-e éd. - P.: Armand Collin, 1997. – 290 p.
4. Riegel M. Grammaire méthodique du français. – P.: PUF, 1994. - 646 p.

Словари

1. Dictionnaire de langue française Mini Larousse. – Edition Larousse, 2008.
2. Nouveau dictionnaire de la peinture moderne. P: Fernand hazan, 1954.

References

1. Bartolena S. Muzej Orse.Parizh/Per. s it. –M.: ZAO «BMM», 2008. – 144s.
2. Renuar Zh. Ogyust Renuar. – M.: Krasny`j proletarij,1968 – 309 s.
3. Kerbrat-Orecchioni C. L'énonciation. De la subjectivité dans le langage. –3-e éd. - P.: Armand Collin, 1997. – 290 p.
4. Riegel M. Grammaire méthodique du français. – P.: PUF, 1994. - 646p.

Dictionnaires

1. Dictionnaire de langue française Mini Larousse. – Edition Larousse, 2008.
2. Nouveau dictionnaire de la peinture moderne. P : Fernand hazan, 1954.

УДК 81’33

Миньяр-Белоручева Алла Петровна
Alla Minyar-Beloroucheva
Сергиенко Полина Игоревна
Polina Sergienko

ВОПРОСЫ ПОСТРЕДАКТИРОВАНИЯ МАШИННОГО ПЕРЕВОДА PR-ТЕКСТОВ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

PR TEXTS MACHINE TRANSLATION POST-EDITING IN THE DIGITAL AGE

Аннотация. *В данной статье рассматриваются вопросы постредактирования текстов по связям с общественностью (PR), переданных на язык перевода посредством машинного перевода. Становясь все более универсальным и глобальным, цифровой перевод необходим для обучения будущих PR-специалистов, что обусловливает* ***актуальность*** *данного исследования,* ***целью*** *которого является анализ постредактирования машинного перевода PR-текстов.* ***Новизна*** *данной работы заключается в анализе цифрового перевода PR-текстов и его последующего постредактирования.* ***Материалом исследования*** *послужили PR тексты крупных международных компаний.* ***Методы*** *исследования включают филологический анализ, сравнение, переводческий эксперимент, а также общенаучные методы анализа, синтеза и обобщения. В* ***результате*** *проведенного исследования было установлено, что, для осуществления автоматизированного перевода студенты отделений по связям с общественностью обращаются к наиболее популярным онлайн ресурсам, таким как Yandex, Google, Bing и другим сервисам. Однако несмотря на то, что алгоритмы автоматизированного перевода постоянно совершенствуются, машинным переводчикам до сих пор требуется постредакторская доработка. Это обусловлено необходимостью соблюдения норм языка перевода, которые постоянно нарушаются вследствие различия культурно-языковых кодов и узуального употребления профессионально-ориентированных лексических единиц, включающих термины, аббревиатуры, профессионализмы, профессиональные жаргонизмы, неологизмы, функционирующие в PR-текстах. Практическая значимость проведенного исследования заключается в возможности применения его результатов при обучении переводу и постредактированию студентов отделений по связям с общественностью. Авторы приходят к выводу, что в эпоху цифровых технологий автоматизированный перевод приобретает особую значимость, поскольку позволяет быстро передавать большой объем информации на язык перевода, совершенство которого достигается посредством постредактирования.*

Abstract. *This article examines the issues of machine translation post-editing of public relations (PR) texts. Rendered into the target language by means of digital technologies they leave much to be desired from the position of the target language. The* ***relevance*** *of the study is determined by increasing role of the digital translation technologies in the information age. The* ***aim*** *of the research is the analysis of digital translation of PR-texts and their post-editing.* ***PR press releases*** *of large international companies are taken as the authentic* ***material*** *for the* ***study****.*

Research methods *include philological analysis, comparison, translation experiment, as well as general scientific methods of analysis, synthesis and generalization. As a* ***result*** *of the study, it has been established that to carry out digital translation, PR undergraduates resort to such online resources, as Yandex, Google, Bing and other services. Despite constant algorithms' improvement, digital translation engines still need post-editing. It is necessary to comply with the target language norms, which are constantly violated by the digital translation, with computers failing to grasp cultural and linguistic differences as well as the use of professionally oriented lexical units that function in PR texts. The* ***practical significance*** *of the study provides the possibility of using its results in teaching machine translation and post-editing to PR undergraduates. The authors come to the* ***conclusion*** *that in the digital age, computerized translation is of particular importance, since it allows a quick transfer of information into the target language, which translation perfection is achieved through post-translation editing.*

Ключевые слова*: цифровая эпоха, перевод, PR тексты, постпереводческое редактирование*

Key-words: *Digital Age, translation, PR texts, post-translation editing*

Введение

Цифровизация XXI века приводит к созданию новых условий существования человека и осуществления его профессиональной деятельности, одним из важнейших аспектов которой является перевод. Поскольку будущее обусловлено настоящим, то использование цифровых технологий в области межъязыкового перевода в сфере PR принесет свои плоды специалистам по связям с общественностью в обозримом будущем. Отличительной чертой современного мира является увеличение в геометрической прогрессии информации, требующей обработки и ее моментального общепланетарного распространения, благодаря цифровым технологиям, выводящим на первый план PR специалистов, деятельность которых требует разработки более совершенных систем межъязыкового машинного перевода, что свидетельствует об актуальности данного исследования. Машинный перевод, способствующий быстрой обработке и передаче большого объема информации, создает новые условия для взаимодействия переводчика и цифровых систем, позволяя говорить о возникновении новых отношений в виртуальном пространстве цифрового общества. Однако, несмотря на явные достижения, машинный перевод, все еще не достиг своего совершенства и требует постпереводческого редактирования, изучение особенностей которого является целью данной работы. PR тексты крупных международных компаний, таких как Nestlé и Procter and Gamble, послужили материалом данного исследования.

Методическая база данного исследования представлена филологическим анализом, сравнением, переводческим экспериментом, а также общенаучными методами анализа, синтеза и обобщения. Методологической основой данной работы послужили произведения таких теоретиков постредактирования машинного перевода, как A. Bernth, M. Gdaniec, G. S. Koby, M. Koponen, H.P. Krings, S. O'Brien, S, Sousa, а также рекомендации международной организации по вопросам стандартизации перевода – ISO Translation Services [ISO, 2017]. Необходимо отметить, что проблема постредактирования машинного перевода остается открытой в связи с выбором переводческих эквивалентов и соблюдением норм языка перевода.

Основная часть

Перевод как диалог культур является уникальной коммуникацией, границы которой постоянно расширяются благодаря развитию информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Всемирная паутина, пользователи которой составляют больше половины жителей земного шара, создала благоприятные условия для обращения к переводческим платформам, способствующим в наиболее короткий срок передать информацию с исходного языка (ИЯ) на язык перевода (ПЯ). Традиционно считается, что перевод призван гармонизировать мысли [Vishnyakova et al. 2020], выраженные на разных языках. «Язык не только отражает культуру своего народа, его социальное устройство, менталитет, мировоззрение и многое, многое другое, но и хранит накопленный им социокультурный пласт, который служит важнейшим и эффективнейшим способом формирования следующих поколений, то есть инструментом культуры» [Тер-Минасова 2000].

В эпоху цифровых технологий экспоненциальное увеличение информации, приводящее к накоплению колоссального объема поступающих данных в отсутствие общепланетарного языка, требует ее быстрой обработки и эффективного перевода на языки мира, поскольку основная задача перевода заключается в передаче «информации, содержащейся в данном произведении речи, средствами другого

языка» [Ахманова 1966: 305]. Новые технологии, сохранив основные задачи перевода, изменили способы передачи большого объема информации на разные языки мира. Машинный перевод, с заложенным в него алгоритмом, становится все более широко распространенным и востребованным благодаря скорости выполнения, что является одним из его достоинств, способствуя повышению интереса к нему. Машинный переводу, несовершенство которого в течение 75 лет стремились сгладить, обратившись к его редактированию. Однако, несмотря на явные успехи машины в области машинного перевода, в отличие от человека, машина не способна подходить к переводу творчески и осмысленно. Перевод слов с помощью автоматизированных систем дает «эквивалент» их значений в другом языке, провоцирует на употребление иностранных слов в привычных контекстах родного. Однако, несмотря на высокую скорость выполнения поставленных задач посредством машинного перевода, его качество оставляет желать лучшего, поскольку конфликт между культурными представлениями разных народов о тех предметах и явлениях реальности, которые обозначены «эквивалентными» словами этих языков [Тер-Минасова, 2000], машинный перевод до сих пор не в состоянии преодолеть.

Переход от индустриального к информационному, а затем и к цифровому обществу повлек за собой фундаментальные изменения не только в области функционирования языка [Ахренова 2018], но и перевода, в том числе в сфере PR. Передача информации на другой язык посредством цифровых технологий способствовала разрыву с доцифровой переводческой традицией и возвращению к пословному переводу, который основывался на иконической природе слова, свойственной раннему Средневековью [Велидинская 2010].

Машинный перевод формировался непосредственно с развитием информационных технологий, пройдя в своем становлении несколько стадий, которые свидетельствовали о взлете и падении, разочаровании, низком старте и новых импульсах третьего тысячелетия.

Появление теории и практики машинного перевода относят к 1946 году, когда директор отделения естественных

наук Рокфеллеровского фонда Уоррен Уивер впервые сформулировал концепцию машинного перевода [Гарбовский 2015: 6]. В первые три десятилетия практики машинного перевода предпочтение отдавалось семантико-синтаксической модели пословного перевода, не имевшей, как выяснилось, перспективы развития, что привело к ее замене на семантико-синтаксическую модель фразеологического перевода [Кулагина 1979], что также не дало искомых результатов, поскольку основная задача перевода заключается в передаче смысла исходного текста на язык перевода. Как известно, текст несводим к смыслу составляющих его слов вследствие их многозначности. Из всего многообразия слов, введенных в алгоритм машинного перевода, машинный переводчик не всегда может выделить необходимые лексические единицы для их передачи на язык перевода. Процесс доработки машинного перевода человеком получил название постредактирование (РЕМП), что подразумевает внесение исправлений в текст машинного перевода, согласно нормам языка перевода [Krings 2001; Koby, 2001: Koponen 2016]. Следует отметить, что в 2018 году 50% Европейских переводческих компаний прибегали к помощи машинного переводчика [Нечаева, Светова 2018], 37% занимались постредактированием цифрового перевода, 17% высказали намерение заняться данной деятельностью в ближайшее время [Нечаева, Светова 2018]. Этим можно объяснить обращение к постредактированию машинного перевода, которое становится альтернативой профессиональному переводу человеком и которому начали обучать при подготовке переводчиков в вузах [Нечаева, Светова 2018], что свидетельствует о новой парадигме, активно развивающейся в современной траслатологии [Чакырова 2013; Максютина 2014].

С началом XXI века характеристики и свойства машинного перевода, который воспринимается не как результат творчества, а как результат деятельности, лишенной авторства, становятся более ярко выраженными. Уже на данном этапе развития машинный перевод является неотъемлемой частью деловой жизни и PR-коммуникаций, приобретая все более универсальный и глобальный характер. Обучение студентов PR должно включать в себя не только их

подготовку к выступлению на студенческих и научных мероприятиях, проводимых на разных языках по выбранной специальности [Sergienko et al., 2021], но и обучению постпереводческому редактированию докладов, которые передаются на другой язык посредством машинного перевода.

Следует отметить, что при машинном переводе создается переводной текст, не эквивалентный оригиналу. Подобная ситуация наблюдается при машинном переводе названий брендов, продвигаемых в PR-текстах. Например, фраза, взятая из пресс-релиза компании Procter and Gamble [P&G URL], посвященного выходу нового продукта бренда Puffs (носовые платки): '…they're encouraging every parent to share the love and pass the Puffs to a friend, family member or colleague …' – представляет трудность для автоматизированного перевода, поскольку содержит название бренда, неучтенного в его алгоритме. Машинный перевод, выполненный сервисом Yandex, предлагает следующую фразу на русском языке: «... они поощряют каждого родителя делиться любовью и передавать затяжки другу, члену семьи или коллеге…». Таким образом, переводная фраза полностью лишена смысла, поскольку вместо перевода бренда носовых платков Puffs переводческий сервис передает бренд Puffs словом «затяжка», входящим в словарь общеупотребительной лексики. Несомненно, такому переводу требуется постредактирование, поскольку автоматизированный словарь не учитывает узкую специализацию исходного текста. Постпереводческое редактирование исправляет логические ошибки и наполняет высказывание адекватным смыслом: «…делиться с друзьями носовыми платками бренда Puffs …».

Под постпереводческим редактированием понимается работа переводчика с машинным переводом, в результате которой достигается желаемый уровень качества переводного текста [Lefevre 2003]. Считается, что постпереводческое редактирование может быт сведено к минимуму, в случае обращения большего внимания на пред-переводческое редактирование текста. Следовательно, для того, чтобы избежать вышеуказанной ошибки, редакторам следовало бы разъяснить, что под словом «Puffs» понимается название бренда. Проведенный эксперимент показал, что при добавлении

лексической единицы «brand» фраза: “pass a brand Puffs to a friend” переводческий сервис Yandex предлагает следующую фразу: «передайте фирменную затяжку другу». Иными словами, при машинном переводе прослеживается «недостаточность перевода» на русский язык. Подобная переводческая трансформация [Бархударов 1975] отсутствует в алгоритме машинного перевода. Недостаток машинной перевода заключается в том, что алгоритм переводческой системы не учитывает фоновые знания и культурные особенности носителей языка, для которых создан данный пресс-релиз. В то же время следует отметить, что благодаря не только постпереводческому, но и допереводческому редактированию, машинный перевод может передавать без искажений коннотативно нейтральные стандартизованные тексты.

В качестве еще одного примера служит предложение: “Nestlé USA acquires Freshly, a pioneer in healthy prepared meals” [Nestlé URL], которое на платформе сервиса Yandex переводится следующим образом: «Nestlé USA приобретает свежую, пионерскую в области здоровых готовых блюд». Данный перевод требует значительной работы в области постпереводческого редактирования. Несмотря на то, что широко известный в мире бренд Nestlé узнаваем переводческим алгоритмом, его американское подразделение Nestlé USA не заложено в алгоритм перевода и передается на русский язык посредством варваризма, сохраняющего свое латинское написание. Но не только этот недочет не передает смысл, заложенный в оригинальном предложении пресс-релиза. В отличие от узнаваемого бренда Nestlé новая торговая марка Freshly, символизирующая здоровый образ жизни, не воспринимается машинным переводчиком как таковая и переводится общеупотребительным словом «свежий», что также лишает данное предложение информационного смысла. Автоматизированный перевод также опустил существительное “a Pioneer” в значении новой компании, преобразовал его в прилагательное «пионерский» и не дополнил предложение другим существительным, что привело к грамматическим нарушениям в переводе. В целом отметим, что недостатки машинного перевода вызваны

несхожестью английского и русского языков, имеющих разное грамматическое, синтаксическое управление и смысловое наполнение лексических единиц.

Из определения, данного А.В. Федоровым: «Перевести значит выразить верно и полно средствами одного языка то, что уже выражено ранее средствами другого языка» [Федоров 1983: 10], следует, что задача перевода заключается в передаче смысловой информации, содержащейся в тексте оригинала. Однако при преобразовании текста оригинала в текст языка перевода посредством языковых технологий, как видно из примеров, иногда происходит неполноценная коммуникативная замена оригинала, т.е. машинный перевод не всегда выполняет предназначенную ему роль посредника, необходимую при межкультурной коммуникации. Машинный перевод также не учитывает контекстные факторы, включающие особенности автора исходного текста, а также специфику целевой аудитории, получателей переведенного текста, их фоновые знаний и культурные особенности.

Заключение

Несмотря на критику, которая часто слышится в адрес машинного перевода, прогресс остановить невозможно, так же как невозможно ограничиться исключительно традиционным переводом, выполняемым человеком. Постпереводческое редактирование соотносится исключительно с работой человека над текстом после его машинного перевода. Использование машинного перевода в странах Европы постоянно растет. В настоящее время искусственный интеллект и нейронные сети, которые используются и адаптируются в сфере цифрового профессионального перевода, в том числе в области PR, поднимают технологию машинного перевода на новый уровень.

Подводя итог, отметим, что, несмотря на многие достоинства машинного перевода, ставшие доступными в цифровую эпоху, не следует отказываться от деятельности человека в рамках постпереводческого редактирования, поскольку именно человек способен приблизить перевод, выполненный искусственным интеллектом, к требуемому высокому качеству.

Литература

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. – 608 с.
2. Ахренова Н. А. Доминанты современной интернет-лингвистики. Дисс. доктора филол. наук. 2018.
3. Бархударов Л. С. Язык и перевод. М.: Междунар. отношения. 1975. 240 с.
4. Велидинская С. Б. Курс общей теории перевода. Томск: Изд-во Томского политехнического унив-та. 2010. – 230 с.
5. Гарбовский Н.К. Системологическая модель о переводе. Трансдисциплинарность и система научных знаний. Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2015. № 1. С. 3-21.
6. Кулагина О.С. Исследования по машинному переводу. М.: Наука, 1979.
7. Максютина О. В. Редактирование перевода как неотъемлемая часть современного стандарта качества // Вестник ТГПУ. - 2014. - №4 (145). - С. 106-111.
8. Нечаева Н.В., Светова С.Ю. Постредактирование машинного перевода как актуальное направление подготовки переводчиков в вузах // Вопросы методики преподавания в вузе. - 2018. - №7 (25). - С. 64-72.
9. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000 – 262 с.
10. Федоров А. В. Основы общей теории перевода. М.: 1983. – 303 с.
11. Чакырова Ю.И. Постредактирование в транслатологической парадигме // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. - 2013. - №8. - С. 137-144.
12. Bernth A., Gdaniec C. M. Translatability. Machine Translation, 2001. 16(3): 175-218.
13. ISO 18587:2017. Translation Services – Post-editing of machine translation output – Requirements. International Organization for Standardization, 2017.
14. Koby G. S. Editor’s introduction. In Krings, H. P. Repairing Texts: Empirical Investigations of Machine Translation Post-editing Processes, Kent State University Press, 2001, pp: 1-23.
15. Koponen M. Is machine translation post-editing worth the effort? A survey of research into post-editing and effort. The Journal of Specialised Translation, 2016. 25: 131-148.
16. Krings H.P. Repairing Texts: Empirical Investigations of Machine Translation Post-Editing Process. Ohio: The Kent State University Press. 2001
17. Lefevre J.-P. Traduire à l‘aide des machines/ Translitterature. Paris, 2003. P. 31-35.
18. Nestlé, URL: https://www.nestle.com/media/pressreleases/allpressreleases/nestle-usa-acquires-freshly
19. P&G (Procter and Gamble), URL: https://news.pg.com/news-releases/default.aspx
20. Sergienko P., Minyar-Beloroucheva A., Vishnyakova O., Vishnyakova E. Academic conferences in professionally oriented language acquisition by public

relations undergraduates // Amazonia Investiga, June 2021, volume 10, - Issue 42, p. 69-79. DOI: https://doi.org/10.34069/AI/2021.42.06.7
21. Sousa S.C., Aziz W. and Specia L., 2011. Assessing the Post-Editing Effort for Automatic and Semi-Automatic Translations of DVD subtitles. Proceedings of the Recent Advances in Natural Language Processing Conference, RANLP 2011 Organising Committee, pp: 97–103.
22. Vishnyakova O., Minyar-Beloroucheva A., Sergienko P., Vishnyakova E. Harmonizing different cognitive styles through reading/ 5th International e-Conference on Studies in Humanities and Social Sciences: Conference Proceedings. — Belgrade: Center for Open Access in Science, 2020. — P. 17–30. DOI: 10.32591/coas.e-conf.05.02017v

References

1. Achmanova O.S. Slovar' lingvisticheskikh terminov [Dictionary of linguistic terms]. M.: Sovetskaya e`nciklopediya, 1966. – 608 s.
2. Achrenova N. A. Dominanty` sovremennoj internet-lingvistiki [The dominants of modern Internet linguistics]. Diss. doktora filol. nauk. 2018.
3. Barchudarov L. S. Yazy`k i perevod [Language and translation]. M.: Mezhdunar. otnosheniya. 1975. 240 s.
4. Velidinskaya S. B. Kurs obshhej teorii perevoda [General Translation Theory Course]. Tomsk: Izd-vo Tomskogo politexnicheskogo univ-ta. 2010. – 230 s.
5. Garbovsky N.K. Sistemologicheskaya model` o perevode. Transdisciplinarnost` i sistema nauchny`x znanij [Systemological model of translation. Transdisciplinarity and the system of scientific knowledge]. Bulletin of Moscow University. Episode 22. Translation Theory, 2015. No. 1. pp. 3-21.
6. Kulagina O.S. Issledovaniya po mashinnomu perevodu [Studies on machine translation]. M.: Nauka, 1979.
7. Maksyutina O. V. Redaktirovanie perevoda kak neot``emlemaya chast` sovremennogo standarta kachestva [Translation editing as an integral part of the modern quality standard] // Bulletin of TSPU Journal. - 2014. - №4 (145). - Pp. 106-111.
8. Nechaeva N.V., Svetova S.Yu. Postredaktirovanie mashinnogo perevoda kak aktual`noe napravlenie podgotovki perevodchikov v vuzax [Machine translation post-editing as an urgent trend training translators at universities] // Voprosy` metodiki prepodavaniya v vuze. - 2018. - №7 (25). - S. 64-72.
9. Ter-Minasova S. G. Yazy`k i mezhkul`turnaya kommunikaciya [Language and intercultural communication]. M.: Slovo, 2000 – 262 c.
10. Fedorov A. V. Osnovy` obshhej teorii perevoda [Fundamentals of the general theory of translation]. M.: 1983. – 303 s.
11. Chaky`rova Yu.I. Postredaktirovanie v translatologicheskoj paradigm [Post-editing in the translatological paradigm] // Bulletin of PNIPU. Problemy` yazy`koznaniya i pedagogiki. - 2013. - №8. - S. 137-144.
12. Bernth A., Gdaniec C. M. Translatability. Machine Translation, 2001. 16(3): 175-218.
13. ISO 18587:2017. Translation Services – Post-editing of machine translation output – Requirements. International Organization for Standardization, 2017.

14. Koby G. S. Editor’s introduction. In Krings, H. P. Repairing Texts: Empirical Investigations of Machine Translation Post-editing Processes, Kent State University Press, 2001, pp: 1-23.
15. Koponen M. Is machine translation post-editing worth the effort? A survey of research into post-editing and effort. The Journal of Specialised Translation, 2016. 25: 131-148.
16. Krings H.P. Repairing Texts: Empirical Investigations of Machine Translation Post-Editing Process. Ohio: The Kent State University Press. 2001
17. Lefevre J.-P. Traduire à l‘aide des machines/ Translitterature. Paris, 2003. P. 31-35.
18. Nestlé, URL: https://www.nestle.com/media/pressreleases/allpressreleases/nestle-usa-acquires-freshly
19. P&G (Procter and Gamble), URL: https://news.pg.com/news-releases/default.aspx
20. Sergienko P., Minyar-Beloroucheva A., Vishnyakova O., Vishnyakova E. Academic conferences in professionally oriented language acquisition by public relations undergraduates // Amazonia Investiga, June 2021, volume 10, - Issue 42, p. 69-79. DOI: https://doi.org/10.34069/AI/2021.42.06.7
21. Sousa S.C., Aziz W. and Specia L., 2011. Assessing the Post-Editing Effort for Automatic and Semi-Automatic Translations of DVD subtitles. Proceedings of the Recent Advances in Natural Language Processing Conference, RANLP 2011 Organising Committee, pp: 97–103.
22. Vishnyakova O., Minyar-Beloroucheva A., Sergienko P., Vishnyakova E. Harmonizing different cognitive styles through reading/ 5th International e-Conference on Studies in Humanities and Social Sciences: Conference Proceedings. — Belgrade: Center for Open Access in Science, 2020. — P. 17–30. DOI: 10.32591/coas.e-conf.05.02017v

УДК 81´255

Новикова Марина Геннадьевна
Marina Novikova
Лебедева Анна Александровна
Anna Lebedeva

ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ МАНИПУЛЯЦИИ В ЮРИДИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

TRANSLATION MANIPULATIONS IN LEGAL DISCOURSE

Аннотация. *Статья посвящена выявлению роли переводческих манипуляций в юридическом дискурсе. Юридический дискурс определяется как «надъязыковой» (имеется ввиду разделение языкового и дискурсивного уровней с вышестоящим положением последнего) феномен, сопрягающий коммуникативные деятельности законодателя и правоприменителя с обязательным достижением единообразия толкования мысли, облаченной в форму нормативно-правового документа. Лингвистические и экстралингвистические различия академического характера контактирующих правовых систем обуславливают наличие большого количества непереводимых и труднопереводимых отрезков текста оригинала, которые невозможно переложить на язык перевода при помощи закономерных переводческих соответствий – «собственно перевода». Возникает потребность в разрешении проблем посредствам переводческой манипуляции. В настоящее время возможно выделить два подхода к определению феномена манипуляции в переводоведении: текстоцентрический – обусловленный необходимостью преодоления языковых и культурных несоответствий ИТ в ТП, и реципиентоцентрический – связанный с целенаправленным навязыванием определенного мнения получателю перевода для достижения некой цели при помощи языковых средств. Авторы придерживаются первого подхода и определяют переводческие манипуляции как технологию преодоления «непереводимостей» при помощи когнитивно-герменевтических операций с целью выражения содержания нормативно-правовых документов оригинала средствами ЯП с учетом законодательных и правоприменительных корреляций контактирующих правовых систем.*

Abstract. *The article is devoted to identifying the role of translation manipulations in legal discourse. Legal discourse is defined as a translingual phenomenon that combines the communicative activities of the legislator and law enforcer with the obligatory achievement of uniformity in the interpretation of thought, documented in the form of a normative legal act. Linguistic and extralinguistic differences of the contacting legal systems determine the presence of a large number of untranslatable and difficult-to-translate segments in the original text that cannot be translated into the target language with the help of regular translation correspondences – "proper translation". There is a need to resolve problems through translation manipulation. At present, it is possible to single out two approaches to the definition of manipulation phenomenon in translation studies: text-centric – due to the need to overcome the linguistic and cultural differences of a source text in a target text, and recipient-centric – associated with the purposeful imposition of a certain opinion on the recipient of the translation to achieve a certain goal with the help of linguistic means. The authors adhere to the first approach and define translation manipulations as a technology for overcoming*

"untranslatability" with the help of cognitive-hermeneutic operations in order to express the content of the legal documents of the original by means of the target language, taking into account the legislative and law-enforcement correlations of the contacting legal systems.

Ключевые слова: *юридический дискурс, закономерные переводческие соответствия, непереводимость, переводческие манипуляции*

Key words: *legal discourse, regular translation correspondences, translation manipulations, untranslatability*

Введение

Проблема манипуляции в переводоведении актуализировалась в 1970-е годы в рамках манипулятивной школы перевода (Manipulation School) в Нидерландах. Адепты штудии, среди которых упомянем Жозе Ламбера, Хендрика ван Горпа, Раймонда ван ден Брека, Тео Херманса, Андре Лефевера, Сьюзен Басснет-Макгуайр, Марию Тымочко, ратовали за введение в научный обиход новой переводческой парадигмы для успешного решения ряда острых проблем художественного перевода, как-то: введение концепции критики переводного художественного текста, «в центре которой находились системные отношения между исходным текстом и текстом перевода», определение «обратной связи между анализом отдельных случаев перевода и теоретическими концепциями», изучение «глубинных психологических процессов, связанных с переводом» и т.п. В качестве базовых постулатов парадигмы лингвисты акцентировали «важность понимания литературы, как динамической системы», объективность существования «постоянного взаимодействия между теоретическими моделями и исследованиями частных случаев», необходимость разработки и применения «дескриптивного целевого, функционального и системного подхода к художественному переводу». Ключевым резонансным тезисом явилась сентенция о *манипулятивном характере перевода*, ибо, по мнению Т. Херманса: «… all translation implies a degree of manipulation of the source text for a certain purpose» [Hermans 1985: 11], что возможно толковать, как наличие в переводе некоторого манипулирования исходным текстом с целью достижения определенной цели [Прунч 2015: 161, 256-259].

Непосредственно термин «манипуляция» обладает широким значением: от выполнения работы руками, махинации и жульничества до обращения положения в свою пользу и

различных способов социального воздействия на людей с определенной целью. Так, С.Г. Кара-Мурза в книге «Манипуляция сознанием» определяет его как программирование мнений и устремлений реципиентов при помощи семантико-риторических средств с целью обеспечения искомого поведения реципиента [Кара-Мурза 2000: ЭР]. Базовым компонентом дефиниции является «навязывание» некоего мнения реципиенту с определенной целью при помощи языковых средств. Подобная позиция оказалась интересной для развития и активного употребления в области переводоведения.

В настоящее время отечественные и зарубежные лингвисты рассматривают переводческую манипуляцию с разных точек зрения. С одной стороны, объектом манипуляции становится текст оригинала. Следовательно, весь процесс перевода отождествляется с манипуляцией с чисто лингвистической и культурной точек зрения, ибо «любой перевод подразумевает манипулирование формой и значением исходного текста, вызванное языковыми различиями, с простой целью передачи» его содержания средствами языка перевода на доступном для реципиентов уровне с сохранением жанрово-стилистических особенностей оригинала [Galdeano 2018: ЭР].

С другой стороны, объектом манипуляции в переводе становится реципиент, так как происходит «навязывание сознанию получателя перевода ценностей и моделей той или иной культуры» [Корнаухова 2011: 65]. Кроме того, поскольку процесс перевода «осуществляется человеческим агентом», под манипуляцией понимается «возможное влияние индивидуальных или психологических факторов (личности переводчика) на конечный продукт» [Dukate 2007: ЭР]. Не стоит забывать и об ограничениях, накладываемых на деятельность переводчика литературными, политическими, властными или иными структурами общества, для которого осуществляется перевод [Куницина 2009: 37].

Оба подхода, по нашему убеждению, оправданы. Тем не менее, вопрос о сущности переводческих манипуляций в юридическом дискурсе нуждается в пояснении.

1. Юридический дискурс с переводческой точки зрения определяется как актуализация коммуникативности

(представляющей собой концептуальную абстракцию исходного сообщения) ИТ нормативно-правовых документов в сознании переводчика с учетом распределения функций законодателя и правоприменителя в каждом конкретном случае по средствам когнитивных операций предпонимания, понимания, интерпретации и переводческого решения в соответствии с правилами управления языка принимающей культуры [Новикова 2021: 143].

Любой текст коммуникативен по своей природе, поскольку создаётся автором с ориентацией на потенциального реципиента и с учётом его предполагаемой реакции на данный текст или с целью вызвать определённую реакцию. Другими словами, «коммуникативная деятельность отправителя сообщения строится на идеальной модели адресата и его деятельности, в силу чего текст как знак замещает не только деятельность отправителя, непосредственным продуктом которой он является, но и деятельность адресата <…> Следовательно, текст – это знаковая модель сопряжения коммуникативных деятельностей отправителя и адресата сообщения» [Сидоров 2009: 178–179].

Тексты нормативно-правовых документов сопрягают деятельности законодателя и правоприменителя, которые характеризуются некоторой степенью когнитивного противостояния в аспекте толкования законов, поскольку «нормативные правовые акты в процессе их применения не всегда точно могут регулировать общественные отношения, в результате чего возникает неопределенность их применения». В подобных ситуациях формируется необходимость «в установлении подлинной воли законодателя, выраженной в норме, и правильном ее применении к спорному случаю» [Гук 2016: 72-74]. Следовательно, переводчику надлежит грамотно определять функции законодателя и правоприменителя в каждом конкретном случае, исключая возможность множественного контекстного толкования.

Подобная сложная концептуальная абстракция возможна посредствам использования системы когнитивных операций, составляющих герменевтико-переводческий методологический стандарт: предпонимания, понимания, интерпретации и переводческого решения [Мишкуров 2018].

Предпонимание представляет собой учет предлингвистических факторов: исторических, социокультурных, правовых и пр., а также лингвистический предпереводческий анализ текста, способствующий формированию прообраза смысла.

Понимание являет глубокое проникновение во все смысловые нюансы текста нормативно-правового документа на ИЯ. На данном этапе осуществляется верификация особенностей полученного варианта правоприменения путем его сравнения с существующими контекстными употреблениями в контактирующих правовых системах.

Когниция интерпретации отвечает за формулирование дискурсивно равнозначных и прагматически адекватных вариантов перевода отрезка ИТ в соответствии с правилами языка принимающей культуры.

Переводческое решение – это выбор оптимального (с точки зрения переводчика) из имеющихся вариантов перевода для отчуждения реципиенту.

2. Закономерные переводческие соответствия

Стоит упомянуть, что использование ярко выраженной системы когнитивных операций герменевтико-переводческого методологического стандарта требуется не во всех случаях. Перевод нормативно-правовых документов относится к специализированным видам перевода, в котором большое значение приобретает адекватная передача содержания специфических юридических терминопонятий. Формулировки, используемые в нормативно-правовых актах, требуют однозначности понимания и невозможности их множественного толкования, ибо «специфика терминов определяет важность их точного применения, которое заключается не в употреблении слов, а в системности функционирования такого явления, как право» [Лутцева 2007: ЭР].

Данная точка зрения подводит к целесообразности использования *закономерных переводческих соответствий* («собственно перевода») при передаче оригинала на ЯП, поскольку язык юридических текстов в достаточной степени формализован и стереотипен. Закономерные переводческие

соответствия представляют собой использование конвенциональных вариантов перевода определенных отрезков иноязычного текста, то есть зафиксированных в словаре. В данном случае за отрезок иноязычного текста принимается не только отдельное юридическое терминопонятие, но и комплексный «структурно-семантический «узел», составляющий единое понятийное целое» [Рецкер 2016: 11].

Приведем несколько примеров:

In 2009 the Supreme Court replaced the House of Lords as the highest court in England, Wales and Northern Ireland [UK Court Structure ЭР].

В 2009 году Верховный суд заменил Палату лордов в качестве высшей судебной инстанции в Англии, Уэльсе и Северной Ирландии.

District Courts deal only with summary criminal matters such as breach of the peace, assault, vandalism, theft, speeding, vehicle excise and electricity fraud [UK Court Structure ЭР].

Окружные суды рассматривают только уголовные дела в упрощенном порядке, такие как нарушение общественного порядка, нападение, вандализм, кража, превышение скорости, акциз на транспортные средства и мошенничество с электричеством.

Данные предложения характеризуются наличием переводческих эквивалентов их составляющих лексем в словарях, значение которых не меняется контекстом, следовательно, перевод не представляет особой трудности.

3. Переводческие манипуляции

Однако при сопоставлении рабочей пары языков выявляется большое количество феноменов, не имеющих закономерных переводческих соответствий – ***непереводимостей***.

Онтологическое основание непереводимости выражается пятью академическими постулатами: 1) различной типолого-генеалогической онтологией языков; 2) диахронической и синхронической системно-структурной асимметрией любой рабочей пары языков; 3) различной концептуально-когнитивной организацией пространств рабочей пары языков; 4)

лингвокультурологическим различием языковых картин мира; 5) этнопсихолингвистическими и символико-семиотическими различиями в манифестации языковых феноменов [Мишкуров, Новикова 2020: 360].

Каждая из пяти перечисленных академических причин или их различные сочетания не позволяют переводчику воспользоваться приемами «собственно перевода» – закономерными переводческими соответствиями – и требуют действий иного характера. Таким образом, возникает потребность в **манипуляции**.

С нашей точки зрения, манипуляция при переводе текстов нормативно-правовых документов – это использование не закономерных переводческих соответствий, а когнитивных операций герменевтико -переводческого методологического стандарта для переложения непереводимых или трудно переводимых отрезков ИТ на ЯП при помощи семантико-риторических средств: транскрипции, транслитерации, опущения, генерализации, конкретизации, создания соответствий-аналогов, описательного перевода, переводческого комментария и т.п., а также их комбинаций. Манипуляция – это технология «обхода» непереводимого или труднопереводимого, активизирующаяся на уровне дискурса и «выдаваемая» за «собственно перевод».

Рассмотрим, например, предложение:

The new ***ombudsman*** *will oversee discrimination according to the new law* [Reverso ЭР].

На этапе предпонимания выясним этимологию термина «ombudsman». Данная лексема имеет древнескандинавское происхождение со значением «представитель», «полномочие». В качестве обозначения должности данная лексема первоначально была использована в Швеции в 1800-х годах, когда парламент назначил *омбудсмена* для решения сложных вопросов в стране в отсутствие короля [Office of the Ombuds ЭР].

В настоящее время англоязычные словари выделяют два основных значения термина:

1. человек, который информирует о жалобах, расследует их и помогает урегулировать;

2. чиновник (как в Швеции или Новой Зеландии), назначенный для получения и расследования жалоб, поданных физическими лицами на государственных должностных служащих по поводу злоупотребления ими своим положением [Webster dictionary ЭР].

На этапе понимания определяем значение термина – официально назначенное лицо для урегулирования жалоб населения по отношению к должностным лицам. Однако в анализ необходимо включать изучение существующих законодательных и правоприменительных функций терминопонятия.

Данная лексема была заимствована из английского языка и введена в русский юридический язык при помощи транскодирования. Так, в 2010 году Советом Ассоциации российских банков было принято Положение об *общественном примирителе на финансовом рынке* (Финансовом омбудсмене), которое со временем показало свою неэффективность из-за отсутствия надлежащих полномочий у финансового омбудсмена. В 2018 году был принят Федеральный закон от 04.06.2018 №123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг», в котором под искомым термином стали понимать «*финансовый уполномоченный*». В других юридических документах «омбудсмен» может использоваться в значении «*уполномоченный по правам человека*». Таким образом, в нормативно-правовых актах РФ терминопонятие «омбудсмен» используется в трёх вариантах употребления, что может привести к возникновению коллизий в их понимании и толковании.

На этапе интерпретации формулируем приемлемый вариант / варианты перевода предложения. Контекстное окружение позволяет определить, что речь не идет о финансовом документе, а о проблемах с дискриминацией, следовательно, значение «*уполномоченный по правам человека*» будет уместным для передачи на ЯП.

На этапе принятия переводческого решения получаем окончательный вариант перевода, отчуждаемый в сферу рефлексии реципиента:

The new ***ombudsman*** *will oversee discrimination according to the new law –*

Новый уполномоченный по правам человека (омбудсмен)будет курировать вопросы по борьбе с дискриминацией в соответствии с новым законом.

Заключение

Анализ вышеизложенного подводит к выводу, что перевод в широком смысле представляет собой комплексное использование закономерных переводческих соответствий и переводческих манипуляций. Переводческие манипуляции в юридическом дискурсе представляют собой вынужденную, обусловленную лингвистическими и экстралингвистическими различиями контактирующих культур, технологию «обхода» трудно переводимых или непереводимых отрезков исходного текста нормативно-правовых документов при помощи когнитивно-герменевтических операций предпонимания, понимания, интерпретации и принятия переводческого решения, с обязательным определением существующих законодательных и правоприменительных функций искомого текстового отрезка в юридических практиках с целью обеспечения точного воспроизведения содержания ИТ на ЯП и однозначного его восприятия реципиентом.

Литература

1. Гук П.А. Судебное толкование норм права // Журнал российского права №8, 2016. С. 72-78.
2. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.: Алгоритм, 2000. 734 с.
3. Корнаухова Н.Г. Манипуляция как категориальный признак художественного перевода // Вестник бурятского университета, 2011 (11). С. 65-70.
4. Куницына Е.Ю. Шекспир – Игра – Перевод / Е.Ю. Куницына. Иркутск: ИГЛУ, 2009. 434 с.
5. Лутцева М.В. Английская юридическая терминология и способы ее перевода на русский язык. Электронный ресурс. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/angliyskaya-yuridicheskaya-terminologiya-i-sposoby-ee-perevoda-na-russkiy-yazyk (дата обращения: 05.04.2022).
6. Мишкуров Э.Н. Герменевтика перевода (теоретико-методологиеский стандарт): монография. М.: Воен. ун-т, 2018. 299 с.
7. Мишкуров Э.Н., Новикова М.Г. Проблема «переводимости – непереводимости» на современном этапе развития теории и практики перевода: пути решения //Мир науки, культуры, образования. № 3 (82) 2020. С.359-363.

8. Новикова М.Г. Понятие «юридический дискурс» с переводческой точки зрения // Современная наука. Актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. №11-2, 2021. С. 140-143.
9. Прунч Э. Пути развития западного переводоведения. От языковой асимметрии к политической. М.: «Р.Валент», 2015. 512 с.
10. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода / Доп. и комм. Д.И. Ермоловича. М.: Аудитория, 2016. 244 с.
11. Сидоров Е.В. Онтология дискурса. М.: Кн. дом Либроком, 2009. 232 с.
12. Федеральный закон от 04.06.2018 №123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» // «Российская газета», №121, 06.06.2018Я.
13. Galdeano T. Essay on The Manipulation of Translation? 2018. Электронный ресурс. URL:https://www.academia.edu/40261558/Essay_on_The_Manipulation _ of_Translation. (дата обращения: 01.05.2022).
14. Dukate A. Manipulation as a Specific Phenomenon in Translation and Interpreting, 2007. Электронный ресурс. URL: Ошибка! Недопустимый объект гиперссылки.. (дата обращения: 22.04.2022).
15. Hermans Th. “Images of Translation. Metaphor and Imagery in the Renaissance Discourse on Translation”, in: Hermans ed. 1985, 103-135.
16. Office of the Ombuds. Электронный ресурс. URL: https://ombuds.ucmerced.edu/content/what-origin-term-ombuds-and-profession. (дата обращения: 30.04.2022).
17. Reverso. Ombudsman. Электронный ресурс. URL: https://context.reverso.net/%D0%BF%D0%B5%D1%B9/ombudsman. (дата обращения: 02.05.2022).
18. UK Court Structure. Электронный ресурс. URL: http://www.justcite.com/kb/editorial-policies/terms/ uk-court -structure/. (дата обращения: 30.04.2022).
19. Webster dictionary. Ombudsman. Электронный ресурс. URL: https://www.merriam-webster.com/dictionary/ombudsman (дата обращения: 02.05.2022).

References

1. Guk P.A. Sudebnoe tolkovanie norm prava [Judicial interpretation of the law] // ZHurnal rossijskogo prava №8, 2016. P. 72-78. (In Russian).
2. Kara-Murza S.G. Manipulyaciya soznaniem. [Mind manipulation]. M.: Algoritm, 2000. 734 p. (In Russian).
3. Kornauhova N.G. Manipulyaciya kak kategorial'nyj priznak hudozhestvennogo perevoda [Manipulation as a categorical feature of literary translation]. // Vestnik buryatskogo universiteta, 2011 (11). P. 65-70. (In Russian).
4. Kunicyna E.YU. SHekspir – Igra – Perevod [Shakespeare - Game – Translation]. / E.YU. Kunicyna. Irkutsk: IGLU, 2009. 434 p. (In Russian).
5. Lutceva M.V. Anglijskaya yuridicheskaya terminologiya i sposoby ee perevoda na russkij yazyk. [English legal terminology and ways of its translation into Russian] // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/angliyskaya-yuridicheskaya - terminologiya-i-sposoby-ee-perevoda-na-russkiy-yazyk (accessed: 05.04.2022). (In Russian).

6. Mishkurov E.N. Germenevtika perevoda (teoretiko-metodologieskij standart): monografiya. [Hermeneutics of translation (theoretical and methodological standard): monograph]. M.: Voen. un-t, 2018. 299 p. (In Russian).
7. Mishkurov E.N., Novikova M.G. Problema «perevodimosti – neperevodimosti» na sovremennom etape razvitiya teorii i praktiki perevoda: puti resheniya [The problem of "translatability - untranslatability" at the present stage of development of the theory and practice of translation: ways to solve] // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. № 3 (82) 2020. P. 359-363. (In Russian).
8. Novikova M.G. Ponyatie «yuridicheskij diskurs» s perevodcheskoj tochki zreniya [The concept of "legal discourse" from a translation point of view] // Sovremennaya nauka. Aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki. №11-2, 2021. P. 140-143. (In Russian).
9. Prunch E. Puti razvitiya zapadnogo perevodovedeniya. Ot yazykovoj asimmetrii k politicheskoj. [Ways of development of Western translation studies. From linguistic asymmetry to political]. M.: «R.Valent», 2015. 512 p. (In Russian).
10. Recker YA.I. Teoriya perevoda i perevodcheskaya praktika. Ocherki lingvisticheskoj teorii perevoda [Translation theory and translation practice. Essays on linguistic theory of translation] / Dop. i komm. D.I. Ermolovicha. M.: Auditoriya, 2016. 244 p. (In Russian).
11. Sidorov E.V. Ontologiya diskursa. [Discourse ontology]. M.: Kn. dom Librokom, 2009. 232 p. (In Russian).
12. Federal'nyj zakon ot 04.06.2018 №123-FZ «Ob upolnomochennom po pravam potrebitelej finansovyh uslug» [Federal Law No. 123-FZ dated 04.06.2018 “On the Commissioner for the Rights of Consumers of Financial Services”] // «Rossijskaya gazeta», №121, 06.06.2018YA. (In Russian).
13. Galdeano T. Essay on The Manipulation of Translation? 2018 // URL: https://www.academia.edu/40261558/Essay_on_The_Manipulation_of_Translation (accessed: 01.05.2022).
14. Dukate A. Manipulation as a Specific Phenomenon in Translation and Interpreting, 2007 // URL: http://www3.acadlib.lv /greydoc/Dukates _disertacija Dukate_ang.doc (accessed: 22.04.2022).
15. Hermans Th. “Images of Translation. Metaphor and Imagery in the Renaissance Discourse on Translation”, in: Hermans ed. 1985, 103-135.
16. Office of the Ombuds // URL: https://ombuds. ucmerced.edu/content/what-origin-term-ombuds-and-profession (accessed: 30.04.2022).
17. Reverso. Ombudsman // URL: https://context.reverso.net/%D0%BF%D0%B5%D1%B9/ombudsman (accessed: 02.05.2022).
18. UK Court Structure // URL: http://www.justcite.com/kb/ editorial-policies/ terms/uk-court -structure/ (accessed: 30.04.2022).
19. Webster dictionary. Ombudsman // URL: https://www.merriam-webster. Com/dictionary/ombudsman (accessed: 02.05.2022).

СТИЛИСТИКА И АНАЛИЗ ДИСКУРСА

УДК 81

Маник Светлана Андреевна
Svetlana Manik
Халикулова Карина Владимировна
Karina Khalikulova

ИНТОНАЦИЯ КАК КЛЮЧЕВОЙ КОМПОНЕНТ ЗВУЧАЩЕЙ РЕЧИ: ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

INTONATION AS A KEY COMPONENT OF SOUNDING SPEECH: EXPERIMENTAL RESEARCH

Аннотация. *На сегодняшний день лингвистика активно занимается изучением звучащих текстов, коммуникативного поведения и создания коммуникативного образа человека. Фонология и ее компоненты зачастую рассматриваются в междисциплинарном ракурсе, таким образом, формируются особые смежные области науки. В статье рассматривается интонация как главный объект исследования, фокусируется внимание на ее функциях и важности изучения. Актуальность исследования видится в перспективности развития методики преподавания и изучения понятий «фонология», «интонация» и др. через призму когнитивной лингвистики для создания модели успешного коммуникативного акта. Целью данного исследования является описание интонации как ключевой составляющей звучащей речи на материале английского языка, а также суммирование полученных данных в ходе эксперимента на базе Ивановского государственного университета при входном тестировании студентов 1 курса.*

Abstract. *Nowadays Linguistics is actively engaged in the study of sounding texts, communicative behavior and the creation of a communicative image of a person. Phonology and its components are often considered in an interdisciplinary perspective; thus, special areas of interdisciplinary science are formed. The article considers intonation as the main object of research, focuses on its functions and the importance of studying. The significance of the research is seen in the prospects for the development of teaching methods and the study of the concepts of "phonology", "intonation", etc. in terms of Cognitive Linguistics to create a model of a successful communicative act. The objective of this study is to describe intonation as a key component of sounding speech as a case study of the English language, as well as to summarize the data obtained during the experiment that has been held on the basis of Ivanovo State University during the entrance testing of 1st year students.*

Ключевые слова: *фонология, интонация, функции и аспекты интонации, тоны*
Keywords: *phonology, intonation, functions and aspects of intonation, tones*

Введение

В настоящее время английский язык в современном мире завоевал статус главного инструмента общения, ведения переговоров, разрешения конфликтов. В этой связи популярность его изучения нарастает по всему миру. В процессе обучения английскому языку затрагиваются такие аспекты, как грамматика, лексика, фонетика и тд. Согласно требованиям Совета Европы, касающимся компетенций владения иностранным языком, «общие фонетические навыки и умения не следует отождествлять с умением произносить звуки конкретного языка» [European Language portfolio 2003]. Иными словами, цель освоения языка заключается в достижении понимания, при этом качество звучащего текста уходит на второй план. Однако опираясь на исследования психолингвистики, хочется отметить, что все виды речевой деятельности рассматриваются как части единой системы. В связи с этим фонетике отводится одна из главных ролей при изучении языка в междисциплинарных исследованиях, связанных с коммуникацией.

При отработке отдельных фонем, фонетических слов и фраз человек формирует эталон звучания, который в последствии будет носить фонологический характер при коммуникативном акте. Распознавание фонологической информации крайне важно, так как каждое звучащее слово имеет информационный вес [Босова 2013: 8].

Для выработки звучащего эталона человек работает с имитацией вербального поведения, что, собственно, происходит и при изучении родного языка. Физиологически способность к такому подражанию обусловлена работой зеркальных нейронов [Rizolatti 2012]. Если на данном этапе формирования и развития человек не научится подражать, то по мнению специалистов, у него будут проблемы и с продуцированием, и восприятием речи [Бушинская 2021]. Фонетика также накладывает свой отпечаток и на образ говорящего. Язык, культура, а также предубеждения и клише идут бок о бок даже в нынешнее столь прогрессивное время. Кроме того, проблема поиска эталона также остается открытой. Подавляющее большинство носителей языка могут иметь различные физиологические дефекты речи. Стоит учитывать диалектные особенности, возрастные, а также

принимать в расчет уровень грамотности речи, полученное образование и тд.

Процессы производства и понимания естественного языка, типы понятийных структур и их языковое выражение, когнитивно-семантические категории, выражение пространственных и временных отношений в языке создают целостную картину при восприятии речи [Манерко 2006: 32], и одновременно данные понятия являются наиболее актуальными темами современных отечественных и зарубежных когнитивных исследований. Лексические и грамматические концепты в работах лингвистов находят самое яркое отражение, в то время как когнитивная фонология рассмотрена не в полной мере.

Фонология охватывает достаточно большой спектр элементов, которые лежат в основе речи. Интонация представляет наибольший интерес, так как имеет достаточно большой информационный вес и может служить средством выражения мысли без грамматической составляющей. Элементы интонации реально существуют лишь в единстве, хотя в научных целях их можно рассматривать и по отдельности. В.Н. Всеволодский-Гернгросс указывает при этом на то, что, когда содержание высказывания, заключенное в словах, недоступно для восприятия, можно наблюдать как бы интонацию "в чистом виде" [цит. по Муханов 2015: 89]. Во-первых, это имеет место при восприятии речи на иностранном, непонятном для слушающего языке; во-вторых, при слушании в затрудненных условиях (например, через стенку), когда слов разобрать невозможно. В обоих случаях улавливается лишь интонация [Муханов 2015].

Выражая тончайшие оттенки чувств и особенности психического склада говорящего, интонация является одним из основных средств создания художественного образа на сцене, в кино и в искусстве художественного чтения. Следовательно, при обучении английскому языку необходимо уделять особое внимание интонации.

Основные функции интонации

Интонация для изучающих язык, пожалуй, один из самых сложных компонентов устной речи. Постижение даже азов английских интонационных моделей вызывает сложности у 90%

обучающихся, так как невозможно провести параллели между интонацией английского и русского языков, иначе это может привести к неверной интерпретации высказывания и к провалу коммуникативного акта в целом [Беляева, 2019].

Для того, чтобы избежать недопонимания в устной речи и верно воспроизвести текст при чтении, сохранив при этом смысл и задумку автора, необходимо изучить, каким образом интонация функционирует в речи. традиционно выделяют следующие функции интонации.

1) Установочная функция. Самая очевидная роль интонации – выражение эмоционального контекста: удивление, радость, гнев, испуг, печаль и т.д.

2) Грамматическая функция. Интонация помогает определить грамматические структуры в речи: начало и конец грамматических единиц, типы предложения по своему грамматическому строю (вопрос, восклицание, команда, повествование и т.п.).

3) Информационная функция. Интонация способствует определению наиболее важной информации в тексте. Правильно распределяя интонационную нагрузку на каждое слово, мы избегаем недопонимания при беседе и передаем общее настроение и замысел при чтении текста.

4) Функция связки. Интонация сигнализирует о том, как последовательность пунктов в тексте сочетаются при прочтении (при беседе). В данном случае наиболее важную роль играет паузация – один из самых важных компонентов интонации. С помощью пауз, их долготы и постановки в тексте, мы выявляем не только эмоциональный настой сообщения, но и определяем по долготе пауз оформление текста: деление на смысловые группы, предложения, абзацы, параграфы.

5) Психологическая функция. Данная функция связана с памятью. При повторении одной и той же грамматической и интонационной модели, мы запоминаем определенные шаблоны поведения в различных коммуникативных ситуациях.

6) Функция идентификации. Интонация может действовать как маркер личностной и социальной идентичности [Avery, P. and Ehrlich, S. 2008].

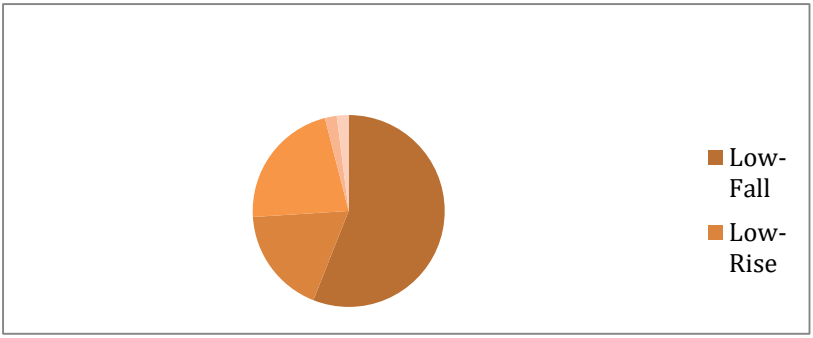
Таким образом, интонация имеет широкий спектр функций. Ни одно высказывание не существует без интонации. Одной из главных функций является членение речевого потока. Рассматривая функции интонации в другом ракурсе, также можно выделить ее три уровня: грамматический, логический и эмоционально-экспрессивный. Далее представляется возможным рассмотреть основные результаты экспериментального входного тестирования студентов ивановского государственного университета.

Результаты эксперимента

Безусловно, при работе со звучащей речью необходима специальная фонетическая подготовка для успешной коммуникации, сдачи экзамена, эффектного выступления. Студенты первого курса Ивановского государственного университета, сдав Единый Государственный Экзамен по английскому зыку, и, следовательно, имея базовую подготовку, связанную с интонацией, пошли тестирование на материале текстов пособия *4000 Essential English Words,* которые в основном носят фабульный характер. Такой выбор был обусловлен тем, что данные тексты содержат как прямую речь, так и речь автора, что расширяет вариативность интонационных контуров при прочтении. Таким образом, подобные тексты позволяют тренировать практически все интонационные модели английского языка. В эксперименте приняло участие 43 студента.

С точки зрения интонационной стороны самих текстов, важно подчеркнуть, что в звучащем варианте представлены практически все основные тоны: Low-Fall, Low-Rise, High-Fall, High-Rise, Fall-Rise. Кроме того, за основу взяты только 2 основные шкалы: Stepping Head и Sliding Head. Ниже представлен график процентного соотношения употребления тонов в общей сумме текстов (рис. 1):

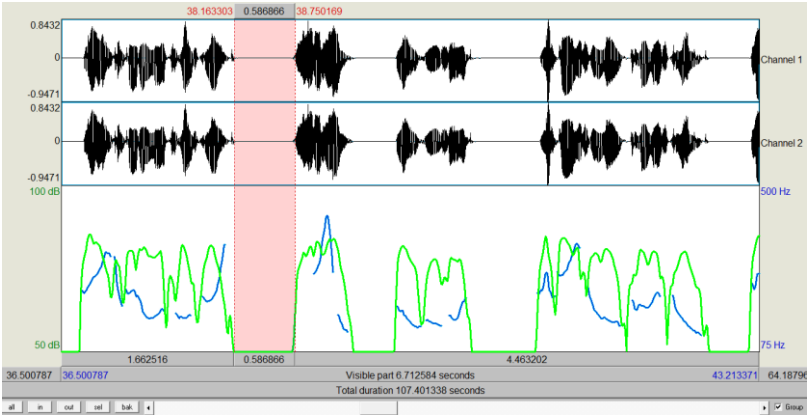
Рис.1 Процентное соотношение употребления основных тонов в рассматриваемом учебнике



Для анализа экспериментальных результатов использовалась программа Praat, которая дает возможность анализировать и синтезировать звучащую речь. Кроме спектрального анализа, она помогает осуществлять анализ высоты тона, анализ форманты, акустического показателя в распознавании речи, анализ интенсивности и мощности звука, изучать дрожание, мерцание и голосовые разрывы и выполнять аннотирование.

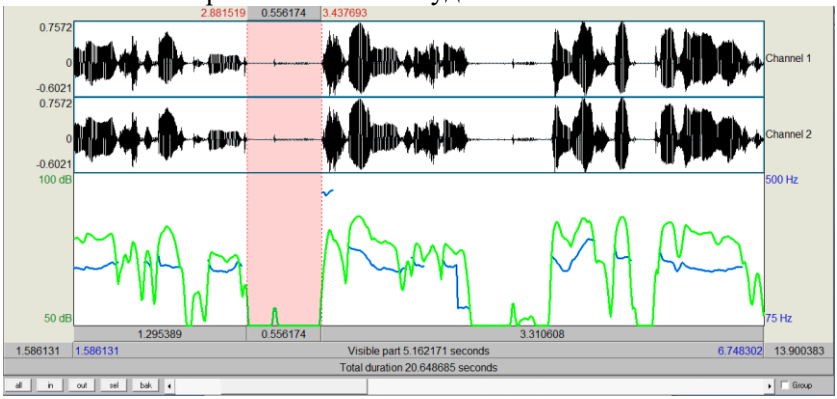
Студенты допускали ошибки в основном в прямой речи персонажей текста. Эмоциональная сторона звучащего текста, порой, содержит большую часть информации, чем само лексическое наполнение. Таким образом, невербальная сторона речи может обеспечивать 50% успешной коммуникации. На следующих спектограммах видна разница между звучащим отрывком текста диктора (Рис. 2) и некоторых учащихся (рис. 3). Необходимо отметить, что на спектограмме обозначены тональные контуры, контур форманты и мощность. Так, черные линии (канал 1 и канал 2) представляют собой запись звучащего текста. В свою очередь зеленая и синяя линии отражают поток голоса, шумы и тон голоса. На последующих рисунках рассматривается разница именно с данным эталоном, представленном на рис.2.

Рис. 2 Фрагмент записи эталона



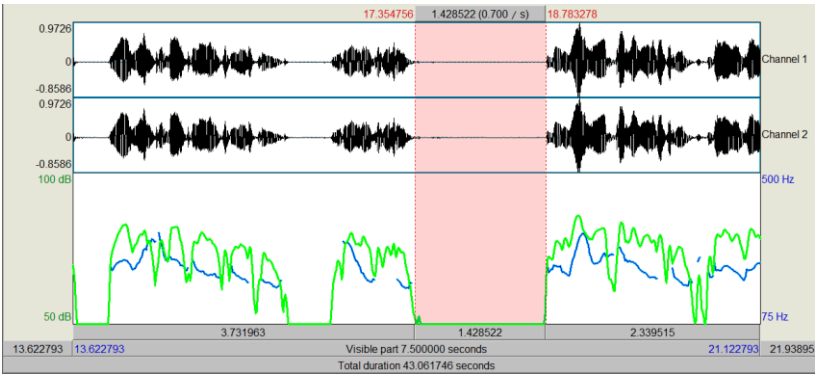
Интонирование прямой речи студента на Рис. 3, как видно, весьма отличается от оригинала. Ученик различает паузацию между двумя предложениями, но не умеет правильно интонировать общие вопросы (отрезок до паузы с низким восходящим тоном) и восклицания (отрезок после паузы с высоким нисходящим тоном).

Рис. 3 Фрагмент записи студента



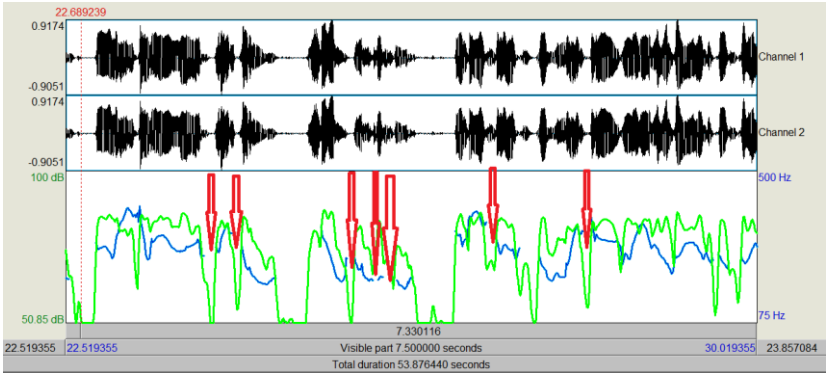
Кроме того, на Рис. 2 отчетливо видна интонация каждой группы высказываний. На Рис. 3 речь ученика монотонна и лишь в конце каждой группы интонация движется вниз.

Рис. 4 Фрагмент записи студента



На Рис. 4 представлена запись речи еще одного обучающегося. Как видно из графика, речь говорящего не монотонна, на втором и третьем отрезках есть явное сходство с текстом оригинала, иными словами, учащийся распознает восклицания и повествовательные предложения и умеет правильно интонировать их в тексте. Однако есть существенные в интонировании общего вопроса на первом отрезке (вместо восходящего употреблен нисходящий тон), а также паузация в тексте имеет различные показатели. Паузы перед знакомыми словами и грамматическими конструкциями, не вызывающие затруднение при чтении, имели показатель от 0,4 до 0,7 секунд (текст оригинала – 0,5 – 09 секунд). Однако паузы перед незнакомыми лексическими и грамматическими единицами составили от 1,1 до 1,6 секунд, что можно наблюдать на выделенном отрезке Рис. 4 после восклицания.

Рис. 5 Фрагмент записи студента



Еще один пример интонирования того же самого отрезка текста студентом (Рис.5) показывает, что на первом отрезке также зафиксирована ошибка неверного интонирования общего вопроса (высокий нисходящий тон), однако интонирование восклицания было произведено верно. Кроме того, программа зафиксировала множественные микропаузы в интонационных единствах (отмечено стрелками), что указывает на проблему отсутствия техники чтения, иными словами ученик читал некоторые фрагменты по словам. Также программа Praat зафиксировала множественное употребление высоких тонов, неоправданно использованных в большей части всего текста. Что касается длительности основных пауз, она составила в среднем 0,5 секунд, что сопоставимо с текстом оригинала.

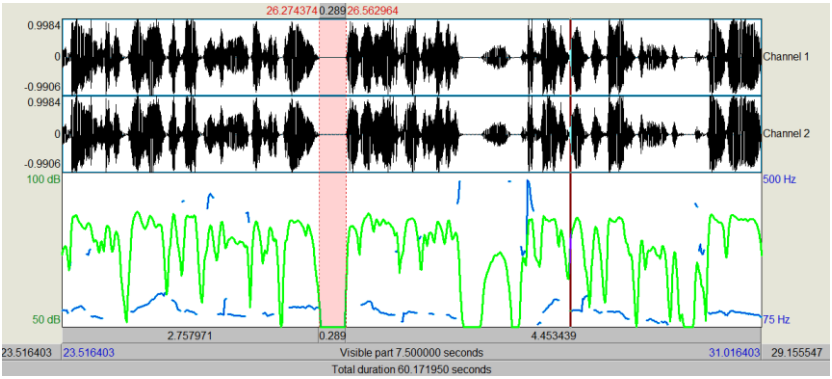
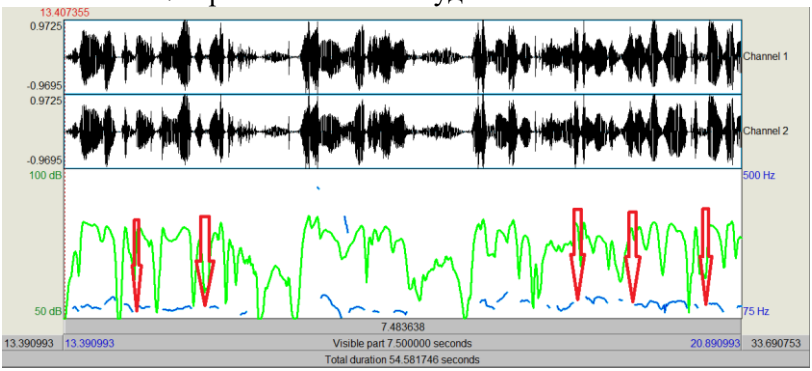


Рис. 6 Фрагмент записи студента

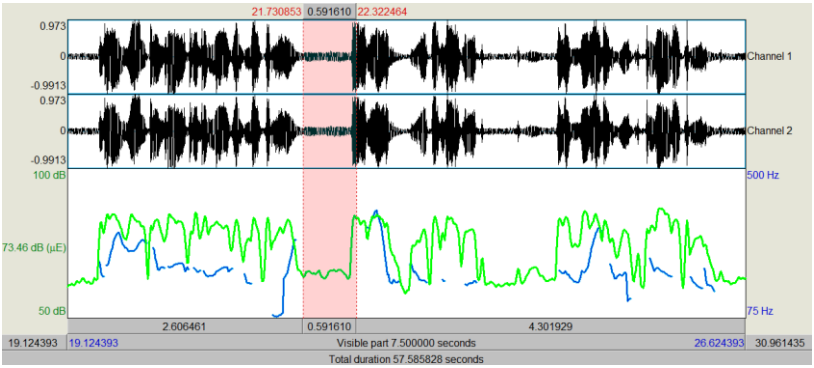
На Рис. 6 изображена речь еще одного участника эксперимента. По сравнению с предыдущим примером, данная речь отличается ровным тоном (практически безэмоциональные высказывания). Паузация между предложениями довольно короткая – 0,3 секунды. Все предложения имеют низкий нисходящий ядерный тон.

Рис. 7 Фрагмент записи студента



На Рис. 7 отображена речь, которая схожа с предыдущим участником по степени эмоциональности, хотя на втором отрезке записи виден высокий нисходящий тон восклицания. Что касается общих вопросов, здесь наблюдается повторяющаяся ошибка ядерного тона (Low-Fall), однако в 6 случаях обычные повествовательные предложения ученик интонировал низким восходящим тоном. Также, программа зафиксировала паузы внутри одной синтагмы, т.е. перед незнакомыми лексическими и грамматическими конструкциями ученик допускал небольшие паузы хезитации. Сама же паузация между предложениями и абзацами не была нарушена (0,4-0,6 секунд).

Рис. 8 Фрагмент записи студента



На Рис. 8 дан пример речи учащегося, который наиболее точно воспроизводит практически все тоны. На данном отрывке отражается низкий восходящий тон общего вопроса (первый отрезок), эмоциональная сторона восклицания с высоким нисходящим тоном (второй отрезок) и тон повествования с низким нисходящим ядром. Общая паузация варьируется от 0,5 до 0,9 секунд, что приближено к оригиналу прочтения. В целом, можно отметить, что только 7 студентов из 24 смогли приблизиться к оригиналу прочтения текста в плане интонации предложений: они знали общие правила интонирования вопросов, перечисления, повествования, восклицания, также маркировали как речь автора, так и прямую речь персонажей.

Обобщая, необходимо подчеркнуть, что только 7 студентов из 43 смогли приблизиться к оригиналу прочтения текста в плане интонации предложений: они знали общие правила интонирования вопросов, перечисления, повествования, восклицания, также маркировали как речь автора, так и прямую речь персонажей. Стоит также отметить, что студенты подразделялись на 3 учебные группы, где уровень подготовки значительно разнится, соответственно отличались и баллы школьной государственной итоговой аттестации. Группа педагогического направления справилась с заданием хуже в силу незнания или отсутствия должной фонетической подготовки. Доминирующий тон – LF (45%). LR – 39%. HF – 3%. HR, MidF и FL не были использованы студентами данной группы. Общий процент совпадений с оригиналом – 27,7%. Что касается 1 группы студентов направления «Зарубежная филология», здесь

результаты значительно отличаются. Доминирующий тон – LF (34%). LR – 18%. HR – 15%. HF – 11%. FR – 7%. Общий процент совпадения с оригиналом – 83,75%. Наконец, 2 группа студентов направления «Зарубежная филология» уступает 1 группе, что находит отражение в самих результатах ЕГЭ в разделе «Устная часть». Доминирующий тон – LF (42%). FR не был использован. LR – 33%. MF – 2%. HF – 10%. HR – 5%. Общий процент совпадения с оригиналом – 36,25%.

Как видно из статистических данных, студенты, имея должную фонетическую подготовку, справляются с заданием по чтению гораздо лучше, чем те группы, которые имеют только базовые школьные знания. Однако можно наблюдать ряд ошибок (разделительные вопросы) либо неточностей произношения отдельный высказываний. Возможно, это связано с тем, что эмоциональная сторона понимания текста еще не проработана в достаточной степени, хотя допускает некоторые нормы как в случае с MidF, где допустим вариант LF или HF.

Естественно, при хорошей интонации студенты допустили ряд ошибок в произношении отдельных слов и словосочетаний. Самой распространенной ошибкой было сочетание определенного артикля и слова, начинающегося с гласного звука (the other, the officer, the iron…). Также, был допущен ряд ошибок, касающийся ударения в словах таких как restaurant, compliment, jury, где ударение смещалось на последний слог. Наиболее сложными словами для произношения были *literary, aptitude, adolescent, straw, presume, pharmacy, soda, yell, surprise*. Таким образом, не имея словарной и интонационной подготовки перед текстом, студенты допустили ряд ошибок, влияющих на понятийную сторону и общее впечатление от текста.

Заключение

Подводя итог, хочется подчеркнуть еще раз значимость изучения фонологии и ее компонентов. Коммуникация и вербальное поведение человека напрямую зависит от манеры изложения, использования тех или иных интонационных контуров и создает образ говорящего для его реципиента. С фонетической точки зрения, изучаемые языки наравне с

совпадающими характеристиками обладают рядом специфических особенностей. Благодаря этому, в целом, представители различных культур понимают речь друг друга, но порой может возникнуть недопонимание. Кроме того, без правильной интонационной базы речь не воспринимается как естественная, появляется столь нежелательный акцент. Для того чтобы от него избавиться и избежать трудностей в общении, необходимо владеть познаниями не только в лексике и грамматике языка, но также знать и грамотно использовать фонетическую специфику языка. Данная обзорная статья может послужить началом для дальнейшего изучения фонологии в аспектах когнитивной лингвистики и методики преподавания.

Литература

1. Беляева М. Ю. Фонетика: учебное пособие для студентов бакалавриата, обучающихся по направлению 44.03.01 Педагогическое образование (профиль подготовки – Филологическое образование) очной формы обучения / М. Ю. Беляева. – Краснодар: Экоинвест, 2019. – 108 с.
2. Белянин В.П. Психолингвистика: Учебник / В.П. Белянин. — М.: Флинта: Московский психолого-социальный 2 институт, 2003. — 232 с.
3. Болдырев Н.Н. Языковое знание и языковое сознание // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования: сб. науч. тр. / РАН. Ин-т языкознания. М.; Калуга, 2007. С. 95—108.
4. Босова Л.Л. Информатика. М.: Бином, 2013. С. 8.
5. Бушинская Е.А. Функциональные аспекты реализации дополнительного образования детей в Российской Федрации // Педагогика и психология образования. 2021. № 2. С.9 – 21. DOI: 10.31862/2500-297X-2021-2-9-21
6. Кодзасов С.В. Исследования в области русской просодии / 195 С.В.Кодзасов. – М.: ЯСК, 2009. – 496 с.
7. Манерко Л.А. Наука о языке: парадигмы лингвистического знания. Рязань: Изд-во РГУ им. С.А. Есенина, 2006 (1). 216 с.
8. Муханов, И.Л. Русская интонация: Учебное пособие для иностранных учащихся / И.Л. Муханов. — М.: Русский язык. Курсы, 2015. — 216 с.
9. Риццолатти Джакомо, Синигалья Коррадо Зеркала в мозге: о механизмах совместного действия и сопереживания / Пер. с англ. О. А. Кураковой, М. В. Фаликман. — М.: Языки славянских культур, 2012.
10. Цеплитис Л.К., Катлане Н.Я. Теория публичной речи. – Рига: Зинатне, 2001. – 117 с.
11. Avery, P. and Ehrlich, S. Spelling and Pronunciation. Teaching American English Pronunciation. Oxford: Oxford University Press, 2008.
12. Dalton, C. and Seidlhofer, B. Pronuciation. Oxford: Oxford University Press, 2008. – 123 p.

13. European Language portfolio: proposals for development Text. Strasbourg: Council of Europe, 2003.
14. Kapatsinski, V., Olejarczuk, P., & Redford, M.A. (2016). Perceptual learning of intonation contour categories in adults and 9-to 11-year-old children: Adults are more narrow-minded. Cognitive Science. DOI:10.1111/cogs.12345
15. Kenworthy, J. Teaching English Pronunciation London: Longman, 1994. – 239 p.
16. Nathan, G. S. (2015). Phonology. In E. Dąbrowska & D. Divjak (eds), Handbook of Cognitive Linguistics (pp. 253–273). Berlin & New York: Mouton de Gruyter.
17. Ormel, E., Knoors, H., Hermans, D., & Verhoeven, L. (2009). The Role of Sign Phonology and Iconicity During Sign Processing: The Case of Deaf Children. Journal of Deaf Studies and Deaf Education, 14(4), 485–502.

References

1. Belyaeva M. Yu. Phonetics: a textbook for undergraduate students studying in the direction of 44.03.01 Pedagogical education (training profile – Philological education) full-time / M. Yu. Belyaeva. – Krasnodar: Ekoinvest, 2019. – 108 p.
2. Belyanin V.P. Psycholinguistics: Textbook / V.P. Belyanin. — M.: Flint: Moscow Psychological and Social Institute 2, 2003. — 232 p.
3. Boldyrev N.N. Linguistic knowledge and linguistic consciousness // Conceptual analysis of language: modern research directions: collection of scientific tr. / RAS. Institute of Linguistics. M.; Kaluga, 2007. pp. 95-108.
4. Bosova L.L. Informatics. M.: Binom, 2013. P. 8.
5. Bushinskaya E.A. Functional aspects of the implementation of additional education for children in the Russian Federation // Pedagogy and psychology of education. 2021. No. 2. pp.9-21. DOI: 10.31862/2500-297X-2021-2-9-21
6. Kodzasov S.V. Studies in the field of Russian prosody / 195 S.V. Kodzasov. – M.: YASK, 2009. – 496 p.
7. Manerko L.A. The science of language: paradigms of linguistic knowledge. Ryazan: Publishing House of S.A. Yesenin Russian State University, 2006 (1). 216 p.
8. Russian Russian intonation: A textbook for foreign students / I.L. Mukhanov. — M.: Russian language. Courses, 2015. — 216 p.
9. Rizzolatti Giacomo, Sinigaglia Corrado Mirrors in the brain: on the mechanisms of joint action and empathy / Translated from English by O. A. Kurakova, M. V. Falikman. — M.: Languages of Slavic Cultures, 2012.
10. Tseplitis L.K., Katlane N.Ya. Theory of public speech. – Riga: Zinatne, 2001. – 117 p.
11. Avery, P. and Ehrlich, S. Spelling and Pronunciation. Teaching American English Pronunciation. Oxford: Oxford University Press, 2008.
12. Dalton, C. and Seidlhofer, B. Pronuciation. Oxford: Oxford University Press, 2008. – 123 p.
13. European Language portfolio: proposals for development Text. Strasbourg: Council of Europe, 2003.

14. Kapatsinski, V., Olejarczuk, P., & Redford, M.A. (2016). Perceptual learning of intonation contour categories in adults and 9-to 11-year-old children: Adults are more narrow-minded. Cognitive Science. DOI:10.1111/cogs.12345
15. Kenworthy, J. Teaching English Pronunciation London: Longman, 1994. – 239 p.
16. Nathan, G. S. (2015). Phonology. In E. Dąbrowska & D. Divjak (eds), Handbook of Cognitive Linguistics (pp. 253–273). Berlin & New York: Mouton de Gruyter.
17. Ormel, E., Knoors, H., Hermans, D., & Verhoeven, L. (2009). The Role of Sign Phonology and Iconicity During Sign Processing: The Case of Deaf Children. Journal of Deaf Studies and Deaf Education, 14(4), 485–502.

УДК 81

Миндрул Ольга Сергеевна
Mindrul Olga Sergeevna

КИНОТЕКСТ КАК ПОЛИКОДОВОЕ И МУЛЬТИМОДАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ: ДИАЛЕКТИКА ВЕРБАЛЬНОГО И НЕВЕРБАЛЬНОГО В КИНОДОКУМЕНТАЛИСТИКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ БРИТАНСКИХ СМИ)

FILM DISCOURSE AS A POLYCODE AND MULTIMODAL PHENOMENON: THE DIALECTICS OF VERBAL AND NON-VERBAL MEANS OF COMMUNICATION IN DOCUMENTARIES (A CASE STUDY OF BRITISH MASS MEDIA)

Аннотация. *Статья посвящена малоизученному вопросу о соотношении вербальных и невербальных средств передачи информации в кинодокументалистике. Актуальность данной темы обусловлена необходимостью раскрытия механизмов создания качественного кинотекста, места объективного и субъективного в отображении событий в информационно-новостном жанре. В качестве материала исследования рассматриваются кинохроники студии British Pathé, репортерская хроника (без закадрового текста) канала The Telegraph, информационно-аналитические документальные фильмы каналов The Telegraph UK, The Economist, а также новостные ТВ передачи каналов Би-Би-Си, Sky News, ITV news. Использование методов контент-анализа и системного лексико-семантического и жанрово-стилистического анализа языковой и речевой составляющей кинотекста в соотнесении с видеорядом позволило определить различные модели связей между ними: прямые, ассоциативные, равно или неравно пропорциональные (когда доминирует один из каналов передачи информации),*

дать представление о видеометафоре как средства передачи сложных абстрактных идей и смыслов, присутствующих в информационно-аналитических документальных лентах. Помимо этого, проведенное исследование позволило более глубоко понять диалектический характер соотношения вербального и невербального в документальном кинотексте, раскрыть механизм воздействия на сознание зрителя, убеждения его в подлинности отражаемых в медиатексте фактов и явлений, влияния на оценку освещаемых событий.

Abstract. *The article examines the dialectics of verbal/non-verbal means of communication in British newsreels and documentary chronicles. The aim of the research is to analyze the interaction and interdependence of the verbal and non-verbal in narrating the events of the day in documentaries or presenting an analytical perspective of life in its complexity in this genre of film discourse. The newsreels from British Pathé archive, analytical documentaries on the channels The Telegraph UK, The Economist as well as the news on the BBC, Sky, ITV channels served as the material for the research. The main method of the research is the content-analysis and a systemic lexical-semantic, stylistic and prosodic analysis of the language of documentaries as either reflecting or conditioning the choice of the footage. The research has shown that there could be singled out different patterns of co-dependence of the verbal and non-verbal means of communication from direct to associative and metaphoric. Within each of the patterns either verbal or nob-verbal means can play a leading role in conveying the message. Disclosing the patterns gives a clue to understanding where the borderline between the objective and subjective lies in presenting the events as well as the way documentaries affect the viewers, moulding public opinion.*

Ключевые слова: *кинотекст, поликодовость, мультимодальность, диалектика вербального/невербального, документальное кино, британские СМИ*

Key words: *film discourse, polycode, multimodality, dialectics of the verbal/non-verbal, documentaries, British mass media*

Введение

Кинодискурс как поликодовое и мультимодальное явление является предметом исследований кинематографистов, кинокритиков, философов, филологов, психологов [Анисимова 1992, 2003; Делёз 2013; Добросклонская 2005, 2016; Духовная 2015; Зайченко 2011; Кубрак, Латынов 2022; Лотман 1998; Ленкова 2018; Нелюбина, 2013; Палванов 2021; Силичев 2014; Слышкин, Ефремова 2004]. Теоретические вопросы взаимодействия различных семиотических систем кино как правило рассматриваются на материале художественных фильмов [Винникова 2009; Зайченко 2013]. Обращение к малоизученному материалу кинодокументалистики, а точнее кинохроник, новостных ТВ хроник, информационно-аналитических фильмов под таким углом зрения определяет новизну исследования. Актуальность исследования обусловлена той ролью, которую документальное кино во всем его многообразии играет в жизни общества: оно несет информацию о событиях и происшествиях, влияя на их восприятие и оценку,

при этом стремясь быть достоверным их отражением. Цель предпринятого исследования состоит в раскрытии диалектического характера взаимодействия различных кодов документального кинотекста, его вербального и невербального ряда, его лингвистических и нелингвистических семиотических систем, тем самым проливая свет на механизмы воздействия на сознание зрителя, на сложное сплетение объективного и субъективного в отражении действительности. Задачи работы, подчиненные достижению цели, включали проведение системного лексико-семантического и жанрово-стилистического анализа языковой и речевой составляющей кинотекста в соотнесении с видеорядом, выявление моделей связей между ними, разработку критериев и системы их описания.

Документальный кинотекст как мультимодальное и поликодовое явление строится на сочетании в едином пространстве семиотически гетерогенных составляющих, представленных текстовым, вербальным, визуальным и звуковым дискурсом. Информация передается в кинотексте как с помощью вербальных, (устная речь, письменный текст) так и невербальных средств 1) видео, фото, графики, рисунки 2) звуко-музыкального ряда (музыка, шумы), которые находятся в сложных взаимоотношениях, не всегда тождественных друг другу в связи с чем возникает вопрос что лежит в основе этих двух составляющих кинодискурса: единство или борьба. Кинотекст не только содержит несколько каналов передачи информации, но и требует нескольких каналов восприятия, в связи с чем вопрос о единстве и борьбе противоположностей вербального и невербального компонентов передачи информации приобретает еще большую сложность.

Одним из вопросов, рассматриваемых при изучении кодов кинодискурса, является вопрос о роли вербальных и невербальных средств, диалектическом характере их отношений для передачи значения, смысла, замысла. Он волновал кинематографистов и вызывал споры еще в 30 гг. прошлого века в период становления звукового кино. «Первые опытные работы со звуком должны быть направлены в сторону его резкого несовпадения со зрительными образами» подчеркивал С. Эйзенштейн [1928], который во главу угла ставил

звукозрительные контрапункты, несовпадение звука и изображения. Дзига Вертов в интервью газете «Кинофронт» в 1930 г. сказал, что «ни для документальных, ни для игровых фильмов вовсе не обязательны ни совпадение, ни несовпадение видимого со слышимым» [Вертов 1966]. Рене Клер в работе «Искусство звука» [1929] не только акцентировал кинематографичность асинхронности звука и изображения в фильме, но одним из первых обратил внимание на перспективу использования шумов и конкретных звуков в кинематографе.

Проблемы синхронности и асинхронности звука, подлинного и фиктивного звуко-зрительного контрапункта, драматургических функций звука и его отсутствия привлекали внимание выдающихся зарубежных практиков и теоретиков кинематографа [Клер 1958; Балаш 1935; 1968; Арнхейм 1960,1974; Кракауэр 1974; Метц 2013]. Теоретиками режиссуры подчеркивалась необходимость доминирования изображения над словом, взаимодополнения текста и визуального ряда, а расхождение текста и изображения отмечалось как недостаток. [Рабигер 1997].[1]

Интерес для изучаемой темы представляют также работы ученых, работавших в области изучения психологии восприятия информации, установивших, что передача информации происходит за счет слов только на 7 %, за счет аудиального компонента (включая тембр, интонацию, скорость речи и т. д.) на 38 %. Невербальная составляющая (жесты, движения, мимика и т. д.) отвечает за 55 % воспринимаемой информации. Приведенные цифры являются основанием для утверждения, что ведущая роль в воздействии на аудиторию принадлежит аудиовизуальным средствам коммуникации [Mehrabian 1971; Birdwhistell 1952, 1971].

[1] «К сожалению, в современном кино и телевизионном …текст не всегда связывается с действием на экране. В результате зритель теряет способность воспринимать и, тем более, осмысливать сообщаемую ему информацию». «Писать текст стоит только после того, как выстроен визуальный ряд. Такая последовательность действий поможет предотвратить доминирование слова над изображением»

Основная часть

Документальный кинотекст как мультимодальное и поликодовое явление строится на сочетании в едином пространстве семиотически гетерогенных составляющих. Поликодовая структура кинотекста складывается из вербального ряда (устная звучащая речь, письменный текст титров, названий) и невербального ряда, представленного визуально-изобразительной составляющей (видео, фото, графики, рисунки), а также звуками, не относящимися к речевой деятельности (музыка, шумы). Восприятие информации при просмотре кино осуществляется по визуальному и аудиальному каналам, что позволяет говорить о полимодальности кинотекста. Вербальное и невербальное в кинотексте находятся в сложных взаимоотношениях, не всегда тождественных друг другу в связи с чем возникает вопрос что лежит в основе этих двух составляющих кинодискурса: единство или борьба.

Единого мнения по поводу роли вербального компонента в общей системе кинодискурса нет. Существует по меньшей мере три оценки характера взаимоотношений вербального и невербального в контексте, в которых ведущая роль отдается либо визуальному [McKee 1997], либо вербальному ряду [Kozloff 2000], либо признается их диалектическое единство. [Лотман 1998]

Образцами медиа кинотекста, в котором аудио и видео каналы связи максимально приближены друг к другу является кинохроника. Кинохроника, в том виде, в котором она существовала до 50 гг. 20 века, строилась по большей части на прямых связях видео и аудио рядов (текст поясняет снятый материал или текст диктует подбор материала) от максимально полного соответствия (равно пропорционального) до частичного (доминирует один канал) и знакового. Это вполне объяснимо тем фактом, что задача кинохроники состоит в том, чтобы быть достоверным и объективным отображением фактов и событий, происходящих в жизни общества в момент их фиксации камерой. Не следует забывать, тем не менее, что и кинохроника не свободна от субъективизма [Беляков 2017; Кракауэр 1974; Грирсон 1967] и даже постановочности, а вопрос о том, как оценивать увиденное с точки зрения объективности и

достоверности всегда актуален, особенно в эпоху распространения фейковых новостей В сегодняшнем мире документальное кино может использоваться как средство манипуляции сознанием людей, когда фейковые новости выдают за действительные.

Для кинохроники, достоверно отражающей реальность, характерны прямые и равно пропорциональные связи вербального и невербального. Видеоряд определяет закадровый текст, кадры хроники первичны по отношению к тексту, они подкрепляют и иллюстрируют друг друга. Видеоряд отражает события в реальном времени, вербальный комментарий передает динамику действия, идентичен картинке, вербальный и невербальный ряды разворачиваются не только синонимично, но и синхронно.

Максимально близки друг другу вербальный и невербальный ряд в хроникально-документальных фильмах студии British Pathé, как например, фильм, посвященный уходу в отставку Сэра Уинстона Черчилля [1]. Фильм, целиком построенный на хронике, показывает два момента: съезд министров на последнее прощальное заседание кабинета министра и съезд гостей накануне на торжественный прием на Даунинг-стрит, устроенный Черчиллем по поводу своего ухода в отставку. В фильме, помимо комментария происходящего, содержится информация о заслугах Черчилля, вскользь даны факты истории его службы на государственных постах, цитируется его знаменитые речи, история его награждения орденом Подвязки, отношения к нему его политических оппонентов и соратников, упоминается имя его преемника. Значительная часть закадрового текста (40%) находится во взаимно-однозначном соответствии с видеорядом (crowds gathered in Downing Street to try to catch a glimpse of…, Sir Anthony Eden was there the cabinet is summoned, colleagues came in to take their farewells, the crowd watches the ministers leave sad-faced, with the characteristic cigar clutched in his hand, the night before he had

[1] Sir Winston Churchill Resigns (1955) https://www.youtube.com/watch?v=m_Uj_o1L-e0&t=111s

been hosted to the Queen and the Duke of Edinburgh at number 10 Downing Street he wears the Sash of the Garter; over 30 guests attended the dinner, many of them colleagues who had served with him in the war; into a well-earned retirement goes this great Englishman). Информация, не имеющая взаимно-однозначного визуального отражения, тем не менее связана тематически с кадрами, которые она сопровождает. Так, кадры, на которых зритель видит Черчилля, сопровождаются текстом, содержащим оценку вклада этого политика (the man would lead us to victory in the war, the man who in 1940 had said that he had nothing to offer but “blood, toil, tears and sweat” has paid his part of the bargain in full; he became only the sixth commoner this century to be so honored King George the sixth had offered it to him in 1945 but he had then asked leave to decline it), что позволяет говорить о максимальной синхронии аудиального и визуального в кинохронике.

То, что мы видим на экране, полностью отражается в тексте, та информация, которая не может быть иллюстрирована видеорядом органично поддерживается музыкой и сверхсегментными средствами фонации диктора, читающего закадровый текст. Закадровый текст идет на фоне мажорной бравурной музыки, а некоторые кадры сопровождаются криками ликующей толпы, с восторгом приветствующей легендарного человека. Вербальное и невербальное равно значимы в таком жанре. Функция невербальных средств в кинохронике, а именно видеоряда – иллюстративность. Функция музыки и сверхсинтактики, а также отбора ракурсов и планов – добавить эмоциональную составляющую, в результате чего симбиоз вербального и невербального информативен и эмоционален.

Во второй половине 20 века, кинохроника уступила место ТВ новостным передачам, которые условно можно приравнять к хроникальному кино, с той разницей, что арсенал вербальных средств пополняет текст, выводимый на экран. В новостных ТВ передачах невербальное и вербальное также чаще всего находится в прямых связях и равно пропорциональных отношениях. Все важные моменты сообщения проиллюстрированы видеорядом. Так, внутрикадровый/закадровый текст о резком повышение цен на нефть в результате нападения на нефтяные объекты в Саудовской

Аравии[1], поддерживается письменным заголовком (Oil prices rise sharply), кадры горящих нефтяных объектов иллюстрируют последствия, а твит Трампа [2] выведен на экран и изложен диктором.

Качественный медиатекст ТВ новостных передач отличает синхронность аудиального (дикторский текст) и визуального (заголовок, текст на экране, видеоряд). Связи вербального и невербального в ТВ новостях - прямые и равно пропорциональные, внутрикадровый и закадровый текст иллюстрируется видеорядом, видеоряд подкрепляет и иллюстрирует текст новостей. Единство вербального и невербального в новостях является маркером качественного медиа текста и создает эффект объективности и достоверности и убедительности передаваемой информации. Так, новостная сводка о последствиях торнадо в штате Кентукки[3] представлена текстом на экране “Tornado aftermath”, кадрами домов, лежащих в руинах, правительственную комиссию во главе с президентом Байденом, осматривающим место катастрофы. Невербальный и вербальный ряды подкрепляют, дополняют и усиливают друг друга.

Между вербальным и невербальным в новостной передаче связи могут быть прямыми, находящимися в соответствии друг с другом, но не равно пропорциональными. В силу наполненности текста информацией, неподдающейся иллюстрации, видеоряд лишь частично отражает вербальную составляющую и работает как знак, соотносимый с описываемыми событиями. Так, информация о погибших и пропавших в результате снегопада и схода снежной лавины в Австрии звучит на фоне видеокадров идущего снега, грузовика,

---

[1] (480) 2019 September 16 BBC One minute World News - YouTube
Oil prices have risen sharply on international markets following Saturday’s attacks on Saudi oil facilities. Prices fell back slightly after President Trump tweeted that he had authorized the release of strategic US oil reserves if needed.

[2] Based on the attack of Saudi Arabia, which may have an impact on oil prices, I have authorized the release of oil from the Strategic Petr. Reserve, if needed , in a to-be-determined amount.

[3]President Biden has announced the U.S. federal government will cover the entire cost of the 30 days of cleanup in the state of Kentucky after Friday’s devastating tornadoes. Mr. Biden described the destruction there is almost beyond belief. (474) 2021 December 16 BBC One minute World News - YouTube

стоящего с зажжёнными фарами и проблесковыми маячками, заснеженных улиц, сугробов, перекрывающих вход в ресторан и дорожных знаков на немецком языке на столбах, которые почти по самый верх занесены снегом. [1] Видео ряд несет не только информационную нагрузку о снегопаде, но и воздействует эмоционально, рисуя масштаб катастрофы.

Прямые, но не равно пропорциональные связи между вербальным и невербальным в новостных передачах возникают и тогда, когда текст комментария, умело обыгрывает кадр, передавая информацию аналитического характера, неподдающуюся иллюстрации, опираясь на метафорическое или идиоматическое употребление слово, чье номинативное значение напрямую отражает изображение.

Когда премьер-министр Великобритании Борис Джонсон ездил по стране, агитируя за скорейший выход из Евросоюза, он встречался, в частности, с фермерами Уэльса, чтобы поддержать их на фоне падения курса национальной валюты. Во время визита были сделаны кадры того, как владельцы хозяйства показывают Борису Джонсону как пакуют яйца, поймали ему курицу, с которой он позировал для фото. Разные новостные каналы обыгрывают кадры с курицей, сопровождая их комментарием, в котором используется слово chicken. Комментатор Sky News, давая оценку решительным действиям Бориса Джонсона, говорит, что “he is not chicken” - он не страшится ничего. Комментатор ITV news, говоря о позиции Бориса Джонсона в вопросе о Брексите, подчеркивает, что по мнению премьер-министра на уступки придется идти Евросоюзу (He insists that in this game of chicken it's up to the EU to move first).[2]

По иным принципам строится соотношение аудиального и визуального в репортерской хронике. В этом жанре документального кино отсутствует закадровый текст, вербальный ряд представлен письменным текстом на экране, невербальный ряд помимо видеокартинки содержит шумы, которые также важны для понимания и оценки зрителем

[1] (475) 2019 January 14 BBC One minute World News (0.22-0.30) - YouTube At least five people have been killed in the Alps this last weekend after a very heavy snow. Three Germans died in an avalanche in Austria, a fourth is still missing.
[2] (481) Boris Johnson issues no-deal warning in game of chicken with EU | ITV News - YouTube

происходящего. Так, репортерская хроника, представленная на канале The Telegraph, осветившая протесты против локдауна в Риме в 2021 году в период пандемии [1] содержит кадры, на которых толпа протестующих вступает в борьбу с полицией, крики людей и шум разорвавшихся взрывных устройств, и текст, поясняющий происходящее и предназначенный для чтения с экрана.

Большую часть времени – 37 секунд из 55 секунд общего времени зритель одновременно читает текст [2], видит происходящее, слышит шум выстрелов. По данным ученых, изучавших особенности зрительного восприятия информации, скорость обработки зрительной информации, в нашем случае, кадров репортерской хроники, в разы быстрее, чем обработка информации, получаемой через письменный текст. Внимание зрителя безусловно по большей части сосредоточено не на тексте, а на кадрах, изображающих протестующих людей в окружении полиции. Эффект достоверности, даже зрительского присутствия на месте событий безусловно создается благодаря описанному приему репортерской хроники без закадрового текста, в сопровождении письменного текста на экране. Можно предположить, что именно невербальное в данном жанре является носителем основной информации и довлеет над вербальным. Отражая фактическую сторону события репортаж несет и эмоциональный заряд, за счет средств невербальной передачи информации: планов, ракурсов, шумов, самого отбора предмета съемки. Хотя цель репортерской съемки – беспристрастное и максимально объективное отражение жизни, подлинная объективность оказывается недостижимой. Зритель считывает эмоциональную информацию, вольно или невольно заложенную репортером в отснятый материал.

---

[1] https://www.youtube.com/watch?v=lQDDZ3ClTwc

[2] Police in Rome blocked protesters from reaching the Italian Parliament as frustration builds among owners over lockdown measures. Protesters want cafés and restaurants to be allowed to reopen. Business owners say the government's financial aid is not enough to compensate their revenue loss. Italian PM Mario Draghi said restrictions would continue unless the situation quickly improves and vaccination increases.

Рассмотренные материалы являются примерами прямых связей, говорящих о единстве вербального и невербального в кинотексте, что создает эффект объективности и достоверности, который так важен в хроникально-документальных фильмах.

Для информационно-аналитического документального фильма, фильма-обозрения, в отличие от хроники, характерны ассоциативные связи видео и аудио рядов: кинокадры монтируются в соответствии с текстом, с которого, безусловно, начинается создание такого фильма, но не отражают его содержание напрямую. В таком виде документального кино текст первичен и диктует выбор видеоряда. В силу понятных причин видеоряд не может быть во взаимно-однозначном соотношении с текстом, содержащим аналитический материал. Отразить на экране, например, рассуждения можно только через видеометафоры. В информационно-аналитических фильмах будут соседствовать части, основанные как на прямом соотношении вербального и невербального, так и основанные на ассоциативных связах, которые создаются с помощью видеометафор, создаваемых на основе ассоциаций с вербальными средствами передачи информации. Так, в фильме-обозрении канала The Telegraph **“**What did Margaret Thatcher do for Britain’s economy**”** [1], посвященном тому, как Маргарет Тэтчер изменила экономику Великобритании, видео ряд лишь частично отражает текст [2]. На экране мы видим Тэтчер, выходящей из автомобиля и приветственно машущей рукой (прямая связь со словами *When Margaret Thatcher was elected Britain’s first female Prime Minister in May 1979)*, сменяющимися видами делового Лондона и банком Barklays, связь которых со словами о продвижении идеи свободного рынка, полном сломе существовавшего экономического порядка, дерегулировании финансового сектора вполне объяснимая, но тем не менее сугубо ассоциативная.

[1] (480) What did Margaret Thatcher do for Britain's economy? - YouTube

[2] When Margaret Thatcher was elected Britain’s first female Prime minister in May 1979, she set about smashing the existing economic order. She introduced free market policies that helped the country throw off its post war malaise and shook up the banking world with a flurry of deregulation making London one of the world’s most important financial centers

Не всегда видеоматериал может усилить или проиллюстрировать авторскую идею, его роль как канала передачи информации в таких случаях минимальна. Происходит ли здесь конфликт вербального и невербального или нет? Так, в упоминавшемся выше фильме о том, как Тэтчер изменила экономику Великобритании есть кадры, которые не содержат никаких зрительных опорных моментов, усиливающих, либо дополняющих вербально передаваемую информацию[1]. Кадры длятся несколько секунд, они идентичны кадрам, показанным несколькими секундами ранее, поэтому воспринимаются как органично с ними связанные, но их задача заполнить временное пространство, давая зрителю возможность сосредоточиться на вербальной составляющей текста.

В информационно-аналитических документальных фильмах видеоряд может добавить или расширить информацию, передаваемую вербальными средствами. Примеры этого можно увидеть в информационно-аналитическом фильме, посвященном анализу массового распространения дистанционного формата работы, плюсов и минусов жизни самозанятых людей, работающих в таком формате[2]. Видеоряд содержит знаки работы на компьютере вне офиса, удаленно, в то же время он несет дополнительную информацию, добавляя и расширяя представление о жизни людей, работающих удаленно. В то время как закадровый текст содержит лишь информацию о том, что людей, работающих удаленно, миллионы, съемка в стиле таймлапс идущих людей создает впечатление стремительного темпа их жизни. Зритель видит на экране людей, сидящих за столиком в кафе за ноутбуком и без него, пьющих кофе, ведущих свободную беседу, слышит голос посетителя кафе, благодарящего за заказ. Такое сочетание аудио и видеорядов

---

[1] Аудио ряд: *But while she ushered in an area of unprecedented growth her legacy on economic issues remains divisive, with some arguing her policies sowed the seeds for the 2008 financial crisis*. Видеоряд: *Темза, деловой центр Лондона*.

[2] (480) The future of work: is your job safe? | The Economist - YouTube

Throughout their travels Justin and Samantha have each been holding down a job. He runs a digital creative agency and she works for a California based start-up. They are a very modern incarnation of a very old idea. They are digital nomads. Today people working remotely around the globe like this number in the millions.

создает образ жизни этой группы людей, дает впечатление свободы выбора, передвижения, отсутствия стресса.

Прямые и ассоциативные связи вербального и невербального в информационно-аналитическом кинотексте не только создают эффект достоверности передаваемой информации, но и несут эмоциональную нагрузку. На ассоциативных связях строятся видеометафоры, являющиеся изобразительными аналогиями. Визуальный ряд оказывается связующим звеном между словом и образом на основе либо физического, либо концептуального сходства. Так, в том же фильме о мире будущего, где рабочие места оказываются под угрозой сокращения, так как людей заменят роботы, его создатели проводят мысль о том, что это будущее тревожно, оно нестабильно, это мир антиутопии, в котором человеку надо быть готовым к непостоянству ситуации на рынке труда и занятости.

В комментарии звучать слова *dystopian jobless future, dystopian vision of a fully automated future appears to have arrived, brave new world, seismic changes, inevitable disruption to working lives, insecurities will persist,* которые сопровождаются кадрами конвейера с пиццей, которую готовят роботы, огромного склада, на котором товары перемещает робототехника. Уличный перекресток, на котором машины и люди двигаются с невероятной скоростью (техника тайлапс), сменяются кадрами замедленной съемки, где люди начинают двигаться неестественно медленно (техника slo-mo), как сломанные заводные игрушки, а потом снова в режиме таймлапс ускоряют свой бег. Фильм завершается кадрами города в ночных сумерках.

Итак, авторы фильма с помощью не только кадров робототехники и людей, но и различными техниками съемки создают образ мира, о котором говорят. Музыкальный фон повествования также играет важную роль в создании нужного эффекта. Она звучит мягким фоном, как бы успокаивая зрителя. Авторы не рассматривают ситуацию как трагичную, говоря, что люди должны научиться по-новому работать, овладевать новыми

навыками для работы с новейшими технологиями, сотрудничая, а не соперничая[1].

Заключение

В результате работы над материалом, стало понятно, что характер связей между видео и аудио рядами в документальном кинодискурсе зависят от того, каков жанр, в котором снят материал и того, что лежит в основе создания кинотекста: отснятый и смонтированный материал, или текст, иллюстрируемый видеоматериалом.

В любом из этих случаев связи могут быть прямыми: текст поясняет и комментирует видеоряд, либо видеоряд иллюстрирует информацию, содержащуюся в тексте. При этом они могут быть равно или неравно пропорциональными (когда доминирует один из каналов передачи информации). В том случае, когда доминирует вербальный ряд, видеоряд, подобранный в полном соответствии с содержанием описываемых событий, может быть ассоциативным и носить характер знака, символа, служить видеометафорой.

Вербальные и медийные компоненты текста тесно взаимосвязаны и могут сочетаться друг с другом на основе самых разных принципов: дополнения, усиления, иллюстрации, выделения, противопоставления и т. д., образуя при этом некую целостность, неразрывное единство, которое и составляет сущность понятия «медиатекст».

В том случае, когда доминирует вербальный ряд, и его содержательное наполнение невозможно полностью проиллюстрировать видеорядом, связи между видео и аудиорядами становятся ассоциативными, подбираются кадры, в соответствии с содержанием новости, но они будут носить характер видеометафоры, знака, символа, соотносимого с информацией, но отражающего ее лишь частично. В таких случаях видеоряд может и расширять информацию,

[1] *We are on a journey to go on finding ways to add automation but it's about teaching people to be more adaptable in terms of their jobs and their skill sets because the future is about the collaboration between humans and these technologies.*

передаваемую вербально, наполняя сообщение образностью и эмоциональностью.

Подводя некоторые итоги, можно сделать вывод о том, что описанное взаимодействие вербальных и невербальных средств передачи информации наделяет хроникальный кинотекст такими отличительными признаками как: актуальность, наглядность, важность, краткость, драматизм, в то время как информационно-аналитическому контексту придают достоверность, эмоциональность, способствуют тому, чтобы информация была представлена во всей своей полноте.

Литература

1. Анисимова Е. Е. Паралингвистика и текст (к проблеме креолизованных и гибридных текстов) / Е. Е. Анисимова // Вопросы языкознания. – 1992. – № 1. – С. 71–79.
2. Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов): Учеб. пособие для студ. фак. иностр. яз. вузов. - М.: Издательский центр «Академия», 2003. — 128 с
3. Арнхейм Р. Кино как искусство. М., 1960.205 с.
4. Арнхейм Р. Искусство и визуальное восприятие. М., Прогресс, 1974, 392 с.
5. Балаш Б. Дух фильмы. — М.: Гослитиздат, 1935 , 205 с.
6. Балаш Б. Кино: Становление и сущность нового искусства. М.: "Прогресс", 1968.143 с.
7. Беляков В.К. — Достоверность и эффект постановочности в исторической кинохронике // Человек и культура. – 2017. – № 6. – С. 42 - 50. DOI: 10.25136/2409-8744.2017.6.21822 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=21822
8. Вертов Дзига. Статьи, дневники, замыслы. — Москва, 1966, 320 с.
9. Винникова Т.А. Особенности поликодовой и полимодальной организации кинотекста (на материале художественного фильма ‘The Queen’) // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. Вып.34. 2009. №27(165). С.9-11
10. Грирсон. Д, Основные принципы документального кино. — В сб. «Правда кино и «киноправда», М., «Искусство», 1967, стр. 307–308.
11. Делёз Ж. Кино. М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2013. 559 с.
12. Добросклонская Т.Г. Медиатекст: теория и методы изучения // Вестник МГУ. – 2005. – № 2. Стр. 28-34
13. Добросклонская Т.Г. Информационная модель как инструмент анализа новостного дискурса. Современная коммуникативистика, 2016, №1. Стр.7-11
14. Духовная Т.В. Структурные составляющие кинодискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. Ч.1. С.64-66.

15. Зайченко С.С. Семиотико-синергетическая интерпретация особенностей организации художественного кинодискурса (на материале англоязычных художественных фильмов исторического жанра): дис. … канд. филол. наук. Челябинск, 2013. 206 с.
16. Зайченко С.С. Некоторые особенности кинодискурса как знаковой системы. Филологические науки. Вопросы теории и практики, Тамбов: Грамота, 2011. № 4. С. 82-86.
17. Клер Рене. Искусство звука. 1929.Журнал «Сеанс» 30 / 07 / 2010
18. https://seance.ru/articles/iskusstvo-zvuka/
19. Клер Р. Размышления о киноискусстве. — М.: Искусство, 1958. 230с.
20. Кракауэр Зигфрид. Природа фильма: Реабилитация физической реальности Москва: Искусство, 1974. 151 с.
21. Т. А. Кубрак, В. В. Латынов. Психология кинодискурса: факторы выбора, восприятие, воздействие, 2022, Когито-Центр. 213 с.
22. Ленкова Т.А. Единство вербальной и невербальной композиции в креализованном медиатексте. Современная коммуникативистика, 2018, №3. Стр.72-76
23. Лотман, Ю. М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики [Текст] / Ю. М. Лотман // Об искусстве: сб. ст. / Ю. М. Лотман. — СПб.: Искусство–СПб, 1998. — С. 297–372.
24. Метц Кристиан. «Воображаемое означающее. Психоанализ и кино» СПб 2013, 334 с.
25. Нелюбина Ю.А. Кинодискурс как объект лингвистического изучения. Челябинский гуманитарий. 2013. № 3. С. 71-73
26. Палванов О. Б. Кинодискурс как поликодовое и мультимодальное образование. Ученые записки Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики. 2021;(3): с. 52-57
27. https://doi.org/10.35854/2541-8106-2021-3-52-57
28. Рабигер Майкл. “Режиссура документального кино” 1997. 85 стр. https://www.4italka.ru/prochee/kino/207503/fulltext.htm
29. Силичев Д.А. Семиотика и проблемы кино в кн. Философия. Язык.Культура. стр 279-290 Москва, Инфра-М, 2014
30. Слышкин Г. Г., Ефремова М. А. Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа). М.: Водолей Publishers, 2004. 153 с
31. Рыжков А.Г. Вербальное и визуальное в кинодискурсе // Когнитивный подход к изучению языковых явлений. Калининград, 2000. С.89-95.
32. С. Эйзенштейн. «Будущее звуковой фильмы. - Заявка» (1928). Избранные произведения в 6 т. Т.2 стр 315-317
33. Birdwhistell, R.L., Kinesies and Context, Allen Lane, London, 1971, 352 p.
34. Birdwhistell, R.L., Introduction to Kinesics, University of Louisville Press, Louisville, Kentucky, 1952, 75 p.
35. Kozloff, S. Overhearing Film Dialogue [Text] / Sarah Kozloff. — Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 2000, 325 p.
36. McKee, R. Story: Substance, Structure, Style and the Principles of Screenwriting [Text] / Robert McKee. — NY: Regan Books; Harper Collins, 1997,206 p.

37. Mehrabian, A., Silent Messages, Wadsworth, Belmont, California, 1971, 160p. Цитируется по Alan Pease. Body language. 1981 https://archive.org/details/BodyLanguageAllanPease

References

1. Anisimova E. E. Paralingvistika i tekst (k probleme kreolizovannyh i gibridnyh tekstov) / E. E. Anisimova // Voprosy jazykoznanija. – 1992. – № 1. – S. 71–79.
2. Anisimova E.E. Lingvistika teksta i mezhkul'turnaja kommunikacija (na materiale kreolizovannyh tekstov): Ucheb. posobie dlja stud. fak. inostr. jaz. vuzov. - M.: Izdatel'skij centr «Akademija», 2003. — 128 s
3. Arnhejm R. Kino kak iskusstvo. M., 1960.
4. Arnhejm R. Iskusstvo i vizual'noe vosprijatie. M., Progress, 1974, 392 s.
5. Balash B. Duh fil'my. — M.: Hudozhestvennaja literatura, 1935 (DOC)
6. Balash B. Kino: Stanovlenie i sushhnost' novogo iskusstva. M.: "Progress", 1968.
7. Beljakov V.K. — Dostovernost' i jeffekt postanovochnosti v istoricheskoj kinohronike // Chelovek i kul'tura. – 2017. – № 6. – S. 42 - 50. DOI: 10.25136/2409-8744.2017.6.21822 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=21822
8. Vertov Dziga. Stat'i, dnevniki, zamysly. — Moskva, 1966, 320 s.
9. Vinnikova T.A. Osobennosti polikodovoj i polimodal'noj organizacii kinoteksta (na materiale hudozhestvennogo fil'ma ‘The Queen’) // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija. Iskusstvovedenie. Vyp.34. 2009. №27(165). S.9-11
10. Grirson. D, Osnovnye principy dokumental'nogo kino. — V sb. «Pravda kino i «kinopravda», M., «Iskusstvo», 1967, str. 307–308.
11. Deljoz Zh. Kino. M.: OOO «Ad Marginem Press», 2013. 559 s.
12. Dobrosklonskaja T.G. Mediatekst: teorija i metody izuchenija // Vestnik MGU. – 2005. – № 2. Str. 28-34
13. Dobrosklonskaja T.G. Informacionnaja model' kak instrument analiza novostnogo diskursa. Sovremennaja kommunikativistika, 2016, №1. Str.7-11
14. Duhovnaja T.V. Strukturnye sostavljajushhie kinodiskursa // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2015. Ch.1. S.64-66.
15. Zajchenko S.S. Semiotiko-sinergeticheskaja interpretacija osobennostej organizacii hudozhestvennogo kinodiskursa (na materiale anglojazychnyh hudozhestvennyh fil'mov istoricheskogo zhanra): dis. … kand. filol. nauk. Cheljabinsk, 2013. 206 s.
16. Zajchenko S.S. Nekotorye osobennosti kinodiskursa kak znakovoj sistemy. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki, Tambov: Gramota, 2011. № 4. S. 82-86.
17. Kler Rene. Iskusstvo zvuka. 1929.Zhurnal «Seans» 30 / 07 / 2010 https://seance.ru/articles/iskusstvo-zvuka/
18. Kler R. Razmyshlenija o kinoiskusstve. — M.: Iskusstvo, 1958, 230s.
19. Krakaujer Zigfrid. Priroda fil'ma: Reabilitacija fizicheskoj real'nosti Moskva: Iskusstvo, 1974. 151 s.
20. T. A. Kubrak, V. V. Latynov. Psihologija kinodiskursa: faktory vybora, vosprijatie, vozdejstvie, 2022, Kogito-Centr. 213 s.

21. Lenkova T.A. Edinstvo verbal'noj i neverbal'noj kompozicii v krealizovannom mediatekste. Sovremennaja kommunikativistika, 2018, №3. Str.72-76
22. Lotman, Ju. M. Semiotika kino i problemy kinojestetiki [Tekst] / Ju. M. Lotman // Ob iskusstve: sb. st. / Ju. M. Lotman. — SPb. : Iskusstvo–SPb, 1998. — S. 297–372.
23. Metc Kristian. «Voobrazhaemoe oznachajushhee. Psihoanaliz i kino» SPb 2013, 334 s.
24. Neljubina Ju.A. Kinodiskurs kak ob#ekt lingvisticheskogo izuchenija. Cheljabinskij gumanitarij. 2013. № 3. S. 71-73
25. Palvanov O. B. Kinodiskurs kak polikodovoe i mul'timodal'noe obrazovanie. Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo universiteta tehnologij upravlenija i jekonomiki. 2021;(3):52-57 https://doi.org/10.35854/2541-8106-2021-3-52-57
26. Rabiger Majkl. “Rezhissura dokumental'nogo kino” 1997. 85 s. https://www.4italka.ru/prochee/kino/207503/fulltext.htm
27. Silichev D.A. Semiotika i problemy kino v kn. Filosofija. Jazyk.Kul'tura. str 279-290 Moskva, Infra-M, 2014
28. Slyshkin G. G., Efremova M. A. Kinotekst (opyt lingvokul'turologicheskogo analiza). M.: Vodolej Publishers, 2004. 153 s
29. Ryzhkov A.G. Verbal'noe i vizual'noe v kinodiskurse // Kognitivnyj podhod k izucheniju jazykovyh javlenij. Kaliningrad, 2000. S.89-95.
30. S. Jejzenshtejn. «Budushhee zvukovoj fil'my. - Zajavka» (1928). Izbrannye proizvedenija v 6 t. T.2 str 315-317
31. Birdwhistell, R.L., Kinesies and Context, Allen Lane, London, 1971, 352 p.
32. Birdwhistell, R.L., Introduction to Kinesics, University of Louisville Press, Louisville, Kentucky, 1952,75 p.
33. Kozloff, S. Overhearing Film Dialogue [Text] / Sarah Kozloff. — Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 2000. 325 p.
34. McKee, R. Story: Substance, Structure, Style and the Principles of Screenwriting [Text] / Robert McKee. — NY: Regan Books; Harper Collins, 1997, 206 p.
35. Mehrabian, A., Silent Messages, Wadsworth, Belmont, California, 1971, 160 p. Citiruetsja po Alan Pease. Body language. 1981 https://archive.org/details/BodyLanguageAllanPease

УДК 81`42

Попугаева Мария Витальевна
Maria Popugaeva

КАТЕГОРИЯ ЦВЕТА В КОНТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ АНГЛИЙСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)

THE CATEGORY OF COLOUR IN CONTEXT (BASED ON FICTION IN ENGLISH)

Аннотация. *Работа посвящена исследованию значений прилагательных цвета английского языка в контексте. Материалом исследования послужили 13 произведений художественной литературы на английском языке. В работе рассматриваются прилагательные red, blue, green, black, brown, white, yellow, pale, dark, grey. Изучаются прямые и переносные значения прилагательных цвета английского языка. Исследуется актуализация их значений (ассоциативно-контекстуальных, окказиональных, потенциальных) в зависимости от контекста. Также в статье исследуется способность одних и тех же прилагательных цвета передавать как положительную, так и отрицательную оценку в различном контексте. В результате проведенного исследования удалось определить, что: 1) в основе цветового словообразования лежат цветовые прилагательные и данная часть речи считается ядром, формирующим и создающим другие части речи, входящие в поле цветообозначений; 2) прилагательные цвета входят в лексическую парадигму именования цвета в качестве ядра адъективной деривационной перспективы; 3) древность и своеобразие прилагательных цвета способствует тому, что в их структуре взаимодействуют как прямые, так и переносные значения, которые образуются в результате метафорического и метонимического употребления, а также широко развитых ассоциативных связей; 4) в контексте, конкретно отнесенном к определенному текстовому элементу, цветовые прилагательные могут иметь три группы значений: ассоциативно-контекстуальные, потенциальные и окказиональные; 5) актуализация положительного и отрицательного признака одного и того же цветообозначения зависит от контекста, включающего лексико-семантические, синтаксические, морфологические и фонетические факторы.*

Abstract. *The work is devoted to the study of meanings of English colour adjectives in context. The research material is 13 works of fiction in English. The paper studies the following adjectives: red, blue, green, black, brown, white, yellow, pale, dark, grey. Direct and figurative meanings of colour adjectives in the English language are studied. The actualisation of their meanings (associative-contextual, occasional, potential) in context is investigated. The article also explores the ability of the same colour adjectives to convey both positive and negative evaluation in different contexts. As a result of the conducted research, it was possible to determine that: 1) colour word formation is based on colour adjectives and this part of speech is considered to be the core forming and creating other parts of speech that are included in the field of colour meanings; 2) colour adjectives are included in the lexical paradigm of naming colours as the core of an adjectival derivational perspective; 3) deep roots and originality of colour adjectives contributes to the fact that both direct and figurative meanings interact in their structure, which are formed as a result of metaphorical and metonymic use, as well as*

associations; 4) in a context specifically related to a certain textual element, colour adjectives can have three groups of meanings: associative-contextual, potential and occasional; 5) the actualisation of a positive or a negative valuation by the same colour depends on the context, including lexico-semantic, syntactic, morphological and phonetic factors..

Ключевые слова: *прилагательные цвета, значение, контекст, английская художественная литература*

Key words: *colour adjectives, meaning, context, English fiction*

Введение

Культурная значимость цветовой категории отражается в лексике языка, особенно в языке художественной литературы, в котором цветопись является одним из стилистических средств писателя. Благодаря способности цветовой лексики отображать и улавливать явления действительности, она стала неотъемлемой частью художественного произведения, его колорита. **Актуальность** данного исследования обусловлена тем, что словесный цветовой символ, передающий элементы характерологии литературного образа, при всей важности своего художественно-семантического статуса, до сих пор недостаточно детально изучен средствами современной лингвистики. **Цель** исследования состоит в рассмотрении языкового спектра цветообозначений в английском языке и исследовании реализации цветовой категории в контексте. **Научная новизна** настоящей исследования состоит, прежде всего, в том, что в нем произведено комплексное описание семантики и функций цветообозначающей лексики в контексте.

Цветовые прилагательные участвуют в словообразовании и являются ядром, вокруг которого группируются другие части речи, или, точнее, тем исходным началом, которое формирует и создает другие части речи, входящие в поле цветообозначений [Айзбалт 1969]. Каждое цветовое прилагательное имеет свою словообразовательную парадигму, которой присуща неодинаковая протяженность и различная морфемная наполненность моделей, входящих в нее [Жирмунская 1982: 22]. Возможные словообразовательные парадигмы цветообозначений «отображаются на значительном числе слов языка в виде формального четырехступенчатого ряда» [Блох 2000: 75]. Блох М.Я. называет парадигматический ряд, объединяющий знаменательные лексические классы, «лексической парадигмой именования (номинации)» [Блох 2000: 76]. С учетом логики

рационального упорядочивания элементов воспринимаемой действительности «от предмета к признаку» автор предлагает следующий порядок следования классов в перечислении: «существительное – глагол – прилагательное – наречие». Вместе с тем, фактической исходной формой деривации в рамках различных выявлений общей парадигматической схемы именования, с точки зрения Блоха М.Я., может служить слово любого класса [Блох 2000: 76]. В данном конкретном случае речь идет об адъективной деривационной перспективе, поскольку именно прилагательное формирует и создает другие части речи, входящие в поле цветообозначений. Например, black – blackness – to blacken – blackly.

Согласно М.Я. Блоху, «отображение лексической парадигмы именования цвета также может широко опосредоваться супплетивным восполнением, как лексематическим, так и фразематическим» [Блох 2000: 77]. Супплетивизм представляется возможным отнести к безаффиксальному способу словопроизводства, так как «грамматическое значение в этом случае выражается посредством противопоставления разных корней в единой парадигме» [Колецкая 1973, цитата по Блох 2000: 84]. Например, blue – the colour of the sky – the colour of the sea / ocean; camel-coloured – the colour of the camel; mouse-coloured – the colour of the mouse; milky – the colour of milk; marigold-coloured – the colour of marigold; olive-coloured – the colour of olive; cream-coloured – the colour of cream и так далее.

Таким образом, вслед за М.Я. Блохом, мы подчеркиваем важность роли супплетивизма, «поскольку он является одним из существенных факторов открытости знаменательной части лексикона, что обеспечивает универсальность и подвижность именных функций языка» [Блох 2000: 77].

Основная часть

1. Прямые и переносные значения прилагательных цвета в английском языке.

Считается, что прилагательные цвета принадлежат к наиболее древнему пласту лексики во многих языках. Древность и своеобразие данного лексического слоя цветообозначений

объясняет то, что эти слова выделяются среди других своей символикой, которая имеет как интернациональные черты, так и сугубо национальную специфику, что находит свое отражение в лексико-семантической структуре слова и в словообразовательных моделях. Символика цветовых прилагательных способствует тому, что в их структуре взаимодействуют как прямые (основные), так и переносные (второстепенные) значения, которые образуются в результате метафорического и метонимического употребления, широко развитых ассоциативных связей, но связь с абсолютным значением в этом случае остается в пределах полисемии [Маслова-Лашанская 1972: 91-92].

В первом случае употребление цвета в его прямом значении называет лишь цветовой признак предмета. Макеенко И.В. полагает, что использование цветообозначения в абсолютном (основном) значении и в сочетании с существительным «служит основой для образования терминологического выражения: white bear, black currant, red fish… Подобного рода терминологические единства чаще всего являются ботаническими и зоологическими терминами» [Макеенко 1999: 76].

Переносные значения, как правило, употребляются в различные рода устойчивых фразеологических словосочетаниях, где модификация значения происходит как бы на фоне основного «цветового» [Брагина 1972: 80-81]. При этом, согласно И.В. Макеенко «переход цветового значения в нецветовое, обусловленный экствралингвистическими факторами, отражает возможность объединения и взаимодействия разных групп лексики в структурно-семантическом плане» [Макеенко 1999: 76].

Так, синий и голубой в английском языке обозначают одним словом blue. Психологически этот цвет относят к “холодным” цветам. Это цвета неба, символ верности, ясности, надежности, спокойного размышления для обдумывания действий (“A gentle Madonna in blue smiled down on him» [Meyers Neues Lexikon 1980: 485]), цвет лица во время сильного гнева, болезни. Отсюда следует появление различных переносных

выражений. В английском языке существует следующий синонимичный ряд с участием blue:

1) значение «быть в плохом настроении, угрюмым» – to be in a blue mood, to feel blue;

2) «пуританский» – blue law;

3) “непристойный, неприличный” – a blue joke (непристойная шутка), blue language (нечестивый, богохульный язык);

4) “интеллектуальный”, “педантичный” – blue-stocking – синий чулок;

5) «сильный, чрезвычайный» – blue bear, blue funk (страх);

6) «пьяный».

Самое древнее прилагательное в германских языках и наиболее распространенное в индоевропейских языках – «красный». *Красный цвет* – символ энергии, любви, красоты, молодости. Между тем, это цвет крови, восходящего солнца. В английском языке красный – в символическом значении цвета – сигнал опасности. Многочисленные оттенки переносных значений связаны с его основным цветовым значением. Этот цвет характеризует не только внешность, но и внутреннее состояние. Ассоциация с красным цветом крови лежит в основе употребления данного прилагательного в значении «кровавый» как в прямом, так и переносном смысле (*Mr. Bounderby was so* ***red*** *and angry that he seemed ready to burst*[1]). Также красный достаточно часто может восприниматься как революционный. Это цветовое значение ведет ко времени Французской революции.

Зеленый цвет считается цветом надежды, юности, оптимизма. Этот цвет часто используется в поэзии в своем основном значении в описании весенней природы, поскольку зеленый цвет – это, прежде всего, цвет листвы, лугов, свежей травы и цветущих растений. Ассоциации с зеленью, молодой листвой положили начало ряду переносных нецветовых значений. Согласно исследованию И.В. Макеенко, в переносном значении в коллокациях английского языка зеленый характеризует молодость и неопытность, (green fish – свежая

[1] *Dickens Ch.* Hard Times. – Longman, 1984. – P. 5.

рыба, green years – молодые годы, to be terribly green – быть неопытным, green hand – новичок, green old age – бодрая старость, to keep the bones green – сохранить хорошее здоровье). Цветообозначение «зеленый» встречается в английском языке как в положительном (green winter – белоснежная мягкая зима, green way – приятная широкая дорога), так и в отрицательном второстепенном значении (green labour – низко оплачиваемая работа) [Макеенко 1999].

В переносном значении желтый зачастую употребляется в порицательных выражениях. В основном значении *желтый* цвет – это цвет осени, пшеницы, солнца. В символике желтый ассоциируется с лицемерием, изменой, завистью. Например, yellow press – желтая пресса.

В коллокациях и фразеологизмах английского языка наиболее часто можно увидеть основные цвета: black, white, grey, red, green, blue. Brown встречается в составе фразеологических единств достаточно редко. Коричневый цвет – цвет смирения. Второстепенные значения – мрачный (in a brown study), обманывать (to do brown). Использование коричневого цвета германскими фашистами (форма войск партийного руководства и гитлерюгенд была коричневой) способствовало тому, что у данного цвета появилось дополнительное значение – «фашистский».

2. Актуализация значений цветовых прилагательных в контексте

Система символических значений цвета каждого языка находит выражение в контексте, различных способах обозначения цвета, в форме самого цветового термина как в фольклоре, так и в художественной литературе. В ходе развития языка количество цветообозначений увеличивается. В английском языке цветовой словарь пополняется, главным образом, за счет словосложений и заимствований (продукты питания, природные вещества, плоды, цвета, растения, минералы, металлы), поскольку прилагательные цвета легко формируют новые значения и расширяют старые. Лексико-семантическая структура исходных цветовых прилагательных обнаруживает склонность данных прилагательных к

многозначности их лексико-семантической структуры [Жирмунская 1982: 109]. В контексте цветовые прилагательные в основном свободно сочетаются с любыми словами по причине своей лингвистической общности, обнаруживая единство в принципах организации своих смысловых объемов, общие типы значений, определенную иерархию между ними, идентичность характера связей [Устинова 1985: 166]. Прилагательные цвета имеют разветвленную смысловую структуру, обнаруживают размытость между значениями, что создает возможность для реализации нескольких значений одновременно. В контексте, конкретно отнесенном к определенному текстовому элементу, цветовые прилагательные могут иметь три группы значений: ассоциативно-контекстуальные, потенциальные и окказиональные [Устинова 1985: 167]. На материале английских художественных текстов рассмотрим актуализацию вышеназванных значений у цветовых прилагательных.

2.1. Ассоциативно-контекстуальные значения

Ассоциативно-контекстуальные значения возникают на основе скрытых, глубинных потенций слова и составляют слабый импликационал значения. Эти значения выявляются благодаря различным контекстуальным условиям: неожиданной сочетаемости, употреблению в одном синтагматическом ряду синонимичных и оценочных слов, контактным и дистантным повторам.

Например:

*So his rather prominent **pale** eyes had a queer look, furtive, and yet a little cruel, so cold and at the same time, almost impudent. It was a very odd look, this look of impudence as if he were triumphing over life inspite of life*[1].

В анализируемом отрывке эпитеты queer, furtive, cruel, impudent, odd характеризуют героя отрывка как человека жестокого, холодного, дерзкого и расчетливого. Автор дважды использует в портретно-описательной характеристике лексему impudent. Тем самым Лоренс эксплицитно передает свое негативное отношение к этому мужчине: человек не имеет право ставить себя выше самой жизни, так как жизнь дается только

[1] *Lawrence D.H.* Lady Chatterley's Lover. – Penguin Books, 1997. – 91

Богом. У цветообозначения pale выявляется отрицательное ассоциативно-контекстуальное значение в результате соответствующей интерпретации ассоциаций, связанных с семантикой вышеперечисленных лексем. Таким образом, pale ассоциативно-контекстуально передает возмущение (негодование), дерзость.

Westbourne Grove looked as she had always imagined Venice to look at night, mysterious, dark, even the handsoms were like gondolas dodging up and down, and the lights trailing luridly – tongues of flame licking the wet street – magic fish swimming in the Grand Canal[1].

В описании ночной Венеции Кэтрин Мэнсфилд использует эмоцинальные лексемы mysterious, dark, handsoms, luridly, magic, lights. Их семантика передает восторженное, ликующее настроение героя от увиденного великолепия города. Цветообозначение dark при положительном ассоциативно-контекстуальном значении восторга (ликования, упоения, торжества) в данном контексте несет в себе новую импликацию – окказиональное значение, передающее таинственность, загадочность города. Данная коннотация актуализируется благодаря семантике рядом стоящих лексем mysterious, magic.

2.2. Окказиональные значения

Окказиональные значения возникают благодаря способности цветовых восприятий и ассоциаций носить индивидуальный, субъективный характер, что ведет к неожиданности новых концептов. В таких случаях коды передатчика и реципиента не всегда будут совпадать и для выявления значения авторского окказионализма необходима опора на широкий контекст, учет возможного максимума контекстуальных связей [Устинова 1985].

Например:

*His face was **red**, fierce and cherubic, with one **dark** tuft under the lower lip.\\ This infantile visage was with an effect theatrical and even Mephistophelean*[2].

---

[1] *Mansfield K.* The Tiredness of Rosabel. Something Childish, The Collected Short Stories. – Penguin Books, 1984. – P. 515.

[2] *Chesterton G.K.* The Innocence of Father Brown. – Penguin Books, 1936. – P. 26.

Отрывок представлен двумя диктемами. В первой передается следующая фактуально-интеллективная информация – лицо одного из героев стало красным от ярости и злобы. Однако прилагательное red само по себе не характеризует, не называет эмоциональное состояние героя, а лишь семантика рядом стоящего прилагательного fierce наделяет прилагательное red отрицательным ассоциативно-контекстуальным значением – яростный, злой. Актуализация данного признака у цветообозначения red произошла в контексте под влиянием лексико-семантического окружения вышеуказанного цветового прилагательного. В первой диктеме автором также делается акцент на такой детали внешности героя как его темная бородка. Во второй диктеме фактуально-интеллективная информация состоит в следующем – невинное выражение лица этого человека создает эффект лживости. Комплекс собранных тематических и стилистических характеристик передает следующую эмотивно-импрессивную информацию – образ данного героя противоречив: несмотря на испытываемое им состояние ярости и злости, выражение его лица, тем не менее, невинное, ангелоподобное. Темная бородка рождает эффект театральности, фальши и даже дьявольщины в его внешности. Имеено акцент на этой детали внешности образа создает такое впечатление. Следовательно, у прилагательного dark появляется окказиональное значение, которое возникло исключительно благодаря субъективности и индивидуальности цветовых восприятий и ассоциаций. Для выявления окказионального значения цветового прилагательного необходима опора на «вертикальный» контекст. В данном конкретном случае именно анализ вертикального контекста фразы visage with an effect Mephistophelean способствует актуализации у прилагательного dark отрицательного окказионального значения – фальшивый, искусственный.

2.3. Потенциальные значения

Потенциальные значения у прилагательных цвета возникают в результате актуализации очевидных потенций, заложенных в семантике прилагательного и входящих в содержание значения как жесткий и сильный импликационал.

Например:

Paul hated his father so.\\ The colliers small, mean head, with its ***black*** *hair slightly soiled with* ***grey,*** *lay on the bare arms. And the face,* ***dirty*** *and inflamed, with a flashy nose and thin, paltry brows, was turned side ways, asleep with beer and weariness and nasty temper.\\ If anyone entered suddenly, or a noise were made, the man looked up and shouted:*

\\ "I'll lay my first about they had, I'm tellin thee, it tha doesne stop that clatter! Dost hear?"[1].

В отрывке, состоящем из четырех диктем, Лоренс описывает чувства Пола по отношению к своему отцу – Paul hated his father, где hate – ключевое слово всего диктемно-текстового фрагмента. Сын, когда смотрит на своего отца, видит лишь его черные, слегка седые волосы, и грязное лицо. Его отец вечно пьян и агрессивен: при малейшем шуме тот быстро выходит из себя и сильно бранится. Последние две диктемы, изобилующие вульгаризмами – реплики отца Пола. В портретную характеристику этого героя Лоренс включает лексемы black, dirty, nasty, где black используется в своем потенциальном значении, передающим возмущение (негодование), гнев (злобу), ярость.

Таким образом, анализ комбинаторных приращений прилагательных цвета в контексте выявляет, что они способны приобретать новые значения за счет выявления потенциальных (явных и скрытых) и окказиональных сем.

3. Выражение прилагательными цвета положительной и отрицательной оценки

По данным Collins Concise Dictionary [Glasgow 2001] прилагательные цвета способны выражать как положительную, так и отрицательную оценку, что свидетельствует об их семантической мобильности, широких смысловых границах и больших экспрессивных возможностях, позволяющих производить с их помощью и положительную, и отрицательную оценку. Например, green употребляется с отрицательной коннотацией в значениях «inexperienced», «jealous», но не исключается и применение с положительной оценкой в значении

[1] *Lawrence D.H.* Sons and Lovers. – London and Glasgow, 1953. – P. 76

“flourishing”; прилагательное blue обладает способностью положительной (blue blood) и отрицательной (blue talk) оценки. Для прилагательных black, brown, yellow в упомянутом словаре зафиксирована лишь отрицательная коннотация.

Рассмотрим реализацию положительного и отрицательного признака одного и того же прилагательного. В качестве объекта исследования используются цветообозначения red и grey.

В одном из рассказов Кэтрин Мэнсфилд ярко-красная гвоздика, принесенная героиней, символизирует нежность, радость. Здесь окказиональное значение цветового прилагательного red передает наслаждение (благодушие), радость, восторг девушки.

She brought a carnation to the French class, a deep, deep ***red*** *one, that looked as though it had been dipped in wine and left in the dark to dry.\\ She held it on the desk before her, half shut her eyes and smiled*[1].

Представленные ниже примеры демонстрируют актуализацию отрицательных коннотативных значений прилагательного red.

Присутствующие женщины некрасивы, их взгляд безликий, лишь притворная стыдливость немного оживляет их. Лексемы hideous, dull, lank, little, shocked, prudery своей семантикой способствуют актуализации у цветообозначения red негативного признака, передающего неприязнь (отвращение), отчужденность (холодность).

I looked round at the other women.\\ Yes, they were hideous, lying back, ***red*** *and moist, with dull eyes and lank hair, the only little energy they had vented in shocked prudery at the behaiviour of the two blondes stem*[2].

В следующем отрывке эмоциональные ключевые лексемы vaguely, wild, disorder наделяют цветообозначения white и red негативным ассоциативно-контекстуальным значением,

---

[1] *Mansfield K.* Carnation. Something Childish, The Collected Short Stories. – Penguin Books, 1984. – P. 653.
[2] *Mansfield K.* Bain Turcs. Something Childish, The Collected Short Stories. – Penguin Books, 1984. – P. 593.

характеризующим атмосферу неприятного волнения, сильного беспокойства.

When the girls filed into the form room, marching demurely, they saw her standing vaguely beside the blackboard, ***white****-faced,* ***red****-eyed, her hair in wild disorder*[1].

Далее проанализируем примеры использования цветообозначения grey с отрицательным и положительным коннотативным признаком.

Например:

She is like St. Anne.\\ Yes, the concierge is the image of St. Anne, with that ***black*** *cloth over her head, the wisps of* ***grey*** *hair hanging, and the tiny smoking lamp in her hand*[2].

Указывая на сходство героини отрывка со святой Анной, Кэтрин Мэнсфилд выделяет некоторые детали, объясняющие данное сходство: черное покрывало на голове, свисающие пряди седых волос и крошечное кадило в руке. Данные характеристики – St. Anne, black cloth, tiny smoking lamp – наделяют анализируемый образ качествами, которые, как правило, присутствуют у человека, приближенного к Богу. Фактуально-интеллективная информация двух диктем способствует актуализации у цветообозначений black и grey положительного окказионального значения удовлетворения (успокоения). Вследствие этого раскрывается образ спокойной, мудрой женщины.

He thought of the unknown Clara with hatred.\\ Susan's ***grey*** *eyes rested on him maternally. She guessed his disappointment*[3].

В первой диктеме нового диктемно-текстового комплекса автор повествует о том, что мысли героя о Кларе сопряжены с чувством ненависти. Во второй диктеме взгляд другой героини, Сьюзан, наоборот, успокаивает его, и наш герой чувствует материнскую заботу и понимание. Цветообозначение grey в данном случае специфицирует удовлетворение (успокоение).

Отрывки, представленные ниже, демонстрируют актуализацию отрицательного коннотативного признака у

---

[1] *Holtby W.* South Riding. – Collins Fontana Books, 1974. – P. 326.
[2] *Mansfield K.* An Indiscreet Jorney. Something Childish, The Collected Short Stories. – Penguin Books, 1984. – P. 617.
[3] *Wilson A.* A Bit Off the Map. England Versus England. – Москва: Рольф, 2001. – P. 266.

цветообозначения grey. В первом случае grey находится в окружении лексем mud, kick и способствует передаче гнева (злобы), ярости, озабоченности.

When I came to it it was just kicking Cash loose from his holt on the saddle.\\ His face turned up a second when he was sliding back into the water. It was ***grey****, with his eyes closed and a long swipe of mud across his face*[1] (W. Faulkner, As I Lay Dying, 123).

Во втором случае grey специфицирует разочарование, сожаление героя от осознания собственной ошибки в когда-то близком ему человеке, его бывшей возлюбленной: серо-зеленый цвет глаз девушки вместо ожидаемых темно-голубых выдает ее похоть. Автор сравнивает глаза героини с глазами кошки в пасмурный день. Глазами, в которых нет жизни. Это пугает молодого человека. Цветообозначения dark blue, green, grey в данном контексте передают его разочарование, сожаление.

I was sitting on the armchair and she stood very close. She had never been as close to me before.\\ I had thought her eyes were ***dark blue****, but now I saw they were* ***green*** *and* ***grey****, with a moist lascivious haze in them and yet dead and clock-like, like a cat's on a sunless day*[2].

Заключение

Проведенный анализ примеров, взятых из произведений английской художественной прозы, позволяет сделать следующие выводы:

1. В основе цветового словообразования лежат цветовые прилагательные. Данная часть речи считается ядром, формирующим и создающим другие части речи, входящие в поле цветообозначений.
2. Прилагательные цвета входят в лексическую парадигму именования цвета в качестве ядра адъективной деривационной перспективы.
3. Древность и своеобразие прилагательных цвета способствует тому, что в их структуре взаимодействуют как прямые, так и переносные значения, которые образуются в результате

---

1 Faulkner W. As I Lay Dying. – Penguin Books, 1978. – P. 123.

[2] *Pritchett V.S.* The Sailor. England Versus England. – Москва: Рольф, 2001. – P. 110.

метафорического и метонимического употребления, а также широко развитых ассоциативных связей.

4. В контексте, конкретно отнесенном к определенному текстовому элементу, цветовые прилагательные могут иметь три группы значений: ассоциативно-контекстуальные, потенциальные и окказиональные.
5. Цветообозначающая лексика сама по себе не передает определенный характерологический признак литературного образа, но принимает активное участие в его создании. Актуализация положительного и отрицательного признака одного и того же цветообозначения зависит от контекста, включающего лексико-семантические, синтаксические, морфологические и фонетические факторы. Таким образом, цветовая лексика является мощным средством, действующим непременно в условиях контекста.

Литература

1. Айзбалт Е.Н. Структурно-семантический анализ некоторых прилагательных современного немецкого языка: автореф. диссер…канд. филол. наук. – Рига, 1969. – 22 с.
2. Блох М.Я., Кашурникова Л.Д. Эмоциогенный аспект текста (Средства выражения эмоциональности в тексте): Методические материалы. – Горький, 1985. – 51 с.
3. Блох М.Я. Теоретические основы грамматики. – М.: Высш. шк., 2000. – 160 с.
4. Блох М.Я. Диктема в уровневой структуре языка // Вопросы языкознания. – 2000. – №4. – С. 56-67.
5. Брагина А.А. Цветовые определения» и формировании новых значений слов и словосочетаний // Лексикология и лексикография. – М., 1972. – С. 73-104.
6. Жирмунская М.Л. Словообразовательные потенции прилагательных в современных германских языках: диссер…канд. филол. наук. – М., 1982.
7. Конецкая В.П. Супплетивизм в германских языках. – М.: Наука, 1973. – 182 с.
8. Макеенко И.В. Семантика цвета (универсальное и функциональное) в разноструктурных языках // Филологические этюды. Вып.1. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1998. – С. 171-174.
9. Макеенко И.В. Семантика цвета в разноструктурных языках (универсальное и национальное): дисс… канд. филол. наук. – Саратов, 1999. – 259 с.
10. Маслова-Лашанская С.С. Лексикология шведского языка. – Москва, 1972. – 206 с.

11. Устинова И.П. Контекст как средство выявления общности прилагательных цвета // Вопросы английской контекстологии – Л.: Изд-во ЛГУ – Вып. 2 – 1985. – С. 166-171.
12. Collins Concise Dictionary. – 21st Century Edition. – Glasgow. – 2001. – 1767.p.

Цитируемые источники

1. Chesterton, G.K. Father Brown Stories. – Penguin Books, 1936.
2. Dickens, Ch. Hard Times. – Longman, 1984.
3. Faulkner, W. As I Lay Dying. – Penguin Books, 1978.
4. Farbensymbolik // In Meyers Neues Lexikon. Basel: Birkhäuser, 1980.
5. Holtby, W. South Riding. – Collins Fontana Books, 1974.
6. Lawrence, D.H. Sons and Lovers. – London and Glasgow, 1953.
7. Lawrence D.H. Lady Chatterley's Lover. – Penguin Books, 1997.
8. Mansfield, K. Bains Turcs. The Collected Short Stories. – Penguin Books, 1984.
9. Mansfield, K. An Indiscreet Journey. The Collected Short Stories. – Penguin Books, 1984.
10. Mansfield, K. Carnation. The Collected Short Stories. – Penguin Books, 1984.
11. Mansfield, K. The Tiredness of Rosabel. The Collected Short Stories. – Penguin Books, 1984.
12. Pritchett, V.S. The Sailor. England Versus England. – Москва: Рольф, 2001.
13. Wilson, A. A Bit Off the Map. England Versus England. – Москва: Рольф, 2001.

References

1. Ayzbalt E.N. Strukturno-semanticheskiy analiz nekotorykh prilagatel'nykh sovremennogo nemetskogo yazyka: avtoref. disser…kand. filol. nauk. [Structural and semantic analysis of some adjectives of the modern German language: dissertation synopsis] – Riga, 1969. – 22 p. (in Russian).
2. Blokh M.Ya., Kashurnikova L.D. Emotsiogennyy aspekt teksta (Sredstva vyrazheniya emotsional'nosti v tekste): Metodicheskie materialy. [Emotionogenic aspect of the text (Means of expressing emotionality in the text): Methodological materials.] – Gor'kiy, 1985. – 51 p. (in Russian).
3. Blokh M.Ya. Teoreticheskie osnovy grammatiki. [Theoretical foundations of grammar.] – M.: Vyssh. shk., 2000. – 160 p. (in Russian).
4. Blokh M.Ya. Diktema v urovnevoy strukture yazyka [Dictema in the level structure of language] // Voprosy yazykoznaniya. – 2000. – №4. – P. 56-67. (in Russian).
5. Bragina A.A. Tsvetovye opredeleniya» i formirovanii novykh znacheniy slov i slovosochetaniy [Colour definitions" and the formation of new meanings of words and phrases] // Leksikologiya i leksikografiya. – M., 1972. – P. 73-104. (in Russian).
6. Zhirmunskaya M.L. Slovoobrazovatel'nye potentsii prilagatel'nykh v sovremennykh germanskikh yazykakh: disser…kand. filol. nauk. [The word-forming potencies of adjectives in modern Germanic languages: dissertation] – M., 1982. (in Russian).

7. Konetskaya V.P. Suppletivizm v germanskikh yazykakh. [Suppletivism in Germanic languages] – M.: Nauka, 1973. – 182 p. (in Russian).
8. Makeenko I.V. Semantika tsveta (universal'noe i funktsional'noe) v raznostrukturnykh yazykakh [Semantics of color (universal and functional) in differently structured languages] // Filologicheskie etyudy. Vyp.1. – Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 1998. – P. 171-174. (in Russian).
9. Makeenko I.V. Semantika tsveta v raznostrukturnykh yazykakh (universal'noe i natsional'noe): diss… kand. filol. nauk. [Semantics of colour in different structural languages (universal and national): dissertation]– Saratov, 1999. – 259 p. (in Russian).
10. Maslova-Lashanskaya S.S. Leksikologiya shvedskogo yazyka. [Lexicology of the Swedish language] – Moskva, 1972. – 206 p. (in Russian).
11. Ustinova I.P. Kontekst kak sredstvo vyyavleniya obshchnosti prilagatel'nykh tsveta [Context as a means of revealing the commonality of adjectives of colour] // Voprosy angliyskoy kontekstologii – L.: Izd-vo LGU – Vyp. 2 – 1985. – P. 166-171. (in Russian).
12. Collins Concise Dictionary. – 21st Century Edition. – Glasgow. – 2001. – 1767.p.

Cited sources

1. Chesterton, G.K. Father Brown Stories. – Penguin Books, 1936.
2. Dickens, Ch. Hard Times. – Longman, 1984.
3. Faulkner, W. As I Lay Dying. – Penguin Books, 1978.
4. Farbensymbolik // In Meyers Neues Lexikon. Basel: Birkhäuser, 1980.
5. Holtby, W. South Riding. – Collins Fontana Books, 1974.
6. Lawrence, D.H. Sons and Lovers. – London and Glasgow, 1953.
7. Lawrence D.H. Lady Chatterley’s Lover. – Penguin Books, 1997.
8. Mansfield, K. Bains Turcs. The Collected Short Stories. – Penguin Books, 1984.
9. Mansfield, K. An Indiscreet Journey. The Collected Short Stories. – Penguin Books, 1984.
10. Mansfield, K. Carnation. The Collected Short Stories. – Penguin Books, 1984.
11. Mansfield, K. The Tiredness of Rosabel. The Collected Short Stories. – Penguin Books, 1984.
12. Pritchett, V.S. The Sailor. England Versus England. – Moscow: Rolf, 2001.
13. Wilson, A. A Bit Off the Map. England Versus England. – Moscow: Rolf, 2001.

УДК 81’33

Сергиенко Полина Игоревна
Polina Sergienko

ПОЛИФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ ГРАММАТИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ТЕКСТАХ АНГЛОЯЗЫЧНОГО PR-ДИСКУРСА

POLYFUNCTIONAL GRAMMAR UNITS IN ENGLISH PR DISCOURSE TEXTS

Аннотация. *Данная статья представляет результаты проведенного анализа по выявлению роли полифункциональных грамматических единиц в англоязычном дискурсе по связям с общественностью (PR-дискурсе). Возможности соединения достижений функциональной лингвистики и дискурсивных исследований в области экспликации взаимозависимости ментальных процессов и языкового выражения создают условия комплексного подхода к исследовательскому материалу. Актуальность исследования состоит в необходимости всестороннего исследования PR-дискурса, играющего определяющую роль в жизни социума. Новизна представленной работы заключается в том, что впервые исследуются грамматические особенности проявления полифункциональных единиц в текстах означенного дискурса. Задаваясь мыслью донести информацию до массового адресата, повлиять на мнение аудитории, побудить к определенному действию, авторы PR-текстов стремятся наиболее удачным образом использовать разные способы донесения информации. Изучение особенностей функционирования английского языка на грамматическом уровне способствует раскрытию теоретических основ использования языка в профессиональной сфере. Настоящая работа ставит цель выявить закономерности функционирования отдельных грамматических явлений в англоязычном PR-дискурсе с особым вниманием к роли, выполняемой в грамматическом и семантическом планах полифункциональными единицами. В результате проведенного анализа было установлено, что реализация языковых средств полифункционального характера в текстах PR-дискурса имеет определенные особенности и соответствуют требованиям, предъявляемым ко всем единицам языка в суггестивных текстах, раскрывает особенности англосаксонского мышления и возможности использования потенциала английского языка для направленной коммуникации с массовой аудиторией с целью оказания воздействия на адресата. Результаты исследования вносят вклад в развитие функциональной лингвистики, дискурсологии, а также в теоретическое изучение лингвистической составляющей деятельности специалистов по связям с общественностью. Практическая значимость работы заключается в возможности использовать результаты исследования в преподавании курса грамматики английского языка, теории и практики межкультурной коммуникации, а также в комплексной подготовке специалистов области PR.*

Abstract. *This article presents the results of the analysis carried out to identify the role of polyfunctional grammatical units in English public relations discourse (PR discourse). Combining the achievements of functional linguistics and discursive research in the field of identifying the interdependence of mental processes and linguistic expression allows it for the*

complex integral approach to research material. The relevance of the study is explained by the crucial role of PR communications for the present day society. The novelty of the research stems from the attempt to study the representation of the polyfunctional grammatical units in the public relations discourse. Copywriters strive to use different ways of conveying information to achieve maximum efficiency. The study of the English language at the grammatical level contributes to the disclosure of the theoretical foundations of the use of the language for special purposes. The objective of the research is to identify the specific role played by polyfunctional language units within grammatical and semantic fields. The results of the analysis allow to reveal certain features of various Grammar tools including polyfunctional units, which are widely used in the texts of PR discourse disclosing the potential of the English language use for PR ends. The findings contribute to the development of functional linguistics, discursive studies, as well as to the theoretical study of the linguistic field of the activities of public relations specialists. The practical significance of the work lies in the possibility of using the results of the research in teaching English grammar, theory and practice of intercultural communication, as well as in the comprehensive training of PR specialists.

Ключевые слова: *полифункциональные единицы, грамматика, английский язык, связи с общественностью, PR дискурс*

Key words: *polyfunctional units, Grammar, English, public relations, PR discourse*

Введение

Традиционный подход в рамках функциональной лингвистики к грамматическим единицам языка вызывает особый интерес исследователей, поскольку дает основания предположить существование неразрывной связи между способами лингвистического выражения мысли и особенностями мышления представителей англоязычного социума.

Полифункциональность единиц языка, во многом основанную на принадлежности тех или иный единиц к определенным частям речи, следует изучать в неразрывной связке с грамматической коллигацией, определяемой как «морфо-синтаксически обусловленную сочетаемость слов в речи» [Ахманова 1966: 199], и лексической коллокацией с другими единицами с целью их полноценного изучения в реальном функционировании в языке и речи [Гвишиани 2019: 7]. Данному вопросу в отечественной лингвистике посвящено большое количество трудов, рассматривающих полифункциональность многих категорий слова (например, работы А.С, Ахмановой, А.И. Смирницкого, О. Есперсена, Н.Ю. Гвишиани, С.Г. Тер-Минасовой, О.Д. Вишняковой и др.). Следует отметить, что исследователи указывают на тот факт, что лексико-фразеологическая сочетаемость лингвистических единиц (коллокация) и грамматическая увязка (коллигация)

находятся в непрерывном взаимодействии, оказывая друг на друга одновременное влияние.

Общепринятая система выделения частей речи в языке восходит к работам древнегреческого ученого Аристотеля, который предложил классификацию на четыре группы слов: имя, глагол, местоимение и союз. В дальнейшем индоевропейские языки получают импульс развития, что приводит к характерным особенностям в каждом языке. В английском языке в XV веке были выделены уже девять частей речи, включающих помимо упомянутых частей речи также прилагательное, причастие, числительное, наречие и артикль. При изучении грамматических категорий особое внимание следует также уделять разработанной А.И. Смирницким системе синтаксических связей и содержания [Смирницкий 1957]. Отмечается, что в исследовании полифункциональных единиц особое внимание уделяется морфосинтаксическим особенностям выбранных для анализа языковых средств, поскольку они обладают комплексом характеристик, указывающих на особенности функционирования языкового знака. Изучая полифункциональные части речи, исследователи отмечают эвристический потенциал означенных единиц, функционирующих в англоязычном дискурсе, реализующих номинативную, коммуникативно-прагматическую, контактоустанавливающую, экспрессивную, когнитивную и другие функции языка [Вишнякова и др. 2019].

Говоря о степени изученности выбранного материала исследования, отметим работы в области исследования общественного дискурса с особым вниманием к персуазивному компоненту рекламных текстов [Милякова 2021], военно-политического дискурса [Сидорова, Котлова 2021], а также к знаковым единицам синтаксических конструкций в интернет коммуникации [Юдина, Полидовец, 2021] и лингводидактическому потенциалу PR-дискурса [Minyar-Beloroucheva et al. 2020]. Занимаясь актуальными вопросами функционирования современного английского языка, исследователи подвергают анализу языковую, концептуальную и когнитивную составляющую рассматриваемого материала.

Постановка проблемы

Рассмотрение текстов PR-дискурса является актуальным направлением исследования, поскольку раскрывает особенности функционирования английского языка на современном этапе. Учитывая настроения в обществе, экономическую и политическую ситуацию, авторы PR-сообщений обращаются к массовой аудитории, используя наиболее эффективные языковые средства для выполнения профессиональных задач. Наряду с использованием лексических выразительных средств и особой терминологии [Сергиенко 2021], тексты дискурса по связям с общественностью обладают также собственными грамматическими характеристиками. Всестороннее изучение персуазивных по своей сути текстов дает возможность установить взаимосвязь между ходом мышления и языковым выражением. Функционирование выбранных для анализа пресс-релизов в глобальной сети Интернет подразумевает особые свойства и характеристики подобной массовой коммуникации, учитывающей лингвистические особенности английского языка, а также паралингвистические характеристики Интернет-дискурса [Ахренова 2017], оказывающего влияние на все разнообразие языков и культур [Ter-Minasova 2019].

Результаты исследования

О некоторых грамматических особенностях пресс-релизов

Первое, на что обращает внимание исследователь при изучении PR-текстов на предмет функционирования грамматических категорий, оказывается особое отношение авторов сообщений к использованию глагольных форм. Тематическая увязка выбранных пресс-релизов для анализа отражает единство современного социального императива - заботиться об окружающей среде и выработать ответственное потребление природных ресурсов.

Обратимся к материалу. В пресс-релизах компании Procter and Gamble с точки зрения грамматического использования глагольных форм предпочтение отдается настоящему времени, преимущественно в продолженном

аспекте: *We are encouraged, we have seen, are joining forces, Americans are looking for more ways to save energy:*
Tide and WWF are collaborating on new research to uncover insights on behavioral tipping points -- specifically, the importance of physical cues at the point of consumer action in the laundry room.
The climate crisis is already affecting all of us[1].

В рассмотренных текстах можно проследить цикличные фразы, посвященные общей теме, пересказывающие друг друга конструкции, семантические повторы. Более того, в грамматических конструкциях также наблюдается структурная и композиционная повторяемость. Предложение начинается с использованием глагольной формы Present Continuous (We are joining the forces, the crisis is affecting us), далее следует инфинитив цели - to uncover insights on behavioral tipping points, to encourage a new eco-habit in response to survey data, грамматически подчеркивая ситуацию в настоящее время и необходимость ответственных действий.

Другое часто употребляемое глагольное время - Present Perfect - показывает долговременные усилия и продолжающуюся кампанию:
Tide has led the charge to switch to cold water washing for more than 20 years.
We have seen how the accumulation of small acts can lead to big impact[2].

Усилия по сохранению окружающей среды предпринимаются со стороны компании и ответственных потребителей, однако результат будет виден и показателен в будущем, для передачи чего также используются формы настоящего простого (Present Simple) и настоящего совершенного времени (Present Perfect):
We're very encouraged by the adoption we've seen thus far, but we also recognize that the urgency of climate change requires us to do more, faster[3].

---

[1] P&G News releases [Электронный ресурс] URL: https://news.pg.com/news-releases/news-details/2022/Tide-and-World-Wildlife-Fund-Join-Forces-to-Encourage-Next-Impactful-Eco-Habit-Washing-in-Cold/default.aspx (дата обращения 4.05.2021)
[2] Там же
[3] Там же

Примечательно то, что авторы пресс-релизов стараются избегать использования отрицательных конструкций в грамматическом плане, за исключением случаев, когда имеется ввиду необходимость начать действовать, руководствуюсь информацией в PR- сообщении:

…but don't always know where to start…

…and we don't have time to lose..

Отметим также, что несмотря на изобилие присутствующих слов на -ing в рассмотренном материале, использование отрицания данных грамматических форм не наблюдается.

Об особенностях реализации полифункциональных единиц в PR-текстах

Исследователи отмечают высокий уровень продуктивности многих грамматических суффиксов в полифункциональных единицах языка. Так, слова -able в английском языке, с одной стороны, являются традиционно прилагательными в, а с другой - выполняют роль своеобразных модальных причастий со значением возможности осуществления действия [Вишнякова 2013; Смирницкий 1957: 246-247]. Рассмотренный материал показывает, что подобные единицы в функции глагольных словоформ, довольно широко представлены в текстах PR-дискурса, поскольку имеют способность подвижно варьировать обобщенное, категориальное, а также индивидуально лексическое значение [Гвишиани 2019], что обеспечивает возможность предоставления информации наиболее эффективным способом, ее быструю передачу адресату, верную интерпретацию с учетом использования соответствующих лексических единиц.

Полифункциональные формы, изученные в лингвистической литературе, слова на -ly, --able, -ing раскрывают скрытый потенциал использования данных единиц в англоязычном дискурсе. Слова на -able, обозначающие прилагательные, обладающие признаком или качеством, а также несущими в себе модальное значение используются в рассматриваемых нами пресс-релизах: *sustainable* (X2), в составе наречия *sustainably, considerable*, в следующих выражениях: *drive*

sustainable consumer behavior change, to drive more sustainable consumer behavior, have considerable positive impact for the planet.

Полифункциональные единицы на -ly, как известно, образуют в текстах наречия, и реже прилагательные. Та же тенденция наблюдается при анализе современных пресс-релизов известных международных компаний. К лингвистическим единицам, использующим наречия на -ly в рассмотренных PR-текстах, относятся: *broadly, consciously, roughly, increasingly, nearly, yearly, currently, likely, specifically, continually, sustainably, broadly, equally, rapidly, specifically, environmentally,* а также прилагательное *friendly*. Примечательно, что на 27 случаев использования слов на -ly только одно является прилагательным, а остальные выполняют функции наречия.

Семантически использованные полифункциональные лингвистические единицы на -ly в рассматриваемых текстах можно распределить на группы:

- отражающие частотность действия или темпоральные характеристики: currently, continually;
- имеющие приблизительный характер: nearly, broadly, yearly;
- указывающие на вероятность действия или наличие качества: likely, equally;
- подчеркивающие важность действия: specifically, rapidly, consciously;
- относящиеся к определенному предмету: environmentally, sustainably.

Эмоциональный компонент лексического значения высказываний в рамках использования грамматический сочетаний наречий на -ly исключает автоматические транспозиции, поскольку является глубоко продуманным на лексическом уровне и структурно-грамматически оформленным произведением речи, характерным для англоязычного социума.

Полифункциональные слова на -ing в PR-текстах: функционально-прагматические характеристики

Полифункциональные слова на -ing предлагают еще более обширный иллюстративный материал на выбранных для анализа текстах, поскольку образованные от глагола, эти языковые единицы обладают целым рядом свойств, раскрывающихся на современном англоязычном материале. Рассмотрение различных синтаксических ролей выбранных единиц способствует изучению особенностей мышления носителей английского языка, а также выявляет особенности функционирования полифункциональных единиц на -ing (герундия, причастия, части сложной глагольной формы, союза) в суггестивных текстах PR-дискурса.

В следующих примерах слова на -ing выступают в роли подлежащего:

Washing in cold saves up to 90% of the energy in every wash cycle and can save Americans up to $150 a year.

Put another way, switching one load from hot to cold saves enough electricity to power the average American home for over an hour[1].

Подлежащее, представленное в форме герундия представляет действие в динамике и несет в себе определенную стилистическую отмеченность. Ту же функцию выполняют и усеченные грамматические конструкции в подзаголовках:

Working to Speed Behavior Change.

Thanks to years of research and development, washing on cold with Tide helps the planet, saves energy and saves money, while still delivering the same great clean[2].

Также отметим, что отглагольные формы используются в начале предложения для усиления значения и придания большего акцента высказыванию. Грамматически и семантически важным в подобных PR-материалах оказываются парентетические внесения в виде цитатной речи специалистов - сотрудников компании или внешних независимых экспертов. Передавая определенные экспрессивные и эмотивные характеристики, подобные внесения нелинейного характера изложения материала также используют слова на -ing:

---

[1] P&G News releases [Электронный ресурс] URL: https://news.pg.com/news-releases/news-details/2021/Tide-and-the-NFL-Inspire-Fans-to-Make-a-Positive-Impact-and-TurnToCold/default.aspx (дата обращения 4.05.2021)

[2] Там же

Advancing cold water adoption is our single greatest opportunity as a brand to drive positive impact for our planet, given that over two-thirds of the impact of laundry comes from the energy required to heat water in the wash cycle," said Martin Hettich, SVP, North American Fabric Care at Procter & Gamble.[1]

Употребленная грамматическая форма на -ing (advancing) в начале предложения перетягивает фокус внимания на себя, поскольку акцент в тема-рематическом членении предложения в английском языке падает именно на его начальную часть, оказывая непосредственное влияние на распределение синтаксических ролей в предложении. Грамматико-акцентные характеристики в данном случае служат цели концентрации внимания на начале высказывания, суммирующем основную мысль предложения, а также более длинных отрезков текста (СФЕ) и всего пресс-релиза в целом. Важным для рассмотренного материала оказывается особенность использования подобных конструкций для обозначения незавершенности действия, выраженного глагольными формами на -ing.

Другие примеры использования слов на -ing являются субстантивированные единицы в роли дополнения: …*to limit the warming of the planet to 1.5 degrees by 2030.*

Исследовательский материал на предмет функционирования продуктивного суффикса -ing в отглагольных единицах языка выявляет большое количество форм, выполняющих препозитивную атрибутивную функцию: *energy-saving eco-habit, behavioral tipping points, to make a meaningful impact toward climate change, part of a series of overarching environmental ambitions.* Следует отметить, что с точки зрения рассмотрения образованных словосочетаний с позиции категорий и параметров, разработанной специалистами в области английского языкознания [Гвишиани, Тер-Минасова 1975], приведенные примеры обладают категорией клишированности и социолингвистической обусловленности [Тер-Минасова 2019]. Такие единицы как *meaningful impact, overarching ambitions* также

[1] P&G News releases [Электронный ресурс] URL: https://news.pg.com/news-releases/news-details/2022/Tide-and-World-Wildlife-Fund-Join-Forces-to-Encourage-Next-Impactful-Eco-Habit-Washing-in-Cold/default.aspx (дата обращения 4.05.2021)

являются коннотативно окрашенными и отражают современную мировую повестку, о которой идет речь в пресс-релизах компании. Тиражирование подобных словосочетаний говорит об их высокой клишированности в текстах суггестивного характера, поскольку отражают необходимость придерживаться определенной линии поведения.

Анализ лексических единиц на -ing не будет полным, если не рассмотреть использование их в роли причастия настоящего времени (Participle I):

Tide estimates that decade of Americans washing the majority (3 in 4) of their loads in cold would save enough electricity to power all of New York City and San Francisco for over a year[1].

Подобные конструкции дополняют высказывание новыми сведениями, подтверждающими правоту ключевых смыслов. Подобная роль отведена также таким синтаксическим единицам предложения, как независимые обороты с -ing формами: …*while still delivering the same great clean; with 6 out of 7 Americans saying they consciously make an effort to turn off the lights when not in use.*

Следующие примеры представляют использование слов на -ing в качестве союза:

According to P&G survey…

According to a survey by Tide and WWF…

Высокая частотность и продуктивность использования слов на -ing подтверждается наличием предложений с многократным употреблением подобных слов с разным грамматическим и лексическим значением:

This puts Tide roughly a quarter of the way to its 2030 cold water ambition in the first year, thanks in large part to multiple, broad-reaching brand marketing campaigns touting the benefits of cold water in the last twelve months[2].

В приведенном предложении представленные слова на -ing, выполняющие разные синтаксические функции, включающие препозитивные атрибутивные единицы, субстантивированные единицы в роли дополнения, часть составного глагольного сказуемого в форме настоящего

[1] Там же

[2] Там же

продолженного времени, служат общей цели информирования общества и привлечения внимания к обсуждаемой проблеме. Схожесть в использовании именных и глагольных форм на -ing позволяет говорить об идентичности функций, которые данные единицы выполняют в текстах дискурса по связям с общественностью.

В целом следует отметить, что рассмотренный материал англоязычных текстов PR дискурса раскрывает ряд семантических и грамматических характеристик использования разнообразных средств лингвистического выражения мысли. Настоящее исследование подтверждает высокий уровень продуктивности многих грамматических суффиксов в полифункциональных единицах языка. Многогранность функций, эвристический потенциал и разнообразие лексических значений использованных полифункциональных лингвистических единиц служат средствами эффективного представления информации в рамках текстов по связям с общественностью. Семантические, грамматико-акцентные характеристики, а также эмоциональный компонент лексического значения являются продуманными и целенаправленными в системе оформления суггестивного англоязычного произведения.

Отметим также, что рассмотрение синтаксических характеристик и семантического потенциала полифункциональных единиц английского языка указывает на особенности реализации конкретных грамматических единиц в текстах общественного дискурса, а также раскрывает особенности мышления представителей англо-саксонского общества.

Заключение

Предпринятая попытка анализа PR-текстов отражает реальную картину функционирования грамматических средств в современном английском языке, раскрывая семантическую и синтаксическую реализацию потенциала английского языка в текстах, предназначенных для массовой аудитории. Изучение ключевых характеристик функционирования английского языка через призму грамматики способствует раскрытию

теоретических основ использования языка для специальных целей.

Проведенный анализ подтверждает необходимость использовать коллигацию и коллокацию полифункциональных форм в неразрывном единстве. Выбранный материал для анализа позволяет утверждать, что рассмотренные процессы на уровне английской грамматики отражают современное состояние развития языка и устанавливаю связь с мышлением представителей англосаксонского менталитета. Грамматические возможности английского языка в преломлении к языку специалистов по связям с общественностью позволяют использовать весь потенциал английского языка для целей эффективной коммуникации и оказания определенного воздействия на получателя информации. Изучение полифункциональных, семантически ёмких единиц в текстах английского языка раскрывает особенности структурирования дискурсивного пространства и предложения наиболее оптимального подхода к коммуникации.

Результаты проведенного исследования на материале текстов PR-дискурса позволяют сделать вывод о том, реализация языковых средств полифункционального характера встраивается в лингвистическую систему английского языка и подчиняется целям и задачам суггестивных произведений, осуществляющих направленную коммуникацию с массовой аудиторией. Перспективным представляется дальнейшее изучение грамматических, синтаксических и лексических средств осуществления воздействия в суггестивных текстах направленной коммуникации для раскрытия специфики функционирования подобных текстов и выявления особенностей мышления представителей англоязычного социума.

Литература

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энциклопедия, 1966. 607 с.
2. Ахренова Н.А. Введение в интернет-лингвистику. М.: Издательский дом «Международные отношения», 2017 -183 с.
3. Вишнякова О.Д. Существует ли «модальное причастие» в английском языке? / Вестник Московского университета. Сер. 19 Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013 № 3 С. 124-135.

4. Вишнякова, О.Д., Вишнякова, Е.А., Доброрадных Т.А Актуализация языкового потенциала как способ решения эвристических задач в англоязычном дискурсе СМИ/ Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики. 2019. № 3 (27). С. 21-31.
5. Гвишиани Н.Б., Тер-Минасова С.Г. К вопросу об эвристике словосочетаний. Вестник МГУ. Филология № 6. 1975.
6. Гвишиани Н.Б. Полифункциональные слова в языке и речи. М.: ЛЕНАНД, 2019. 200 с.
7. Милякова В.В. Особенности реализации персуазивных техник в дискурсе рекламных объявлений в Инстаграм/ Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики. 2021. Т. 36, № 4. С. 133–146.
8. Сидорова Н.А., Котлова А.С. Персуазивный компонент военно-политического дискурса/ Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики. 2021. Т. 36, № 4. С. 120–132.
9. Сергиенко П.И. Отражение семантических заимствований в терминологии PR/ Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики. 2021. Т. 34, № 2. С. 94–105.
10. Смирницкий А.И. Синтаксис английского языка. М., 1957.
11. Тер-Минасова С.Г. Синтагматика речи: онтология и эвристика: Общая и английская синтагматика составных номинативных групп/ С.Г. Тер-Минасова. М.: URSS, 2019. 200 с.
12. Юдина Н.В., Полидовец Н.И. Знаковые языковые единицы в синтаксических конструкциях интернет-коммуникации/ Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики. 2021. Т. 36, № 4. С. 147–165.
13. Minyar-Beloroucheva A.P., Sergienko P.I., Vishnyakova E.A., Vishnyakova O.D. New linguiodidactic challenges in teaching professionally oriented English as referred to PR-education/ European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. 2020. Vol. 97, no. TILT. DOI: 10.15405/epsbs.2020.12.02.72
14. Ter-Minasova S.G. National languages and cultures in the Globalizing world: The English Language and Culture in Russian/ Ученые записки национального общества прикладной лингвистики. М. 2019. N4 (28). С.93-101

References

1. Ahmanova O.S. Slovar' lingvisticheskih terminov. M.: Sov. jenciklopedija, 1966. 607 p.
2. Ahrenova N.A. Vvedenie v internet-lingvistiku. M.: «Mezhdunarodnye otnoshenija», 2017. 183 p.
3. Vishnjakova O.D. Sushhestvuet li «modal'noe prichastie» v anglijskom jazyke? / Moscow State University Bulletin. Ser. 19. Linguistics and intercultural communication. 2013 № 3 p. 124-135.
4. Vishnjakova, O.D., Vishnjakova, E.A., Dobroradnyh T.A Aktualizacija jazykovogo potenciala kak sposob reshenija jevristicheskih zadach v anglojazychnom diskurse SMI/ Uchenye zapiski Nacional'nogo obshhestva prikladnoj lingvistiki. 2019. № 3 (27). p. 21-31.

5. Gvishiani N.B., Ter-Minasova S.G. K voprosu ob jevristike slovosochetanij. Vestnik MGU. Filologija №6. 1975.
6. Gvishiani N.B. Polifunkcional'nye slova v jazyke i rechi. M.: LENAND, 2019. 200 p.
7. Miljakova V.V. Osobennosti realizacii persuazivnyh tehnik v diskurse reklamnyh ob'javlenij v Instagram/ Uchenye zapiski Nacional'nogo obshhestva prikladnoj lingvistiki. 2021. V. 36, No. 4. p. 133–146.
8. Sidorova N.A., Kotlova A.S. Persuazivnyj komponent voenno-politicheskogo diskursa/ Uchenye zapiski Nacional'nogo obshhestva prikladnoj lingvistiki. 2021. V. 36, № 4. p. 120–132.
9. Sergienko P. I. Otrazhenie semanticheskih zaimstvovanij v terminologii PR/ Uchenye zapiski Nacional'nogo obshhestva prikladnoj lingvistiki. 2021. V. 34, No. 2. P. 94–105.
10. Smirnickij A.I. Sintaksis anglijskogo jazyka. M., 1957.
11. Ter-Minasova S.G. Sintagmatika rechi: ontologija i jevristika: Obshhaja i anglijskaja sintagmatika sostavnyh nominativnyh grupp. M.: URSS, 2019. 200 p.
12. Yudina N.V., Polidovec N.I. Znakovye jazykovye edinicy v sintaksicheskih konstrukcijah internet-kommunikacii/ Uchenye zapiski Nacional'nogo obshhestva prikladnoj lingvistiki. 2021. V. 36, № 4. p. 147–165.
13. Minyar-Beloroucheva A.P., Sergienko P.I., Vishnyakova E.A., Vishnyakova O.D. New linguiodidactic challenges in teaching professionally oriented English as referred to PR-education/ European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. 2020. Vol. 97, no. TILT. DOI: 10.15405/epsbs.2020.12.02.72
14. Ter-Minasova S.G. National languages and cultures in the Globalizing world: The English Language and Culture in Russian/ Uchenye zapiski Nacional'nogo obshhestva prikladnoj lingvistiki. M. 2019. N4 (28). P.93-101.

СПИСОК АВТОРОВ

Жирова Ирина Григорьевна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой переводоведения и когнитивной лингвистики, Институт лингвистики и межкультурной коммуникации, Московский государственный областной университет

E-mail: zhirova557@yandex.ru

Епифанцева Наталия Глебовна – доктор филологических наук, профессор кафедры переводоведения и когнитивной лингвистики, Институт лингвистики и межкультурной коммуникации, Московский государственный областной университет

E-mail: ng.epifantseva@mgou.ru

Карпова Ольга Михайловна – доктор филологических наук, профессор, руководитель Научно-образовательного центра «Соврменная российская и европейская лексикограифя», Ивановский государственный университет

E-mail: olga.m.karpova@mail.ru

Кузнецова Татьяна Яковлевна – lоктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков и русского языка как иностранного Северного государственного медицинского университета, г. Архангельск

E-mail: tk409866@gmail.com

Лебедева Анна Александровна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой иностранных языков Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

E-mail: lebsuch@yandex.ru

Маник Светлана Андреевна – доктор филологических наук, доцент, Директор Института гуманитарных наук, Ивановский государственный университет

E-mail: maniksa@ivanovo.ac.ru

Миндрул Ольга Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории преподавания иностранных языков факультета иностранных языков и регионоведения, Московский государственный университет им М. В. Ломоносова
E-mail: olgamindrul@mail.ru

Миньяр-Белоручева Алла Петровна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.
E-mail: ostvera@mail.ru

Новикова Марина Геннадьевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков Российского государственного университета правосудия
E-mail: Novikova_mg@mail.ru

Попугаева Мария Витальевна – заместитель руководителя Школы иностранных языков Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
E-mail: pvmarya@yandex.ru , popugaevamaria@mail.ru

Сергиенко Полина Игоревна – кандидат филологических наук, преподаватель, кафедра английского языка для гуманитарных факультетов, Факультет иностранных языков и регионоведения, МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: poserg@bk.ru

Халикулова Карина Владимировна - преподаватель кафедры зарубежной филологии, Ивановский государственный университет
E-mail: maniksa@ivanovo.ac.ru

Хассан Али Уссейни – аспирант кафедры переводоведения и когнитивной лингвистики, Институт лингвистики и межкультурной коммуникации, Московский государственный областной университет
E-mail: ng.epifantseva@mgou.ru

Уважаемые коллеги!

Национальное общество прикладной лингвистики (НОПриЛ) сообщает о начале приема статей для следующего номера научно-исследовательского журнала «Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики (НОПриЛ)».

В журнале публикуются статьи, рецензии и библиографические обзоры, информация о конференциях, семинарах и круглых столах по следующей тематике:

1. Теория и практика преподавания языков на всех уровнях
2. Устный и письменный перевод
3. Лексикография
4. Терминоведение и терминография
5. Социолингвистика
6. Психолингвистика
7. Язык средств массовой информации
8. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация
9. Стилистика и анализ дискурса
10. Информационно-коммуникационные технологии в прикладной лингвистике
11. Языковая ситуация в различных регионах мира.

О журнале

Научный журнал «Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики (НОПриЛ)» освещает результаты исследований в разных областях гуманитарного знания, связанных с изучением языка в его прикладных аспектах и на широком фоне культурной, социальной, политической жизни народов, на нем говорящих, т.е. «мира изучаемого языка», без знания которого невозможно ни международное, ни межкультурное общение.

Издание зарегистрировано в **Международном центре ISSN,** входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ). Печатная версия журнала зарегистрирована в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзоре), Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-52630 от 25 января 2013 года.

Каждый из выпусков журнала направляется в Российскую книжную палату, которая осуществляет рассылку журнала «Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики (НОПриЛ)» в Российскую государственную библиотеку и другие ведущие библиотеки, образовательные и научные учреждения Российской Федерации.

Качество публикуемых статей контролируется редколлегией, в состав которой входят ведущие ученые, возглавляющие научные секции Национального общества прикладной лингвистики. Редакционная коллегия оставляет за собой право отклонить заявку на публикацию по результатам отзывов рецензентов.

Авторы несут ответственность за точность и достоверность содержащихся в их материалах сведений научного и энциклопедического характера.

Поступившие в редакцию материалы возврату не подлежат.

По всем вопросам, касающимся публикации статей в журнале «Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики», просьба обращаться на электронный адрес редакционной коллегии журнала limw.editor@gmail.

Требования к оформлению статьи

По всем вопросам, касающимся публикации статей в журнале «**Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики**», просьба обращаться на электронный адрес редакционной коллегии журнала limw.editor@gmail.com.

Все статьи, поступающие в редакцию, должны быть оформлены строго в соответствии с требованиями. Статьи, оформление которых не соответствует предъявляемым требованиям, рассматриваться не будут.

Статья должна быть оформлена в соответствии с изложенными ниже требованиями и содержать указанные ниже пункты:

1. **УДК** Просьба указать развернутый шифр УДК статьи.
2. **Объем статьи**

Средний рекомендуемый объем статьи — 0,5 п.л. (что соответствует 12 страницам текста в 1,5 интервала при шрифте 14 Times New Roman), но допустима и меньшая, и большая длина с

учетом информативности текста. Редакционный совет оставляет за собой право делать сокращения в статье (по согласованию с автором) или рекомендовать автору расширить статью.

3. Название статьи

Название статьи отражает предмет и тему статьи, основную цель (вопрос), поставленную автором для раскрытия темы.

4. Аннотация

Статья сопровождается аннотацией (примерно 200-250 слов) на русском и английском языках. Аннотация должна быть **структурирована:** давать представление об исследовании, актуальности, новизне, цели, материалах и методах, результатах, выводах.

Англоязычная версия аннотации представляет собой резюме статьи (Aim, Matherials and Methods, Results, Conclusions), и также включает 200-250 слов.

5. Список ключевых слов

Необходимо указать ключевые слова - 5-6, способствующих индексированию статьи в поисковых системах. Ключевые слова должны попарно соответствовать на русском и английском языке.

6. Содержание статьи

Статья должна быть структурирована (Введение, постановка проблемы, Основная часть, Заключение)

Введение – постановка рассматриваемого вопроса, актуальность, краткий обзор научной литературы по теме, четкая постановка цели работы.

Основная часть статьи должна быть разбита на пронумерованные разделы, имеющие содержательные названия. Возможны подразделы. Она должна содержать описание материала и методов исследования, описание проведенного анализа и полученные результаты.

Заключение – основные выводы исследования.

7. Оформление ссылок в тексте

Ссылки на источники в тексте с указанием фамилии автора, года издания и цитируемой страницы заключаются в квадратные скобки [Иванов 1990: 25; Петров 2001; см. также: Сидоров 2002; 2003 и др.].

8. Литература/ References

Список использованной литературы дается в алфавитном порядке, начиная с русскоязычных работ. В списке литературы

ссылки на русскоязычные источники оформляются в соответствии с ГОСТ Р. 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка». В нем обязательно указывается год и место издания, издательство и общее количество страниц источника (для статей, напр.: С. 23-35; для монографий, напр.: — 256 с.)

Если источник имеет DOI, он указывается в конце ссылки

Ссылки на интернет-источники размещаются с полным указанием электронного адреса [Игнатенко URL: http://www.ec-dejavu.net/f/Fraud_Islam.html]. Автор несет ответственность за точность приводимых в его статье цитат и правильность оформления ссылок на источники.

ИСТОЧНИКИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ необходимо транслитерировать, используя для автоматической транслитерации программу BGN (Board of Geographic Names) на сайте http://www.translit.ru.

Прилагается также перевод списка литературы на английский язык. При этом название всей книги (монографии, диссертации, сборника статей, журнала) приводится также по-русски латинским шрифтом.

Образец:

Romanova, N.N., Filippov, A.V. *Stilistika i Stili* [Stylistics and Style]. M.: FLINTA, 2006. – 405 pp. (in Russian).

Liu Juan. Symbolism of Colour in Russian and Chinese Culture // *Inostrannyie yazyki v vysshei shkole* [Foreign Languages in Higher Education]. Ryazan: RSU named for S.A. Esenin, № 1(20) 2012, pp.94-98 (in Russian).

9. Сведения об авторах

Предоставляются следующие сведения:

- фамилия, имя, отчество автора (полностью, буква «ё» не должна заменяться на «е»);
- учёная степень, звание, должность и место работы (с точным названием кафедры и вуза);
- информация о месте учебы аспиранта либо соискательства автора (кафедра, вуз);
- адрес с почтовым индексом, все возможные средства связи, удобные для быстрого согласования правки (служебный, домашний, мобильный телефоны, e–mail).

Научно-исследовательский журнал

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ НАЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Национальное общество прикладной лингвистики

Коллектив авторов

Подписано в печать 23.05.22. Формат 60x90/16
Заказ № 27. Тираж 1000 экз.
Типография Академии акварели и изящных искусств
art-tipografia.ru
117133, Москва, ул. Академика Варги, 15
Тел.: (495) 531-55-55
academy.andriaka.ru